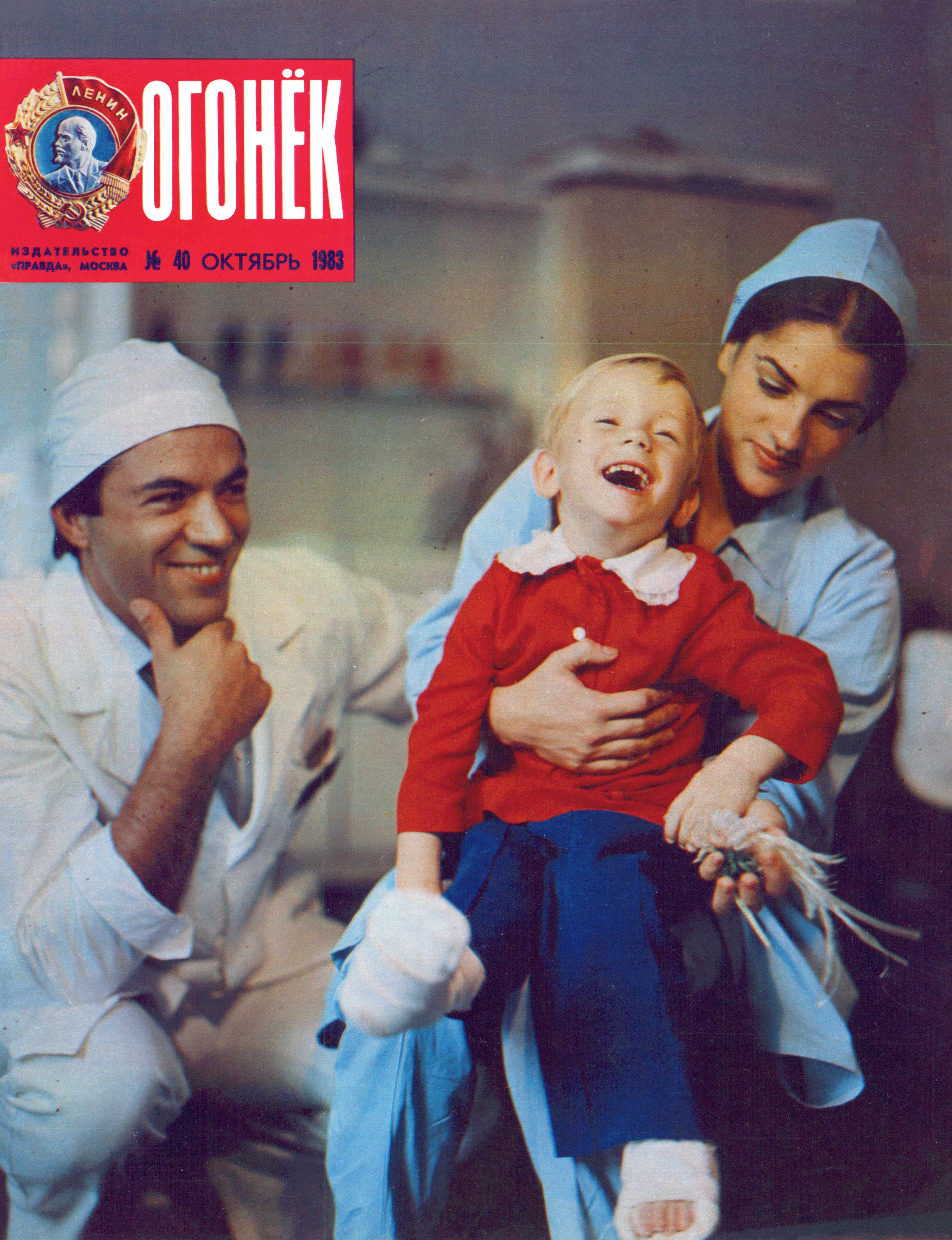

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 40 ОКТЯБРЬ 1983

1

НОЧЬ И ДЕНЬ ДЕВО

2

3

1

Дом, где родилась Раса.

2

Первый этап пути. Раса покоилась в чутких руках фельдшера Элены Болеславовны Кривицкине, машину вел председатель колхоза Витаутас Винцович Блотнис.

3

Владимир Георгиевич Бизюков — начальник Латвийского управления гражданской авиации—разрешил поднять пустой воздушный лайнер ТУ-134Б для единственной цели — спасти Расу.

4

Красная «Нива» мчалась сквозь обступивший ее ночной мрак по сельской дороге в Радвилишкис.

Ю. СУРХАЙХАНОВ
Фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

Многое об этой трагической и высокой истории уже известно...

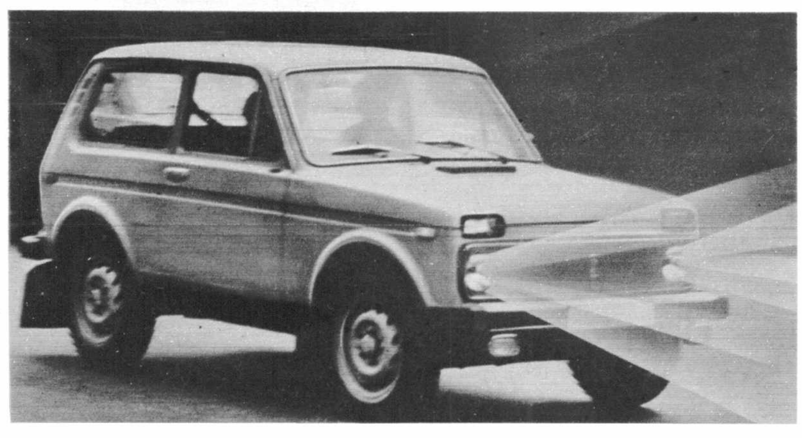
17 июня 1983 года случилась великая несправедливость с крохотной литовской девочкой по имени Раса.

Она лежала на скошенной траве, истекая кровью, оставшись без обеих ступней. Несчастье произошло в 21 час 40 минут — было еще светло, но для девочки наступила ночь.

Она уже не слышала ни шума сенокосилки, продолжавшей свою работу, ни как закричала ее сестренка-близнятка Аушра; не видела лиц отца и матери, так изменившихся в эту минуту; не чувст- нашей страны. Люди разных национальностей, самых разных профессий и должностных рангов в ту ночь сделали все, чтобы к Расе вернулся День.

Он наступил для девочки, когда москвичи уже возвращались с работы, а сама она еще спала в одной из палат Московской городской детской клинической больницы № 13 имени Н. Ф. Филатова. Прошло меньше суток, а ступни ног, совершившие путь с края поля литовского хутора до московской операционной в целлофановом пакете, вновь были на том месте, где им назначено природой.

В наше первое свидание с Расой — это было через два месяца после операции — она уже могла двигать одним пальчиком. Прошла неделя — и на обеих ножках шевелились уже четыре. А спустя еще десять дней, незадолго до выписки из больницы, сняли гипс (девочку собирались купать), и нам позволили прикоснуться к ее ступням. Они были теплые и не

ЧКИ РАСЫ

вовала рук, подхвативших ее. Все дальнейшее, случившееся в ту ночь, прошло мимо сознания трехлетнего ребенка. Временами она приходила в себя, различала склонившиеся над ней лица незнакомых взрослых, они что-то говорили на ее родном языке и другом, незнакомом — Раса ни слова не знала по-русски. Ее долго везли куда-то. Во дворе больницы она еще раз пришла в себя, можно сказать, проснулась, в зыбком предрассветном, без теней, как в белую ночь, свете московского утра, и встретила внимательный взгляд больших глаз незнакомого мужчины в белом халате. Позже микрохирург Рамази Датиашвили нам скажет: «В ее глазах я увидел только безмерное детское любопытство. Словно два живых вопросительных знака вспрыгнули над точками зрачков. У меня отлегло от сердца: болевой шок не осложнился психологическим».

Раса, конечно же, не осознала в полной мере, что за беда приключилась с ней. Не знает она и подробностей этой ночи. Ночи, объединившей в тесный, четко взаимодействующий коллектив многих людей из трех республик отличались цветом от ножек выше шва. Впрочем, шва как бы и не было, он напоминал едва заметный след, оставленный резинкой детского носочка.

Операция, которую сделали Расе, называется на языке медиков реплантация. Еще совсем недавно она была бы невозможна. И этот успех советской медицинской науки, хотя и уникален в мировой практике, все же закономерен, потому что подготовлен многолетним трудом целой когорты ученых отдела микрохирургии Всесоюзного научного центра хирургии АМН СССР, который возглавляет академик Борис Васильевич Петровский, и Всесоюзного детского хирургического центра во главе с академиком АМН СССР Юрием Федоровичем Исаковым. Эти работы медиков были отмечены Государственными премиями СССР.

Операцию Расе сделал молодой талантливый ученик и сподвижник ученых, разработавших методику приживления, кандидат медицинских наук Рамази Датиашви-

См. стр. 31.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 40 (2933)

1 ОКТЯБРЯ 1983

В НОМЕРЕ:

На снимке: во время переговоров.

Фото А. Сенцова (ТАСС)

ПЕРЕГОВОРЫ В МОСКВЕ

В Кремле 26 сентября начались переговоры члена Политбюро ЦК КПСС, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с членом ЦК КПЧ, министром иностранных дел Чехословацкой Социалистической Республики Б. Хнеупеком. Министры обсудили ряд актуальных международных проблем. Они отметили, что нынешнее опасное обострение международной напряженности вызвано авантюристическими действиями наиболее агрессивных сил США и ряда других стран НАТО, сделавших ставку на дестабилизацию международных отношений, на достижение военного превосходства над странами социализма.

Состоялся обстоятельный обмен мнениями по вопросам работы XXXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

●

23 сентября на торжественном заседании Новосибирского городского комитета партии и исполкома городского Совета народных депутатов, посвященном вручению Новосибирску ордена Ленина, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР В. И. Воротников прикрепил высокую награду к знамени города.

Фото Б. Москвина

РУКОПОЖАТИЕ БРАТСКИХ СТОЛИЦ

Как бы часто ни приходилось приезжать в Софию, всегда заново путешествуешь ее улицами и площадями, проспектами и скверами. Вглядываясь в лица, осматривая археологические памятники, органично вкрапленные в современную застройку, любуясь белоснежными кварталами «Исток», «Люлина» или «Младость», поражаешься тому, как город умеет сохранять молодость.

Так ведь секрета никакого: во всем сегодняшнем облике столицы социалистической Болгарии воплощение девиза, которым отмечен герб Софии: «Растет, но не стареет».

Возможность убедиться в справедливости девиза была дана москвичам и гостям столицы во время проведения с 19 по 23 сентября Дней Софии в Москве. В последние годы проведение Дней стало важной формой содружества братских столиц, и более того — выросло в подлинный смотр достижений трудящихся двух городов, братских социалистических государств в самых разных областях экономики, науки и культуры. Проведение Дней Софии в этом году совпало по времени со знаменательной датой — 60-летием антифашистского Сентябрьского восстания в Болгарии, они проходили вскоре после того, как болгарский народ торжественно отметил свой большой национальный праздник — День свободы.

Тепло и сердечно приветствовали москвичи делегацию столицы Болгарии во главе с секретарем ЦК БКП, первым секретарем Софийского городского комитета БКП Ч. Александровым. На встрече в Государственном Центральном концертном зале выступил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин. Наши страны, сказал он, связывает нерушимая дружба, имеющая глубокие исторические корни. В упрочение советско-болгарских отношений значительный вклад вносят разносторонние связи наших столиц. В их развитии активное участие принимают многие производственные и научные коллективы, вузы и школы, учреждения культуры, общественные и творческие организации. В своем выступлении Ч. Александров рассказал о том, как трудящиеся Софии, всей Болгарии настойчиво претворяют в жизнь исторические задачи, выдвинутые XII съездом БКП. Он отметил, что достижения Болгарии тесно связаны с разносторонним сотрудничеством с Советским Союзом, со всеми братскими странами социализма.

...Переступая порог выставки «София — столица социалистической Болгарии», развернутой на ВДНХ СССР, словно попадаешь в этот город вечной молодости. Я шел по знакомым «площадям» и «проспектам», а встречали меня радушие и гостеприимство жителей, на этот раз выступающих в роли гидов. Они-то и рассказали, что более ста улиц, бульваров, площадей и зданий Софии носят имена русских и советских героев, общественных деятелей, писателей, ученых. Что самые красивые здания в старой части города были спроектированы русскими инженерами и зодчими. И за сегодняшнюю молодость и красоту балканского города «несут ответственность» советские специалисты. Первый план развития города был разработан с помощью выдающихся наших архитекторов Щусева, Мордвинова, Баранова.

У кинотеатров «София» и «Москва» целую неделю зрители настойчиво спрашивали лишний билетик. Лучшие свои работы последних лет привезли болгарские кинематографисты. Около ста полотен из собрания Софийской государственной художественной галереи составили выставку в зале Союза художников СССР на Кузнецком мосту. Свое искусство демонстрировали москвичам женский камерный хор имени Пипкова, эстрадный певец Эмил Димитров, камерный ансамбль «Софийские солисты», самодеятельные коллективы Софии. Во Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы была развернута выставка книг болгарских авторов. Спортсмены двух столиц померились силами на столичных стадионах...

Традиционные Дни Софии в Москве стали настоящим праздником братской дружбы между советским и болгарским народами.

В. КОВАЛЕВ

Посланцы столицы Болгарии посетили московский станкостроительный завод «Красный пролетарий».

Фото В. Созинова (ТАСС)

ПИСАТЕЛИ В БОРЬБЕ ЗА МИР

Ташкент. 26 сентября. Во время открытия конференции.

Столица Узбекистана, где четверть века назад зародились благородные традиции афро-азиатского писательского движения, вновь стала местом встречи прогрессивных художников слова двух континентов. Сплоченные духом дружбы, сотрудничества и интернационализма, они собрались здесь на VII конференцию Ассоциации писателей стран Азии и Африки. Представительный форум, который проводится в ознаменование 25-летия этой организации, обсудит важнейшие проблемы современного литературного процесса, тесно связанного с борьбой за торжество человеческого разума, за мир, прогресс и независимость народов, против угрозы войны.

Продолжительными аплодисментами было встречено приветствие товарища Ю. В. Андропова участникам VII конференции Ассоциации писателей стран Азии и Африки. Его огласил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов. «Ваша конференция,— говорится в приветствии,— проходит в исключительно сложное и трудное время, когда по вине империализма резко обострилась международная обстановка, возросла угроза ядерной катастрофы... Мы исходим из того, что общими усилиями людей доброй воли можно отстоять мир и направить ресурсы современной цивилизации на удовлетворение насущных нужд миллионов людей, на ликвидацию позорных последствий колониального прошлого. Гражданский долг требует от писателя активного участия в борьбе за осуществление этих высоких целей».

VII конференция Ассоциации писателей стран Азии и Африки — это новое свидетельство неизмеримо возросшей роли и значения писательского слова и литературы в целом в борьбе за дело мира, за дружбу и взаимопонимание между народами.

Участники конференции: В. Э. Шагаль (СССР), Мухаммед Ода и Абдуррахман аль-Хамиси (Египет), Н. Т. Федоренко (СССР).
Телефото Ф. Курбанбаева и А. Кошкина (ТАСС)

Мужественной борьбе арабского народа Палестины за свою свободу и независимость, за прочный и справедливый мир на Ближнем Востоке посвятил свое творчество и талант, всю многогранную общественную деятельность известный палестинский поэт Махмуд Дервиш. За выдающиеся заслуги он удостоен международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

21 сентября в Свердловском зале Кремля на торжественном собрании председатель Комитета по международным Ленинским премиям академик Н. Н. Блохин вручил М. Дервишу диплом и золотую медаль лауреата.

На снимке: во время вручения.
Фото В. Христофорова (ТАСС)

Терроризируют ООН

Владимир СИМОНОВ,
соб. корр. АПН —
специально для «Огонька»

Срок действия моего пропуска на вход в здание ООН истек. Поэтому я провел полчаса в очереди в отделе безопасности небоскреба на Ист-Ривер. Надо было проставить новые даты на кусочке картона с фотографией и надписью «пресса».

Очередь больше, чем обычно. Открывшаяся XXXVIII сессия Генеральной Ассамблеи, конечно, пополнила делегации стран — членов ООН. Вновь прибывшие дипломаты спешат получить пропуска, без которых им не пройти сквозь несколько заслонов охраны у входов в здание. В связи с сессией меры безопасности резко усилены.

Сверкает лампа-вспышка. Щелкает затвор фотоаппарата. Запаянный в пластик и прикрепленный к лацкану пиджака моментальный снимок будет служить его обладателю своего рода «охранной грамотой» в стенах штаб-квартиры международного форума. Но только в этих стенах. Только в архитектурном комплексе, ограниченном 42-й и 45-й улицами, 1-й авеню и гладью реки.

А что ждет дипломата, покидающего эту обитель относительной безопасности?

Тоже, возможно, внезапная, слепящая вспышка. Но уже не фотоблица. Так во мгле апрельской ночи 1980 года здесь, в Нью-Йорке, был убит выстрелом в затылок делегат постоянной миссии Кубы при ООН Феликс Гарсиа Родригес.

А через несколько минут в редакцию «Нью-Йорк таймс» уже названивал возбужденный, на грани радостной истерики голос: «Это мы его пришили... мы — «Омега-7»... Одним человеком Фиделя Кастро стало меньше...»

Здешней полиции не составило бы никакого труда установить, где обитает торжествующий убийца. А что, собственно, устанавливать? Банды кубинских эмигрантов-контрреволюционеров, именующие себя «Омега-7» и «Альфа-66», ведут в Нью-Йорке охоту на дипломатов из Гаваны и других латиноамериканских столиц с негласного благословения властей. Технические службы американской разведки давно бьются над проблемой, как бы физически уничтожить лидера кубинской революции. Тем временем «Омеге-7» удалось убить одного кубинского дипломата. Что ж, маленький, а все-таки шажок к общей цели. Точнее, выстрел в общую мишень. За это здесь не наказывают.

Но все же каких-то «мальчиков для битья» из эмигрантской мафии арестовали. Главарей, естественно, не тронули. А вскоре та же «Нью-Йорк таймс» со вздохом облегчения сообщила: «Все обвинения сняты». Почему? Кто простил убийце гибель Феликса Гарсиа Родригеса? Кто выписал индульгенцию виновным в совершенном через некоторое время покушении на жизнь Рауля Роа Коури, постоянного представителя Кубы при ООН?

Прессу это почему-то не интересует. Всеведущее телевидение этого не знает. Говорливые в других случаях полицейские чины молчат.

Между тем вывод напрашивается серьезнейший. Администрация США не гарантирует безопасность персонала ООН, более того, она сознательно потворствует террору против дипломатов и членов их семей, который систематически ведут эмигрантские организации и американские спецслужбы. Обязательства, взятые на себя Соединенными Штатами в 1947 году, как страной, предоставившей свою территорию для размещения штаб-квартиры ООН, остались на бумаге. В жизни вместо них — кровавые пятна на нью-йоркском асфальте.

Примерно к такому заключению приходят авторы доклада, подготовленного Комитетом ООН по связям со страной местопребывания. Конечно, эта мысль сформулирована сдержанным, дипломатическим языком, но он не делает изложенные там факты менее весомыми. Листаю документ в кремовой обложке, датированный 1983 годом. А в голове вертится вопрос: вселилась бы ООН в свой стеклянный дом на Ист-Ривер, если бы с самого начала было известно, какую обстановку травли, запугивания и прямого террора создаст вокруг международного форума страна-хозяин?

5 октября 1982 года. Семь дипломатов из миссии постоянного наблюдателя Корейской Народно-Демократической Республики выехали на пикник в живописное местечко в округе Уэстчестер. Только выложили на салфетки бутерброды, откупорили бутылки с кока-колой, как рев сирен! Пикник берут в кольцо машины с мигалками. Полицейские хватают корейского дипломата и пытаются арестовать его под предлогом, будто некая «истица» подала на него «жалобу». Топорно сработанная провокация. Наспех сочиненный лживый повод. Таков обычный почерк ФБР, старательно выполняющего указания сверху насчет того, какие неугодные Вашингтону делегации надо «прижать», «наказать» или «привести в чувство».

В небоскребе на Ист-Ривер страна-хозяин ведет себя так же, как и в международных делах. Окрик, провокации в духе психологической войны и грубая сила остаются главными методами, с помощью которых Соединенные Штаты хотели бы управлять волей других народов.

Комитет по связям со страной местопребывания подробно разбирает протест КНДР в связи с нападением полиции на корейского сотрудника. Чувствуется, что авторы доклада полны добрых намерений как-то улучшить обстановку, в которой приходится работать дипломатическому персоналу международного форума. В заключительных абзацах документа каждая фраза начинается со слов: «Комитет настоятельно призывает страну местопребывания...» К чему? Создать нормальные условия для жизни и работы дипломатов. Обеспечить, наконец, их безопасность. Предать правосудию тех, кто совершает акты террора. Избегать действий, нарушающих обязательства перед международным сообществом.

Благие призывы. К сожалению, стопка докладов в кремовых обложках свидетельствует пока лишь об одном: ничего не меняется. Кроме того, что преследование представителей социалистических государств, прогрессивных стран третьего мира и национально-освободительных движений становится все наглее, агрессивнее и изощреннее по методам.

...Нью-Йорк еще помнит этот взрыв на углу 2-й авеню и 68-й стрит. Взлетела на воздух автомашина главы миссии Нигерии. Кто-то хотел наглядно намекнуть представителю молодой африканской страны: надо бы голосовать в ООН по интересующим Вашингтон вопросам по-другому. Иначе в следующий раз динамит грохнет, когда в машине будут пассажиры...

О том, кто именно подает такие знамения, никто здесь не спрашивает. Давно известно, что стеклянный дом на Ист-Ривер стал своего рода аквариумом, где резвится мелкая и крупная хищная рыбешка из ЦРУ. Журналист-социолог Джеймс Бемфорд свидетельствует: «ООН стала лакомым объектом американского шпионажа, который ведется в том числе и техническими средствами».

Здесь на помощь ЦРУ приходит Агентство национальной безопасности (АНБ). По сведениям Бемфорда, АНБ регулярно перехватывает каналы телефонной и телексной связи между посольствами в Вашингтоне и постоянными представительствами при ООН. Так, в период фолклендского кризиса АНБ следило за шифропередачами аргентинского посольства и передавало их содержание Лондону. Вообще же, пишет Бемфорд, разгул американских спецслужб в стенах ООН официально узаконен президентской директивой № 12333.

После взрыва автомашины нигерийского дипломата представитель США Р. Моллер был вынужден признать на заседании Комитета по связям со страной местопребывания:

— Мы живем в атмосфере насилия и терроризма...

Моллер не уточнил, кто стоит за насилием. Может быть, откровения на этот счет были ему просто не по чину. Действительно, если уж кто знаком с подноготной террора американских спецслужб против ООН, так это скорее всего нынешний постоянный представитель США в этой организации г-жа Джин Киркпатрик. В здешней печати проскальзывали сведения, что ее близким связям с ЦРУ пошел уже третий десяток лет. Небезынтересный факт: мужа г-жи Киркпатрик — Эврони Киркпатрика считают одним из основателей Управления стратегических служб (УСС), предтечи ЦРУ. Брат мужа — Лаймен Киркпатрик одно время занимал пост генерального инспектора ЦРУ, то есть был в шпионской конторе третьим по рангу лицом. Неплохая, с точки зрения Вашингтона, родословная у постоянного представителя США при ООН. А каковы корни, таковы и плоды.

Используется любой предлог, любая зацепка. Купил, например, глава ливийской миссии Али Абдель Салам дом в местечке Энглвуд, штат Нью-Джерси, хотел было устроить там летнюю резиденцию для себя и своих коллег. Тотчас кто-то подбросил углей в здешнюю антиливийскую кампанию. Сделку пытаются аннулировать, хотя она была совершена в полном соответствии с местными законами.

В то же время доклад Комитета по связям со страной местопребывания признает: городские власти Нью-Йорка не прилагают никаких усилий, чтобы обеспечить сотрудников ООН сносным жильем. Более того, персонал ООН испытывает на себе всю мерзость американского расизма. Нью-йоркские фирмы-арендаторы не сдают квартиры дипломатам из афро-азиатских стран. Цвет кожи ограничивает их доступ в городские бассейны, клубы. В кругах ООН даже вошел в обращение грустный термин «лилейно-белое гостеприимство».

Оно все-таки лучше, чем просто запертые ворота. В нарушение всех обязательств США присваивают себе право выдавать или не выдавать визы членам делегаций стран — участников ООН в зависимости от своих отношений с этими странами.

Так, в марте этого года представитель ГДР Гюнтер Меннинг должен был прибыть на сессию Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях. Сессия прошла без него. Меннингу не дали визы, хотя целью его поездки было не знакомство с природными прелестями США, а участие в деятельности органа ООН. Вашингтон в который раз взял на себя роль незваного архангела Петра у ворот

См. стр. 6.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Орудуя
Нахраписто и бурно,
Прельстились боссы
Дальним образцом:

Мечтают
На манер колец Сатурна
Всю Землю
Окружить своим «кольцом».

Но уповает
На затею эту
Напрасно
Пентагоновская рать:

Ей не удастся
Мирную планету
Злодейством и войной
Окольцевать!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

см. стр. 4.

международного форума. Самый поразительный случай такого пренебрежения к мировому сообществу был продемонстрирован, как мы помним, еще в июне прошлого года, когда США отказали в визах примерно 500 сторонникам мира, собиравшимся прибыть на вторую специальную сессию ООН по разоружению.

Провокация, отказ в визе, шпионаж. Вот тот набор «гостеприимства», которым окружили персонал ООН Соединенные Штаты. Сегодня же на гребне антисоветской истерии вокруг провокации с южнокорейским авиалайнером, в ход все чаще идут динамитная шашка, зажигательное устройство, пуля.

4 сентября толпа хулиганов напала на резиденцию постоянного представителя СССР при ООН в Гленкове, сломала ворота, вырвала «с корнем» аппаратуру электронной сигнализации, пыталась вломиться в дом. Репортеры с телекамерами ждали, сбежались на погром заранее, а полиция прибыла, конечно, когда все уже свершилось...

В той или иной степени притеснения, нажим, а часто и террор страны-хозяина испытали на себе представители Вьетнама, Кубы, Египта, Никарагуа, Югославии, Нигерии и многих других стран. Соединенные Штаты ведут себя не как «страна местопребывания ООН» со всеми вытекающими отсюда обязательствами. По существу, американская администрация и ее спецслужбы хотели бы превратить многотысячный персонал крупнейшего международного форума в своих заложников. Формула шантажа такая: чем более независимая политика государства, тем хуже будет его дипломатам в Нью-Йорке. И не только потому, что в этом городе происходит 300 преступлений каждый божий день. У тех, кто правит сегодня «страной местопребывания», свой арсенал средств насилия.

Ненависть верхов просачивается и на страницы здешних газет. «Этот форум так называемых «миролюбивых стран»,— строчит в «Нью-Йорк пост» некий Реммет Тиррел-младший,— стал... источником зла. Соединенные Штаты должны снять с себя обязанности хозяина. ООН должна упаковать чемоданы и отбыть отсюда».

Ему вторит не кто иной, как мэр Нью-Йорка Коч: «ООН лицемерна и труслива, и меня не особенно встревожит, если она покинет этот город».

Наглость этих высказываний объясняется как раз тем, что именно к этому ведут дело. Перед нами бравада людей, которые относятся к ООН, как к Золушке. Но времена другие...

Уходя из здания ООН, я слышал, как по внутренней радиосети передавались жаркие дебаты в Комитете по связям со страной местопребывания. Тема была вопиющая — отказ гарантировать безопасность и обслуживание самолета главы советской делегации, заместителя Председателя Совета Министров СССР, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко.

На улице дипломаты снимали и прятали в карман свои ооновские пропуска. Да, в джунглях Нью-Йорка — это как перекрестие мишени...

Нью-Йорк.

Начинается утро

Бойцы Сандинистской народной армии бдительно стоят на страже революционных завоеваний, отражая нападения сомосовских банд, забрасываемых ЦРУ США на территорию республики.

Фото спец. корр. ТАСС Г. Надеждина.

Как начинается утро здесь, на востоке Никарагуа? Солнечные лучи скользят по бескрайнему изумрудному разливу непроходимых, покрытых влажной испариной джунглей департамента Селая. Они заглядывают в оазисы поселений индейцев-мискитов, где уже тянутся кверху дымки очагов и пахнет маисовыми лепешками. Задерживаются на мгновение над шахтерскими поселками Сюна и Бонанса, по улицам которых идут в забой шахтеры с карабинами за плечами. Им навстречу неторопливо и устало возвращаются отработавшие в ночную смену. За плечами у них тоже старые, тяжелые карабины.

За поселками — вновь пустынная сельва с редкими островками одиноких хуторов на склонах гор, отделяющих Селаю от департаментов Хинотега и Матагальпа. И здесь над лесами поднимается дым, но это не мирный дым очагов. Горят крестьянские хижины и кооперативы. Бандиты в голубоватой форме подносят факелы к крышам из сухих пальмовых листьев, и те вспыхивают как порох. Затем сомосовцы уходят, угоняя с собой оставшихся в живых, оставив вдоль обочин, у заборов тела замученных крестьян.

Сомосовский отряд под командой бывшего лейтенанта национальной гвардии Хосе-Франсиско Руиса в конце августа перешел гондурасско-никарагуанскую границу. Они шли на соединение с другим отрядом, прорвавшимся через южную границу. Но «рандеву» не состоялось. Части Сандинистской народной армии встали на пути сомосовцев и погнали их восвояси. Обозленные потерями и неудачами, затравленные, словно волки, сомосовцы принялись жечь, грабить и убивать. Здесь, на севере, сожжено уже больше тридцати хуторов, убито около сотни крестьян.

Солнечный луч, вырвавшись из угарного плена пожарищ, падает на крутую лесную тропу, по которой взбирается к вершине цепочка людей. За плечами у них тяжелые вещмешки, в руках оружие. Все они в пятнистой маскировочной форме пограничников. Луч скользит по их усталым, потным лицам. Уже не одну неделю идет по следам банды батальон специального назначения «Симон Боливар». Вот поднял руку передний боец, и цепочка боевого дозора мгновенно рассыпается. Тишину вспарывает треск очередей. Тяжело ухают разрывы гранат... Спешат к месту боя, продираясь сквозь заросли диких бананов, ротные колонны.

В конце августа в банде сомосовцев было пятьсот человек, сейчас осталось меньше половины.

...Все дальше на запад шествует утро. Белыми кусочками рафинада заискрился на дне изумрудной горной впадины город Матагальпа — тихий и патриархальный, с высокими кипарисами перед кафедральным собором. Центр его только просыпается, распахивая ставни окон навстречу утреннему ветерку, а на окраине — у самой ленты окружного шоссе — уже кипит работа. Урчат бульдозеры, надрывно скрипят лебедки и подъемники, ревут, одолевая крутизну, грузовики. Мелькают смуглые тела рабочих и их разноцветные пластиковые каски. Здесь заканчивается строительство нового госпиталя, одного из самых больших в стране.

Перевалив через горные хребты, рассвет заливает долину Манагуа и Чинандеги. Расплавленной медью отразившись в зеркальной глади огромного озера, он приходит в столицу. Манагуа оживает сразу. Гремят по булыжным мостовым тележки торговцев. Улицы заполняются людьми, спешащими на фабрики, в учреждения и банки. На перекрестках, как из-под земли, возникают стайки голосистых мальчишек с пачками газет. На широкой площади Революции, в тени Национального дворца, строятся колонны юношей, одетых в военную форму. Вокруг них — провожающие. Музыка, крики, смех, песни. В Никарагуа недавно принят закон о патриотической воинской службе. До этого армия была профессиональной. И вот первый набор — ребята пойдут в училища и школы, чтобы, окончив их по ускоренной программе, стать офицерами и обучать новобранцев.

У крестьян Чинандеги свои заботы — сев хлопка. От края до края долины протянулись поля. И не верится, что через несколько месяцев покроются они, слозно снегом, белым пухом хлопка. В госхозе «Санта-акарлота» около четырех тысяч гектаров земли, а рабочих рук не хватает, особенно в такую горячую пору. Поэтому вместе со старшими работают на полях и подростки. «Не отставай, живей, живей! — покрикивает на своих сыновей Фелисьяна Хуарес. — Не на помещика, на себя работаем! Что, нелегко? Да, это вам не в бейсбол гонять с утра до ночи. Ну ладно, передохните», — с ласковой усмешкой добавляет она и с надеждой смотрит в безоблачное утреннее небо: дождя бы сейчас.

Рассвет доходит до западного края никарагуанской земли и тонет в серых, неприветливых волнах Тихого океана. Пронзительно кричат стаи чаек. Рыбаки выходят в море, на руках выталкивая свои суденышки через мелководную и бурную полосу прибоя. Вдруг воздух вздрагивает от дальнего эха взрывов, и все на мгновение замирает. Даже чайки смолкают и складывают крылья, падая на волны...

Специальные команды диверсантов-аквалангистов установили ночью мины в различных точках побережья. Около центнера сильнейшей взрывчатки было обнаружено под опорами моста через устье реки Кабальос, соединяющего основной порт страны Коринто с сушей. Был взорван и выведен из строя глубинный нефтепровод в порту Сандино. Пятнадцать килограммов пластиковой взрывчатки «С-4» буквально разнесли в щепы мол и катера рыболовецкого кооператива «Марио Карильо», ударная волна разрушила несколько домов на берегу.

— Негодяи! — возмущенно говорит Сантос Мендес, председатель кооператива, прижимая к себе двух своих малышей. — Только мы встали на ноги, только зажили по-человечески, освободились от спекулянтов-хозяев, организовали кооператив — опять нужно начинать все сначала. Но ничего, построим и мол новый, и катера купим. Революционная власть поможет, как уже не раз нам помогала. А работы мы не боимся, правда? — обращается он к окружающим его рыбакам.

— Построим, Сантос, все заново построим, — раздается из толпы чей-то голос. — Мы теперь не одни, а вместе и работать в радость...

В стране начинается новый день. Один из тех полутора тысяч, что страна прожила после победы революции. Может, и не самый легкий из них. Обычный день новой Никарагуа.

Михаил БЕЛЯТ,
соб. кор. АПН — специально для «Огонька».

Манагуа.

ЧИТАТЕЛЬ ЗАИНТЕРЕСОВАН: ПРЕДЛАГАЕТ, КРИТИКУЕТ

Отвечаю на предложение «Огонька» принять участие в заочном редакционном совете, о котором вы объявили в № 33.

Я учитель русского языка и литературы. В школе работаю 27 лет. Все годы мы собираем материалы для внеклассной работы. Основой этого собрания служит нам «Огонек».

Какое это чудо — встреча с репродукциями известных и неизвестных мастеров живописи, новыми стихами, повестями, романами.

В мир духовной жизни наших школьников запросто сошли со страниц «Огонька» прекрасная поэма Р. Рождественского, полотна художников Н. Рериха, К. Васильева, И. Глазунова, С. Бродского, Ю. Ракши, новые страницы из жизни А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, В. В. Маяковского, Ф. М. Достоевского. Это неоценимая помощь нам, учителям. Полюбились нам и герои романа Ю. Бондарева «Берег».

В. Бугаленко

Одесса.

Читаю «Огонек» с 1943 года от корки до корки. Коллекционирую все, что печатается об А. С. Пушкине, вновь хотелось бы увидеть на страницах журнала портрет Натальи Николаевны Пушкиной.

Хорошо, что вы знакомите читателей с молодыми поэтами, с жизнью разных стран и народов, хорошо, что политическая карикатура заняла свое достойное место в журнале.

Н. Соколова

Грозный.

Мне кажется, что журнал недостаточно обращается к вопросам воспитания подростков и молодежи. Я живу в большом доме и наблюдаю, как мало порой родители, особенно отцы, уделяют внимания своим детям. Одеть, накормить — вот все или почти все. Это происходит, на мой взгляд, от незнания педагогических истин.

Большое впечатление произвели на меня очерк И. Месхи «Печаль» и рассказы М. Халфиной. Вопросы культуры, воспитание музыкального вкуса, осуждение пошлости и дурного вкуса в искусстве тоже, безусловно, огоньковские темы.

А. Генеропитомцева, историк

Томск.

В связи с 40-летием победы в Великой Отечественной войне хотелось бы почитать не только фронтовые воспоминания, публицистику, но и хороший роман на военную тему.

В. Сыщиков

Воронежская обл., с. Знаменка.

Мало пишется о выдающихся спортсменах, хотелось бы чаще видеть очерки-биографии об интересных людях, спортсменах, писателях, художниках, ученых.

И. Кузьмин

Нижний Тагил.

Очень интересуют следующие темы: новинки в теории шахмат, история и развитие дельтапланеризма и серфинга.

Б. Васильев, слесарь-ремонтник

Ленинград.

Всей семьей читаем «Огонек». Любим рассматривать фотографии, лучшие, например, фото Н. Козловского «Обед комбайнеров» в № 33, вырезаем. Для сына подбираем военные фото, фото с парадов, исторические кадры, военные воспоминания, письма бойцов.

Дочь коллекционирует ваши вкладки. Я тоже люблю статьи по искусству, о художниках. Ведь и живешь-то только благодаря возвышающей силе прекрасного, очищающей от житейской суеты. Прекрасное — это ориентир на человеческое в самом себе, на открытие лучшего в человеке. Многое потрясает в живописи Лукаса Кранаха, Бенуа, Тулуз-Лотрека, Босха, Лиотара. Хотелось бы узнать о них больше.

Не может не интересовать нас и современность, герои труда, их жизнь, мир увлечений.

Л. Полищук, 38 лет

Караганда.

Спорт отображен хорошо, но мало.

Нет фельетонов о социальном зле номер один, как у медиков — инфаркт и рак. Это тема о взяточниках, но не о тех райкинских забулдыгах — водопроводчиках и телемастерах, а о людях «солидных», прикрывающихся своим должностным положением. Показать их духовный облик, моральное разложение и этим, быть может, предостеречь иных. Факты эти, увы, есть.

Ф. Лиховайдо, член КПСС

Новочеркасск.

Интересно было бы почитать о тех городах капиталистических стран, которые дружат с городами-побратимами в нашей стране. Больше хотелось бы узнать о жизни Юго-Восточной Азии, о возрастающей милитаризации Японии, об американской политике в странах этого региона.

И. Жидок

Молдавская ССР, с. Чинишеуцы.

Работая в библиотеке, мы испытываем нужду в материалах о героических людях, чья жизнь помогает воспитывать подрастающее поколение: Мише Морозе, Наде Курченко, Зое Космодемьянской, Уле Громовой, Светлане Савицкой, Валентине Терешковой и еще о многих, которых мы не знаем, а вы, журналисты, встречаете на своих журналистских тропах.

Е. Славецкая, школьный библиотекарь, 47 лет

Барнаул.

Публикуйте больше хороших, остросюжетных повестей, романов, политических хроник и детективов, и, поверьте, читатели вам будут только благодарны.

Хотелось бы чаще видеть имена В. Быкова, Ю. Семенова, Н. Думбадзе, А. Адамова, А. и Г. Вайнеров, Ж. Сименона. Словом, нужен детектив «Огоньку», нужны рассказы о чекистах, работниках милиции, разведчиках и партизанах Великой Отечественной войны, героях гражданской войны. Редок стал у вас и зарубежный детектив.

Чаще публикуйте пейзажи нашей Родины на обложке. К счастью, прекрасного у нас в изобилии.

Е. Прийменко

Ставрополь.

По-моему, «Огонек» мало печатает лирических стихотворений. Хотелось бы видеть их в каждом номере, причем разных поэтов — советских, зарубежных.

А. Симдянов, юрист

Куйбышевская обл., г. Чапаевск.

Пишет вам подписчик с тридцатилетним стажем. Смолоду приобщился к искусству, побывал в Москве, Ленинграде, поездил по стране от Черного и Балтийского морей до Тихого океана. И везде старался не миновать ни одного музея, ни одной картинной галереи. Прослушал много опер, оперетт, видел почти все старые спектакли МХАТа, Малого и других. Может быть, поэтому особенно люблю читать в «Огоньке» разделы по искусству, материалы под рубрикой «Славные имена» о людях, составляющих гордость нашей многонациональной страны. В восторге был от повести Н. Скатова о А. Кольцове. Об А. С. Пушкине, М. Ю. Лермонтове, Л. Н. Толстом, Н. В. Гоголе можно читать бесконечно.

Мало еще рассказывает «Огонек» о выдающихся театральных деятелях А. В. Неждановой, А. К. Тарасовой и др. Редки наши встречи с такими художниками, как Клодт, В. Маковский и др. За то произведения некоторых, хотя и знаменитых художников порой повторяются по нескольку раз.

Д. Федотов

Москва.

«Огонек» должен больше уделять внимания экономике. Не скажу, что вы обходите эту тему. Есть публикации эти почти в каждом номере. Хотелось бы читать о нашей матушке-кормилице — земле. И не только о сельском хозяйстве, посадках, уборке, урожаях, а именно о рациональном, разумном использовании земли, о недостатках в борьбе за ее плодородие, сохранении влаги, эрозии почвы и подобных проблемах. Агроном — маршал земли, полководец растений. Ему и слово на страницах печати. Надо в десятки раз повысить спрос и ответственность должностных лиц за брак на земле. Мы же спрашиваем за брак в производстве.

Н. Шаповалов, пропагандист

Кировоградская обл., г. Помошная.

Не все имеют возможность путешествовать по миру, и журнал «Огонек» должен стать нам помощником в этом вопросе. Хотелось бы видеть Париж, Рим, Мадрид и другие прекрасные города мира на ваших вкладках, прочитать о жизни жителей этих городов, стран.

Мало пишете и об археологии, а интерес к ней огромен.

Н. Точилина, инженер-программист

Москва.

Редакция благодарит читателей, принявших участие в обсуждении анкеты, помещенной в № 33 «Огонька». Предложения и критические замечания помогут нам в составлении планов на 1984 год. Ждем новых писем.

МЫ-ПРОТИВ ВОЙНЫ!

Т. ЗАХАРОВА, депутат Верховного Совета РСФСР

Австрия, Италия, США, Швеция... Во многих странах побывала работница Ленинградского завода слоистых пластиков Герой Социалистического Труда Т. М. Захарова. Будучи депутатом Верховного Совета РСФСР, представляя рабочий класс Ленинграда, Татьяна Михайловна, как метко заметил корреспондент одной западной газеты, «сама является убедительнейшим аргументом в любой дискуссии о правах человека». Подобных дискуссий, встреч с искренними друзьями, а также и заведомыми недругами нашей страны немало на счету ленинградской труженицы, жизнь которой и в самом деле убедительный пример возможностей, предоставляемых Советской властью, Конституцией СССР каждому гражданину.

— Самые сильные и самые страшные воспоминания моего детства связаны с войной,— рассказывает Татьяна Михайловна.— Волею судеб наша деревушка оказалась в районе боя, о котором позже военные историки напишут как об одном из грандиознейших сражений второй мировой войны.

Курская битва в прямом смысле слова пронеслась над моей головой — эти тяжелые дни я провела в окопах вместе с нашими солдатами, которые отражали наступление немецко-фашистских войск. Так уж получилось, что эвакуироваться мы вовремя не успели и, кроме окопов, блиндажей, на израненной земле попросту не нашлось места, где можно было укрыться от смерти...

С миру по нитке собирали меня родители в большой город. А там уже самостоятельно — с нуля, в общежитии — начинала я заводскую жизнь. Но ведь не пропала! Получила не одну — семь специальностей. Вырастила сына, двух дочерей... Надо ли напоминать, что представлял в первые годы после войны истерзанный блокадой Ленинград? Но среди огромной работы по его восстановлению не осталась без заботливого внимания старших и моя судьба.

И когда, став взрослой, взялась вести дневник, начала его такими словами: «Всем, что я умею делать, чего достигла, я обязана хорошим людям, окружавшим меня всю жизнь. Они помогли мне, сорванной с насиженного места послевоенным лихолетьем деревенской девчонке, найти любимую работу, обучили профессии, раскрыли передо мной красоту труда, окрылили счастьем личной сопричастности с великими делами партии и народа. Каждая встреча с такими людьми драгоценна и незабываема».

Многое могу рассказать о тех, кто помог мне встать на ноги. И тем не менее никогда не сумею перечислить всех, ибо помогала мне вся страна. Страна, где моя судьба не исключение из правил, а следствие государственной политики, главная цель которой состоит в том, чтобы обеспечить своим гражданам счастливую, мирную жизнь.

— Татьяна Михайловна, вы не раз выезжали за рубеж. Имели возможность сравнивать, сопоставлять...

— Два года назад, например, я побывала в Швеции — в составе делегации Ленгорсовета: в Гетеборге проводились дни Ленинграда. Программа нашего пребывания была тщательно продумана, нас хорошо понимали и многое показали. Общее впечатление? Богатая, ухоженная, сытая страна. О походе Карла XII в Россию и разгроме шведского войска под Полтавой ее жители до сих пор вспоминают так, будто это произошло вчера. Надо же, вот счастливые люди: не знают, что такое война.

Однако на самом-то деле счастливые ли? В муниципалитете Гетеборга нам, не скрывая тревоги, рассказывали об эпидемии, охватившей значительную часть шведской молодежи,— об эпидемии апатии, наркомании, алкоголизма. Нет, это вовсе не от счастья и не оттого, что «такой уж нынче век», как пытались объяснить наши собеседники. Это, как и все на нашем свете, от людей, от их отношения друг к другу, от общества, в котором они живут.

Впрочем, шведы сами разберутся, что их устраивает в своем обществе, а что нет. Лично я могу только сказать: познакомившись со шведской «моделью счастья», испытываю теперь еще большую благодарность к нашему обществу. Ничего не сваливая на век, не пасуя перед трудностями, оно настойчиво, упорно строит новые отношения между людьми, строит и самого нового человека.

— Много лет вы были наставницей, а сейчас, став инструктором производственного обучения, сделали работу с молодежью своей основной профессией. Что больше всего интересует юношей и девушек в ваших рассказах о зарубежных поездках?

— Знаете, каждое выступление на эту тему — своеобразный экзамен, на котором они сверяют с моими словами свои представления о западной жизни, представления, нередко почерпнутые из кинофильмов, материалов зарубежной прессы, различных «радиоголосов», которые неустанно восхваляют буржуазные «свободы» и противопоставляют их правам и обязанностям, утвержденным Основным Законом нашей страны.

С удовлетворением отмечу: большинство молодых не верит пропаганде такого рода. Рост цен, преступности, безработицы — все это никаким глянцем не замаскируешь и ничем, кроме как пороками самого капиталистического строя, не объяснишь.

Но критический подход к пропаганде наших недругов предполагает умение размышлять и анализировать. Увы, незначительной части молодежи, предпочитающей не утомлять себя излишне ни трудом, ни размышлениями, куда легче согласиться со стереотипом представления о Западе как о некоем царстве лени и удовольствий.

Что ж, полезно бывает узнать о некоторых деталях той жизни. Возьмем хотя бы медицинское обслуживание. Внешне все выглядит очень благопристойно: больницы сияют чистотой, есть немало прекрасных специалистов. Однако и чистота и специалисты стоят весьма дорого. Помню, в Австрии нашу делегацию возил по стране молодой еще шофер. Меня поразило его перекошенное жуткой гримасой лицо. Случайно узнала: у Павла, так звали водителя, большая семья, и, когда после сильной ангины ему посоветовали сделать несложную, в общем, операцию по удалению гланд, он, подсчитав деньги, пришел к выводу, что это ему не по карману. Однако боли продолжались, и он решился — нашел врача подешевле, а тот за немалые все же деньги ухитрился его изуродовать, задел какой-то нерв.

Или такая привычная для нас вещь, как бесплатная путевка в санаторий. Да, для нас привычная. А их труженику, чтобы получить такую путевку, надо, как выяснилось, прежде беспорочно отработать 35 (!) лет, да еще пройти две-три медицинские комиссии, которые подтвердили бы, что он действительно нуждается в такой путевке. Комиссии эти, естественно, собираются не за так. И, чтобы оплатить труд врачей, следует выложить сумму, заметно превышающую полную стоимость якобы «бесплатной» путевки.

И это лишь один пример буржуазной казуистики, сводящей на нет и без того куцые гарантии тамошних конституций, параграфы которых нередко звучат фанфарами, а на деле оказываются похоронным маршем для надежд и чаяний простых тружеников.

Приходилось мне за рубежом встречать и бывших советских граждан. Оборотистых дельцов, решивших, что на Западе они смогут в полной мере раскрыть свои «таланты», людей самонадеянных или попросту попавшихся на пропагандистскую удочку и погнавшихся за миражем беззаботной, беспечальной жизни.

В большинстве своем пропадают и те и эти. Пропадают потому, что не прижиться им на чужой земле, потому что от рождения дышали они иным, куда более чистым воздухом. Только слишком поздно понимают это, понимают уже тогда, когда попадают в атмосферу чистогана, жестокости, где незадачливого конкурента попросту убирают с дороги, где потерявшего работу топчут, а не приглашают в бюро по трудоустройству, где достоинство и права человека определяются размером банковского счета.

Люди на Западе самые разные. Но сама социальная система вынуждает их с младых ногтей включаться в гонку за долларом, фунтом, маркой, йеной. И не дай бог не преуспеть в ней, не запастись золотым зернышком на черный день. «Мой дом — моя крепость»,— любят вслед за англичанами повторять на Западе многие. Что ж, доводилось быть свидетелем того, как крепости эти рушатся буквально на глазах. Не выплатил вовремя кредит — и отчий дом при тебе разберут по досочке, по винтику, свернут ковры, опишут мебель, даже любимая собака может вдруг оказаться не твоей.

Тем не менее в любой из конституций капиталистических стран полно высокопарных рассуждений о свободе личности. Да какая там свобода, если без денег ты ничто, без них у тебя нет никакой реальной возможности получить специальность по душе, оплатить учебу детей, иметь надежный кров над головой...

Честно скажу: трудно представить, как вообще можно жить под этим постоянным финансовым гнетом. Бешеных денег стоит даже неказистое по нашим меркам жилье, год от года дорожает учеба. Смешно, но меня принимают за очень богатого человека, если узнают, что двое моих детей получили высшее образование, а третий учится в вузе. И вовсе не верят, когда говорю, что поднимали мы их с мужем только на свою скромную зарплату.

— А ведь кое-кто до сих пор считает, что только хорошие деньги обеспечивают хорошее качество, скажем, той же учебы.

— Почаще надо бы нам вспоминать хоть Ломоносова. Не деньгами — желанием учиться обеспечивается качество знаний. А этого желания зачастую не наблюдается у некоторых наших студентов, поступивших в вуз не потому, что им этого очень уж хотелось, а только чтобы отвязаться от родителей, убежденных, что любой диплом о высшем образовании автоматически сделает их детей счастливыми.

Не сам диплом, а работа по душе приносит человеку главную радость в жизни. И наша Конституция предусмотрела все возможное, чтобы каждый сумел выбрать себе самую подходящую профес-

А. Ананьев. ПЕРВАЯ КОННАЯ.

Выставка дипломных работ выпускников Художественного института им. В. И. Сурикова

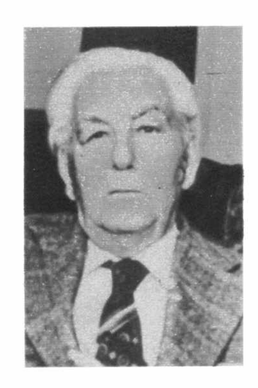

Лемма Тесфа (Эфиопия). МУЖЕСТВО ЭФИОПИИ. Выставка дипломных работ выпускников Художественного института им. В. И. Сурикова

...УВИДАТЬ ГРЯДУЩЕГО СИЯНЬЕ!

Младен ИСАЕВ — известный болгарский поэт, один из основоположников социалистической культуры Болгарии. Он дважды Герой Социалистического Труда НРБ и Герой НРБ, лауреат Димитровской премии.

М. Исаев — давний друг нашей страны, его книги неоднократно издавались в переводах на русский язык и языки народов СССР. Мы публикуем новые стихи М. Исаева в переводе Сергея БОБКОВА.

Младен ИСАЕВ

●

От ран, причиненных песчинками,
в раковинах рождаются жемчужины.

Жемчужины от ран рождаются.
Страданье жизнь стихам дает.
Идеям, что в огне не плавятся,
я слово посвятил свое.
О, сколько ран незаживающих
и сколько боли и туги
во имя счастья созидающих
по зову долга и любви!
Узнав, как правда открывается,
я твердо помню наперед:
жемчужины от ран рождаются.
Страданье жизнь стихам дает.

ВЕТЕРАН

Жизнь вела тебя сквозь времена
войн, восстаний, потрясавших мощью.
Неужели нам судьба одна —
кончить путь в пожарище всеобщем?
Ты тревожной думою томим
о судьбе внучат, своих потомков:
разве всею правдою не к ним
революция идет с истоков?
И не ради них ли страшный ад,
задыхаясь от его исчадья,
ты прошел путем сплошных утрат,
свято веря в обретенье счастья?
И, покуда жив, сквозь времена
ты идешь дорогой созиданья,
и душа одним увлечена —
увидать грядущего сиянье!

ТРЕВОЖНОЕ

Где ты, любовь, которую так ждал?
Где твое небо в синеве глубокой?
Лишь ненависть — змеей зеленоокой,—
и яростен ее оскал.
Эфир в сплошном шипенье голосов
жестокости, угроз, и лжи, и страха.
Акулы рукотворные
из мрака
морей
штурмуют солнце берегов.
Дымится опаленная земля.
И даже детям,
сирым и бездомным,
неужто ж кануть в пропасти бездонной,
и не увидев отчие края?..
Так где ж твоя любовь, безумный век,
зачем безверье в воздухе витает?
Не ледниковый ли период настигает
тебя —
над кромкой бездны —
человек?

●

Разделите мое вы застолье.
Хлебом вас угощу и вином.
Я хочу, чтобы в вешнем раздолье
солнца луч озарял и мой дом.
Чтоб вокруг было празднично, чисто
и правдиво звучали слова,
как мониста ручей серебристый,
как зеленая дышит трава.
Ибо жизнь незаметно проходит,
может бурею нас унести.
Не растают навек на заходе
лишь сердец негасимых лучи.
Все мы, люди, недолгие гости
на земле,
и поэтому я
к братской трапезе
в праздничном тосте
всех к себе приглашаю, друзья.

сию. Выбрать... Ну а дальше вступает в силу условие, о котором очень точно сказал известный хирург Н. М. Амосов:

«Не избегайте напряженного труда, он повышает тренированность, а это увеличивает возможности добиваться успехов. Общество не обеспечит человеку счастья, если он сам слаб и не способен на усилия. Помните: удовольствие от отдыха и развлечений коварно. Во-первых, к нему привыкаешь и появляется скука, а во-вторых, отдых детренирует».

Увы, как раз напряженного труда у нас кое-кто избегает. Однако именно эти люди не прочь посетовать, будто они недополучили от нашего общества какие-то материальные блага. Но ведь общество — это мы сами. И получить от целого каравая можем только то, что вложили в него своим трудом. Хотите красивую одежду, мебель — сделайте ее, хотите сытно и разнообразно поесть — вырастите урожай да сберегите его как следует. За каждым недостатком стоят конкретные люди, наши с вами сограждане. Будем честны сами с собой в работе, принципиально непримиримы к вралям, бракоделам, пьяницам, жуликам, и наши магазины станут ломиться от товаров, не уступающих по качеству зарубежным.

О магазинах говорю не случайно, потому что на Западе не упускают случая попрекнуть нас неказистыми витринами, небогатым ассортиментом. Это довольно сильный довод. Наши спутники, космические корабли летают высоко, их не всякий разглядит, а плохая вещь с нашей маркой — аргумент, который под рукой.

Нельзя забывать, что идеологическая борьба — понятие многогранное. Линия фронта проходит здесь через каждое рабочее место, будь то станок фрезеровщика или директорское кресло. Руководитель, знающий, что нужно сказать об идеологической работе с трибуны, и в то же время санкционирующий выпуск заведомо неходовой продукции, оказывает этой самой работе медвежью услугу, чтобы не сказать хуже.

Да, наша Конституция предоставляет нам много прав и свобод. Но есть еще и обязанности. И качество нашей жизни зависит от того, как каждый из нас эти обязанности выполняет.

— Татьяна Михайловна, недавно вы вернулись из Соединенных Штатов, где участвовали во встрече с представителями американской общественности, посвященной вопросам разрядки международной напряженности и улучшению взаимоотношений между СССР и США. Чем была примечательна эта поездка?

— Прежде всего тем, что состоялась она в весьма сложные для отношений между нашими странами времена. Сложные по вине администрации Рейгана, делающей все от нее зависящее, чтобы отношения эти ухудшить.

Сам факт встречи свидетельствует, что возможности президента США, к счастью, небезграничны, ну а частичный срыв ее — о том, что темные силы в Америке еще достаточно сильны. Первоначально предполагалось, что после конференции в Миннеаполисе наша делегация будет разбита на несколько групп, каждая из которых продолжит работу в крупнейших городах страны. Однако вскоре выяснилось: визы никому не продлены, а в итоге только пятеро из нас — академик Блохин, трое сотрудников Института США и Канады и я — получили возможность побывать в Вашингтоне на международной женской конференции. Организовали ее жены конгрессменов. Факт примечательный сам по себе — официальный Вашингтон любит поговорить о всяких свободах, а больше всего о свободе слова. Однако, когда люди пытаются разговаривать, затрагивая действительно серьезные вопросы, как это было в Миннеаполисе, свобода слова отменяется.

Мне приходилось много выступать в обоих городах. Вопросы задавали самые разные, и немало было таких, что заставляли вспомнить известный ответ Коллонтай иностранному журналисту, «упрекнувшему» Александру Михайловну, что за целых два года он не встретил в России ни одного приличного туалета. «Каждый видит то, что он больше всего хочет видеть»,— примерно так ответила Коллонтай. Прошли годы, но в США отдельные господа по-прежнему хотят отыскать в нашей стране только изъяны. В каких только грехах нас не обвиняли! И пропагандой войны, дескать, мы занимаемся, и религиозные чувства не уважаем, и малые народности притесняем. Отметать эти «обвинения» было легко. Есть соответствующие статьи Конституции, полностью отвергающие эти вздорные домыслы, есть и огромное количество фактов, подтверждающих, как данные статьи Основного Закона применяются в реальной жизни. А вот вопрошающие никогда никакими конкретными данными не располагали, ссылались только на слухи. Примечательна разве что изобретательность, с которой к основной теме беседы пристегивались самые несуразные обвинения. В частности, по охране окружающей среды...

— В Верховном Совете РСФСР вы состоите в комиссии по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов?

— Совершенно верно. И когда меня пытались убедить в том, что, мол, мы, русские, агрессивны по характеру, хотим войны, я почему-то вспомнила свою последнюю поездку в Вологодскую область во главе специальной комиссии Верховного Совета РСФСР по изучению лесного хозяйства региона.

Прикидывала я тогда, сколько миллионов рублей мы уже израсходовали и сколько еще будет затрачено в ближайшие годы только на работу по воспроизводству вологодских лесов, и думала: «Вот вам и еще один ясный, убедительный ответ на вопрос: хотят ли русские войны? Какая там война, когда порою, отрывая от себя, мы ищем и находим эти миллионы для тех, кто будет после нас!»

К сожалению, на Западе есть еще политические деятели, руководствующиеся, похоже, иным принципом: «После нас — хоть потоп».

Но, к счастью, все больше становится людей, которые понимают, что мир находится под надежной защитой страны, Конституция которой провозгласила основой своей внешней политики достижение всеобщего и полного разоружения и последовательное осуществление принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Беседу вел О. ПЕТРИЧЕНКО.

У СМОЛЕНСКОЙ СТЕНЫ…

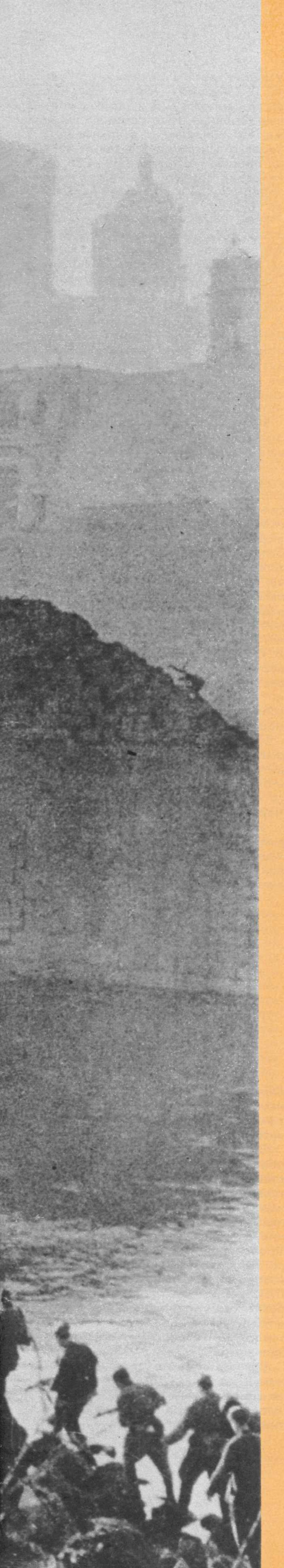

Смоленск, улица Советская. Сентябрь 1943 года.

Тот же перекресток в наши дни.

Бойцы подразделения капитана Ушакова отыскивают место для переправы через Днепр. (25 сентября 1943 года.)

К 40-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ СМОЛЕНСКА

В. УСОВ.
Фото М. САВИНА

В Смоленске прошлое и настоящее на каждом шагу.

Сегодня нашему городу 1120 лет. Он возник на бойком месте — торговом пути «из варяг в греки». За одиннадцать столетий чего только не пережил Смоленск: голод, эпидемии, восстания, войны. Поставленный историей на передний край земли русской, он стал форпостом на путях к Москве. «Не раз и не два заслонил он собою просторы великой страны»,— поется в песне о Смоленске.

В первой половине июля 1941 года на подступах к Смоленску начались кровопролитные бои. В числе соединений 16-й армии, защищавших город, дралась бригада, сформированная из смоленских ополченцев. Наши войска значительно уступали противнику в численности и вооружении, и все же они не только сдерживали бронированные полчища врага, но и наносили ему ощутимый урон. Именно здесь родилась гвардия. Первой гвардейской стрелковой дивизией командовал наш земляк Герой Советского Союза генерал-лейтенант И. Н. Руссиянов.

А 25 сентября 1943 года Москва салютовала двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий доблестным войскам Западного фронта, освободившим Смоленск и Рославль. В память о тех, кто погиб в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, на юго-западной окраине Смоленска, в Реадовском парке, сооружен Курган бессмертия. Он насыпан руками жителей Смоленска и членов делегаций, доставивших землю со всех воинских и партизанских кладбищ области. Издалека видны слова: «Покуда сердца стучатся — помните, какою ценой завоевано счастье,— пожалуйста, помните!»

После освобождения города от немецко-фашистских захватчиков смоляне при помощи народов всей нашей страны вновь возродили свой любимый город и сделали его еще краше. Сейчас это крупный индустриальный и культурный центр России. В нем живет свыше 310 тысяч человек — в два раза больше, чем до войны. И территория города превышает в два раза довоенную.

Сегодня предприятия Смоленска выпускают самолеты, автоматические приборы, вычислитель-

Подружки.

Зенитчики охраняют переправу через Днепр. (Сентябрь, 1943 год.)

Бригадир Юрий Ковалев за регулировкой вычислительных машин.

В день освобождения.

ную технику, дорожные машины, люминесцентные лампы, роботы, холодильники, торговое оборудование, мебель, льняные ткани, обувь, трикотажные изделия. Продукция нашего города идет во многие уголки Советского Союза и более чем в пятьдесят стран мира.

В городе более тридцати школ и пять вузов, десятки техникумов и профессионально-технических училищ, в которых учатся шестьдесят пять тысяч юношей и девушек.

Смоленск стал видным научным центром — здесь работает несколько научно-исследовательских институтов, станций, лабораторий.

Неповторимая панорама открывается от здания драмтеатра, который находится на самом высоком холме. На юг — крепостная стена и над ней 196-метровая телевизионная вышка, на восток — ансамбль церквей с величавым пятиглавым Успенским собором, на север — жилой микрорайон с высотными домами, на запад — городской парк культуры, любимое место отдыха смолян, своеобразный музей под открытым небом, за ним — стадион, поодаль — гостиничный комплекс для туристов «Россия».

Врата города-воина, города-труженика всегда распахнуты для гостей.

Улица Дзержинского — одна из красивейших магистралей города.

ПУШКИН И ГОНЧАРОВЫ

В обширной литературе о Пушкине немало талантливых исследований. И каждый новый труд может оказаться незамеченным, если не будет ярким, самобытным.

Новая книга известных писателей-пушкинистов И. Ободовской и М. Дементьева еще раз подтвердила: авторам удалось внести заметный вклад в пушкиноведение. Предмет их научного поиска связан с семейным кругом поэта. А если точнее, они плодотворно разрабатывают тему «Пушкин и Гончаровы».

Многолетнее изучение архива семьи Гончаровых одарило И. Ободовскую и М. Дементьева успехом, да еще каким! Ценнейшие находки стали ученым наградой за кропотливый труд по расшифровке архивных документов, за целенаправленность усилий, за непредубежденность взглядов. Одна за другой появляются книги, рассказывающие об этих находках: «Вокруг Пушкина» (1975 и 1978), «После смерти Пушкина» (1980). И вот, наконец, «Пушкин в Яропольце». Авторы впервые публикуют в этих книгах неизвестное письмо поэта к старшему брату его жены Д. Н. Гончарову, четырнадцать писем Натальи Николаевны к нему же, письма ее сестер и т. д.

Делясь с читателями своими наблюдениями и выводами, И. Ободовская и М. Дементьев ставят перед собой благодарную задачу: углубить и расширить наши представления о поэте, ярче высветить «мысль семейную», так много значившую для него в последние годы жизни.

По сей день в подмосковном селе Ярополец, Волоколамского района, сохранились две старинные усадьбы. Одна из них принадлежала когда-то Н. И. Гончаровой, теще А. С. Пушкина, вторая — родственникам поэта Чернышевым. Сам он дважды побывал в этих местах — в 1833 и 1834 годах. Первая поездка была известным фактом биографии поэта, но о цели ее достоверных сведений не существовало. Найденное письмо А. С. Пушкина позволило И. Ободовской и М. Дементьеву раскрыть мотивы, побудившие поэта побывать в Яропольце. О второй же поездке мы впервые узнаем от авторов книги.

Подробно описывая оба посещения Пушкиным ярополецкого имения Гончаровых, И. Ободовская и М. Дементьев подкрепляют свой рассказ массой интересных документов. Так же, как и в ранее изданных работах, исследователи не просто сообщают о находках, но как бы воссоздают неизвестные нам события, заполняют имеющиеся еще пробелы в нашем знании о поэте и его близких.

«Я не богат, а мои теперешние занятия мешают мне посвятить себя литературным трудам, которые давали мне средства к жизни. Если я умру, моя жена окажется на улице, а дети в нищете»,— пишет А. С. Пушкин своему шурину Д. Н. Гончарову. Эти строки, полные горечи,— из того самого письма, что обнаружено в архиве Гончаровых. Письмо от начала до конца проникнуто тревогой и заботой человека, сознающего и свой долг перед семьей и ответственность за ее судьбу.

Естественно, немало страниц книги, события которой связаны с ярополецкой усадьбой, посвящены ее хозяйке, Наталье Ивановне Гончаровой. Благодаря И. Ободовской и М. Дементьеву яснее стал характер непростых отношений А. С. Пушкина с Н. И. Гончаровой, которая в конце концов все же подобрела к зятю. Авторы приводят колоритные эпизоды, детали из жизни Н. И. Гончаровой, сообщая облику ее объемность и полноту красок.

Видное место в книге занимают документы, относящиеся к Чернышевым, владельцам соседнего с Гончаровыми имения. Не только родственные узы, но и духовная близость связывала поэта с этим семейством, которое славилось своим благородством и свободолюбием. Отсюда вышли декабрист Захар Григорьевич Чернышев и Александра Григорьевна Муравьева, урожденная Чернышева, поехавшая за мужем Никитой Муравьевым в сибирскую ссылку. С ней поэт переслал друзьям знаменитое «Послание в Сибирь». И. Ободовская и М. Дементьев обнаружили и опубликовали неизвестное письмо А. Г. Муравьевой из Читы. Оно дополняет наши представления об этой замечательной русской женщине.

Будучи в Яропольце, поэт оба раза навещал Чернышевых. Убедительны предположения авторов, что в первый приезд он встречался с отбывшим каторгу Захаром Чернышевым.

Увлекательно рассказана история Яропольца от древности до наших дней. Этот пушкинский уголок страны, говорят авторы, нуждается в государственной заботе.

Они правомерно ставят вопрос о необходимости сохранить для потомков ярополецкие историко-архитектурные ансамбли.

Сравнительно небольшая по объему книга известных пушкинистов И. Ободовской и М. Дементьева, авторов наиболее интересных и существенных в последние годы пушкиноведческих разысканий и исследований, «Пушкин в Яропольце» вместила в себя много любопытной информации, неизвестных ранее документов. Примечания к отдельным главам буквально пестрят пометками «публикуется впервые». И это говорит о высоком уровне проведенных изысканий.

Хочется отметить стиль исследования. Авторы не навязывают своих выводов. Их комментарии деликатны по манере и в то же время доказательны, убедительны.

Людмила **ЖЕЛНИНА**

И. Ободовская, М. Дементьев. «Пушкин в Яропольце». М., «Советская Россия», 1982, 160 стр.

ВТОРАЯ СМЕНА

Капроновая одежда уже не в моде. Но выпуск капрона не уменьшается: нужен корд для автомобильных шин, нить для ковров, парашютная ткань, эластик и многое другое.

В киевском объединении «Химволокно» капроновое производство вобрало в себя несколько крупных цехов, и самый, пожалуй, сложный из них — отделочно-перемоточный. Все, что наработано в других цехах, проходит здесь окончательную отделку, приобретает качества и форму, необходимые потребителю. Тут, как на сигнальном табло, всплывают недоработки других участков, а вот собственные промахи почти всегда грозят убытками: их исправлять уже некому.

Хорошо работает в цехе вторая смена, в которой тринадцать коммунистов. Производственное задание с начала года выполнено на 102 процента, сверх плана выработано продукции на 20 тысяч рублей. С опережением выполняются задания по росту производительности труда, улучшению качества продукции, экономии сырья... Однако, говоря обо всем этом в докладе на отчетно-выборном партийном собрании, партгрупорг смены Нина Алексеевна Зорка не скрывала и недостатки, упущения в работе. Хорошо, конечно, что 36 перемотчиц не допустили ни одного случая брака, что 24 рабочих места признаны образцовыми, но ведь кое-кто не выполняет норму выработки...

В смене пошли на то, что лучшие работницы занимаются персонально с каждой из отстающих. Случается, к новеньким прикрепляют не одну, а двух наставниц. Это к «трудным» девчонкам, пришедшим недавно из училища. Приходится и письма писать их родителям, даже вызывать для беседы, а случается, и выезжать к ним за сотни километров от Киева. К чести партгруппы, здесь умеют бороться за человека, добиваются, чтоб все новички остались в коллективе. Однако от опозданий и даже прогулов избавиться пока что не удалось.

Нина Алексеевна рассказала, что делают коммунисты для создания в коллективе микроклимата, при котором бригада и смена стали бы для каждого второй семьей. Вместе с комсомольским бюро и профсоюзной организацией отмечают праздники, организуют спортивные состязания, культпоходы, выезды на природу в выходные дни, вовлекая новичков в круг интересных — не только производственных — хлопот. Потому что главное, считают коммунисты,— это привить человеку чувство сопричастности общему делу, чувство гордости и высокой ответственности за него.

Во многом дополнили доклад своего групорга коммунисты. Ведь когда на собрании сидят немногим более десяти человек, каждый может или выступить, или дать пояснения с места, короткой репликой поддержать или поправить выступающего.

Николай Михайлович Мельник вот уже почти тридцать лет работает помощником мастера. До недавнего времени и оба его сына занимали ту же должность. Но старший окончил вечерний институт и возглавил другую смену.

— Мы должны смелее выходить и на уровень общезаводских дел,— говорил Николай Михайлович.— Вот шел брак из-за недоработки в конструкции шпули. Связались с парткомом завода-поставщика, там наши замечания учли, ныне по этой причине брака не наблюдается. А что происходит с клиновидными ремнями, которые мы получаем с Лисичанского завода РТИ? Они даже по техническим условиям рассчитаны всего на полгода службы, а на самом деле зачастую не выдерживают и одного-двух месяцев — рассыпаются! Съедены все наши запасы ремней, штопаем, что можем! Но страшно другое. Прежде чем выйти из строя, ремень вытягивается, пробуксовывает, намотка на бобине получается рыхлая, а это — брак. С ремней летит сажа, она захватывается нитью, вплетается в бобину, а это очень часто — скрытый брак. Нормы же расхода ремней урезаны. На бумаге — копеечная экономия, а на деле — рублевый перерасход...

Или другой вопрос,— продолжал Н. М. Мельник,— не так давно в нашей партгруппе было около двадцати человек, а теперь тринадцать. Должно быть, мы слабо заботимся о росте партийных рядов.

Партийное собрание в отделочно-перемоточном цехе. Выступает вновь избранный партгрупорг Николай Михайлович Мельник.

Фото Н. Козловского

На собрании присутствовал и начальник цеха Николай Иванович Макаровский.

— Справедливо, что выступающие положительно оценили работу партгрупорга,— сказал он.— И все же успокаиваться нельзя. В былые годы ваша смена выходила на первые места не только в цехе, но и в объединении... А нынче выше второго места не поднималась, все поммастера в каждой из пяти бригад хоть раз, но получали оценку «плохая работа»... Основная причина, конечно, в том, что вы сразу приняли большую группу девочек из училища, «малолеток», как их называют, хотя среди них есть и ровесницы наших опытных работниц... Многим из них ваш рабочий коллектив дал то, чего, к сожалению, не дали семья и школа. Вот недавно приезжала мать сестер Гали и Вали. Благодарила за дочерей. Но вы-то знаете, сколько они всем вам задали хлопот. Сейчас же девчонок не узнать... Я к чему все это: на сегодня, думаю, главная задача партгруппы — воспитательная работа. Поднимите молодое пополнение до своего уровня — будут и лучшие показатели и первые места в соревновании.

Секретарь партбюро цеха Нина Сергеевна Пузань много лет работала перемотчицей, не раз занимала призовые места на всесоюзных конкурсах профессионального мастерства, была комсомольским секретарем смены, партгрупоргом, третий год возглавляет партийное бюро цеха, продолжая работать транспортировщицей.

— Воспитательная работа должна включать в себя и повышение профессионального мастерства,— сказала Нина Сергеевна.— Все подсобники у нас уже работают на единый бригадный наряд. Не уйти от этого и в основном производстве. Надо осваивать взаимозаменяемость, чтобы в бригаде каждый мог работать на любом номере нити, и там, где зона обслуживания шестнадцать веретен, и там, где девяносто.

Критически прозвучало тут замечание, что партгруппа уменьшилась,— продолжала Нина Сергеевна.— Давайте разберемся... Коммунист Олег Николаевич Мельник вырос, стал начальником смены. Вам, Николай Михайлович, его отцу, это известно... Анастасия Акимовна Васильченко переведена бригадиром в цех отделки. Наши люди ушли и в производственное управление и на другие участки. Гордиться надо, ведь в партгруппе выросли эти кадры. Да и о пополнении коммунисты заботились: трое приняты в партию в нынешнем году. Немало. Я вот о чем еще: до сегодняшнего дня мы в партбюро были уверены, что вы снова, на четвертый срок подряд, изберете групоргом Нину Алексеевну Зорку. Но в последний момент она обратилась с заявлением — просит освободить в связи с изменившимися личными планами...

При этих словах секретаря партбюро присутствующие заулыбались. В объединении, где восемь тысяч женщин и подавляющее большинство из них молодые, с личными планами приходится считаться довольно часто.

Партгруппа поблагодарила Н. А. Зорку за работу и единогласно избрала партгрупоргом Н. М. Мельника.

С. КАЛИНИЧЕВ

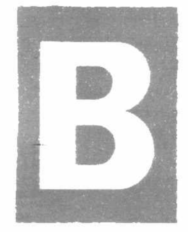
Киев.

Ал. РОМАНОВ

Курс на одичание

«МАССОВАЯ КУЛЬТУРА» И ЕЕ ЦЕЛИ

В США, Англии, Франции, Италии и даже в таких не столь крупных буржуазных странах, как Коста-Рика или Панама, где мне довелось побывать в последние годы не только в крупных городах, но и в мелких поселениях, во всем равняющихся на шумные, перенаселенные центры, дают о себе знать проявления так называемой «массовой культуры». Конечно, эти проявления не характеризуют национальную культуру страны в целом. Но если общая культура той или иной страны в основе своей имеет своеобразные национальные особенности, то «массовая культура» отличается повсюду странной «общностью», однообразием, ординарностью. Словно кто-то, кто стоит у руля, стремится привить всем без исключения аполитичность, безразличие к социальным вопросам и общественным интересам, направить общественную мысль в антикоммунистическое русло.

Все дело в том, что современное буржуазное общество не в силах создать для народных масс соответствующий их достоинству и их интересам мир духовных ценностей. Было бы неправильно, однако, предполагать, что оно и не стремится это делать. «Массовая культура» и есть духовная диверсия буржуазии.

Насаждая «массовую культуру» в самых разнообразных ее формах, современная империалистическая буржуазия старается хоть в какой-то мере скрыть, завуалировать неискоренимые пороки и неустранимые противоречия капиталистической системы: расизм, национализм, крайний индивидуализм, потребительство, мещанскую мораль.

«Массовая культура» стала наиболее эффективным и всесторонне испытанным средством манипулирования сознанием людей.

Печать, телевидение, кино, театр, радиовещание, эстрада, уличная реклама — все направлено к тому, чтобы демонстрировать в розовом свете антинародную сущность капитализма, реакционный характер его идеологии и политики, внушать трудящимся представления чуть ли не о райской жизни при капитализме.

Эти лживые, искаженные представления о жизни и поверхностные, чаще всего абсурдные суждения возводятся таким образом в степень истины. Создание социальных иллюзий в отношении к возможностям буржуазного общества, гиперболизация мещанских страстей, духовное одурманивание — бесстыдный курс на одичание масс — служит, в сущности, единственной цели: увести сознание трудящихся от жизненных реальностей антагонистического общества. Питаемые политическим безумием правящих клик экономическая неустойчивость и страх перед завтрашним днем порождают в обществе идейный хаос, безнравственность, бездуховность. Об этом красноречиво свидетельствуют романы, повести и рассказы, пьесы и фильмы, пронизанные ненавистью к прогрессивным идеям, к социальным реальностям, бесстыдно прокламируемое тяготение к нацистской философии.

Об этом же особенно ярко и ощутимо свидетельствует периодическая печать буржуазии — бесчисленные газеты и журналы, броские, цветастые приложения к ним и стандартно иллюстрированные, словно изготовленные рукой одного художника комиксы. С чем только не столкнешься в этой печати. От многостраничных опровержений марксистско-ленинского учения и беззастенчивой лжи и клеветы на реальный социализм до распространения различных ложных концепций социализма и его приспособления к националистическим и обывательским интересам мелкой буржуазии. От открытой борьбы против Ленина, против ленинизма, от попыток изобразить ленинизм чисто русским явлением, фальсифицировать его сущность, его экономические, идеологические и политические принципы, до глобальной проповеди антикоммунизма и антисоветизма. И здесь же, между строк, в виде словно бы извинения перед теми, кто с презрением отвернется от черной антисоветчины, призывы к «деидеологизации» общественной жизни; сладкие речи об «особом характере» современной идеологии Запада, как идеологии «демократической», будто включающей все многообразие мнений и интересов.

Вполне понятно, что назначение и цели «массовой культуры», насаждаемой капитализмом, проявляют себя в поведении людей, в их суждениях о жизни, в их отношении к политическим и социальным проблемам времени. Там, где ложь и клевета на социализм возведены в принцип правительственной политики, в сущности, все возможно, все дозволено. В ничто превращены не только добрые отношения между народами, но и жизни человеческие. Пример тому — разнузданная антисоветская кампания, развязанная в США и некоторых других странах НАТО вокруг инцидента с южнокорейским самолетом, совершавшим в ночь на 1 сентября в течение длительного времени полет над советской территорией. Скоординированный и целенаправленный характер этой истерической кампании был с самого ее начала совершенно ясен для каждого честного человека. Эта заранее спланированная кампания — составная часть пресловутого «крестового похода» против коммунизма. Об этом говорят те грязные инсинуации, с которыми в рамках этой кампании не раз выступали высокопоставленные представители американской администрации и пример которым показывал сам президент США. Истерическая шумиха вокруг явно спровоцированного инцидента, конечно же, рассчитана в США прежде всего на людей, весьма далеких от политики и бездумно следующих в русле антисоветизма. Среди них миллионы людей безграмотных и невежественных...

* * *

История искусств, как известно, составляет, в сущности, единый процесс утверждения и торжества реализма.

Иные качества отличают современное «искусство» в странах капитала, рассчитанное на массовое потребление. Они, эти качества, свидетельствуют о настойчивом стремлении повернуть театр, кинематограф, телевидение, музыку, концертную деятельность от содержания, обогащающего человека, к темам и формам, разлагающим личность, деформирующим ее духовный облик.

В очерках театральной жизни США, вошедших в книгу В. Вульфа «От Бродвея немного в сторону», вышедшую в 1982 году в издательстве «Искусство», весьма убедительно показана театральная сторона современной «массовой культуры», полная зависимость театрального искусства от его способности «делать деньги». И, право же, нельзя не согласиться с автором, внимательным и вдумчивым исследователем, что «конформистская ориентация новой драматургии, помогла Бродвею вернуть утраченного было совсем зрителя».

В 1974 году, будучи в США, я предметно познакомился с явлениями «нового консерватизма» на театральной сцене. Виднейшим представителем этого течения мои друзья называли Нила Саймона, по пьесам которого ставились наиболее эффектные в коммерческом отношении спектакли. К их числу относили прежде всего пьесу «Богоизбранный», но только не о библейском старце Иове, а о современном хапуге с Уолл-стрита, действующем в рамках библейской легенды. Среди других представителей «нового консерватизма» называли пьесу Айры Левина «Комната Вероники», которой по обилию неприличных сцен, площадной ругани, всяческих злодейств и трупов отводилось первое место. Поставленная в театре Мюзик бокс, она отлично пополнила его кассу.

Еще более явно такого рода ориентация сказывается на кинематографии.

В книге «В ритме времени», вышедшей в 1983 году в том же издательстве «Искусство», В. Баскаков на огромном фактическом материале показал, что и «буржуазный экран буквально переполнен лентами, которые проповедуют разрушение морали, растление человеческой личности».

Особо негативную роль играет в этом отношении телевидение, которое изо дня в день навязывает зрителям в качестве примера для подражания сцены жестокости и насилия, аморального поведения, власти кулака; похождения разного рода авантюристов, полицейских агентов, грабителей и убийц. Чего стоят, например, многочисленные гангстерские хроники, многочастевые сериалы, посвященные миру организованной преступности. Американским телевидением создан, в частности, подлинный культ знаменитого гангстера тридцатых годов Аль Капоне, чья биография, как, впрочем, и биографии его друзей, распространена баснословными тиражами в весьма броских, красочных печатных изданиях. Они неоднократно экранизировались и возвели авантюристов и убийц, по сути дела, в ранг положительных героев.

Воздействие этих кинематографических поделок, их хорошо оплачиваемый успех оказались столь значительными, что втянули в свою орбиту даже некоторых крупных талантливых художников. Общество, все благополучие которого основано на насилии, весьма привлекательно живописуют такие кинобоевики последних лет, как «Полуночный ковбой» Дж. Шлезингера, «Бешеный бык» М. Скорсезе, «Рокки» Дж. Эвилдсена, в которых ограбление, изнасилование, кулачный бой,

убийства представлены как самое будничное дело.

Пропаганде чисто садистских инстинктов посвящены и фильмы ужасов, вроде «Челюстей» С. Шпилберга и «Кинг Конга» Дж. Гиллермина.

Фильмы ужасов — наиболее доступное, зримое проявление в западном искусстве принципов «массовой культуры». Для тех, кто их смотрит, это — сущее оглупление и ожесточение предельно натуралистическим показом сцен насилия, беспричинных убийств и сексуальных преступлений. А для тех, кто создает такого рода «художественные» боевики,— неизменное обогащение. Даже «Нью-Йорк таймс», последовательный ценитель прелестей американского образа жизни, спрашивал однажды: «Не зашли ли авторы фильмов ужасов слишком далеко?»

Но то был явно риторический вопрос. За последние годы фильмы ужасов буквально заполонили американские (и не только американские) экраны. Судя по всему, начало их конвейерному производству положил в 1978 году фильм Джона Карпентера «Святочная ночь», на которой продюсер, как говорят, затратил гроши, а прибыль получил беспрецедентную — более 50 миллионов долларов. В последующие годы прогремели фильмы «Парад уродов», «Ночь живых мертвецов», «Психи» и «Зомби» Джорджа Ромеро, «Выродки», «Сканнеры», «Они пришли изнутри» и «Видеодром» Дэвида Кроненберга, и десятки других, где льется кровь, беззащитных людей раздирают живьем на части, ползают паразиты величиной с сосиску, женщины родят чудовищных гномиков и т. п. По данным итальянского журнала «Эуропео», опубликовавшего статью «Бум фильмов ужасов в США», за один только 1981 год в США было произведено 95 таких полнометражных картин. Журнал, кстати, приводит заявления режиссеров-постановщиков этих лент. Из их откровений следует, что Карпентеру «больше нравится рассказывать видения и ощущения параноика»... Кроненберг убежден, что людям «надо внушать страх» перед болезнями, перед старостью, перед смертью. А Ромеро, полемизируя с теми, кто обвиняет его в возбуждении у зрителей садистских инстинктов, вообще заявляет, будто, создавая фильмы ужасов, он стремится к «отношениям между людьми, основанным на любви».

Само собой разумеется, что антикоммунизм и антисоветизм, которым озвучены ныне все инструменты воздействия на умы и чувства населения, все самые изощренные приемы и мощные технические средства массовых коммуникаций, усиленно насаждаются и в сфере искусства. Появляются игровые и документальные фильмы, театральные постановки, эстрадные представления, в которых предпринимаются попытки оболгать реальный социализм, фальсифицировать самую сущность нашего образа жизни. Фильмы о похождениях секретного агента 007 Джеймса Бонда превратились в бесконечный, порядком набивший оскомину зрителям «приключенческий» сериал... Грязную попытку обелить американскую агрессию против Вьетнама предпринял режиссер М. Чимино в фильме «Охотник на оленей». Открытое прославление гитлеризма содержалось в фильме «Штайнер — Железный крест» Сэма Пекинпа. Печально известны своей антикоммунистической направленностью также редкие по политическому цинизму фильмы Ж.-Л. Годара «Ветер с Востока», «Китаянка», «Один плюс один».

Наконец, совсем «свежий» фильм Лесли Вудхеда «Ночные заморозки в Праге» свидетельствует о том, что стремление насытить «массовую культуру» западных стран тлетворными идейками антикоммунизма ни в малейшей степени не ослабевает, а скорее усиливается. Сенсационное раздувание разного рода антисоветчины средствами искусства, в первую очередь кино и телевидения, продолжается в полную силу.

* * *

И еще одно явление в сфере «массовой культуры».

Будучи в Нью-Йорке, мы обратили внимание на то, что по американскому телевидению систематически идет передача «Невероятно, но факт», в которой зрителей — любителей сильных ощущений ублажают смертельными трюками каскадеры-любители, стремящиеся прославиться головоломными трюками и заработать на жизнь.

Разумеется, подобная «художественная» самодеятельность не имеет ничего общего с художественной самодеятельностью в нашей стране. Иные цели, иные задачи. Но в «номерах», выдаваемых американскими «любителями», в какой-то мере отразился и характер той «массовой культуры», предназначение которой зашторить глаза людям, отвлечь их от политической жизни, от проблем подлинной культуры, от художественного постижения современности. При этом, безусловно, учитывается в общем-то невысокий политический и культурный уровень массы населения этих стран (в мире 840 миллионов людей, как известно, не умеют ни читать, ни писать) и повсеместно насаждаемое безразличное отношение к ценностям культуры и проблемам общественной жизни.

В этих условиях все чаще дает о себе знать естественное тяготение слабо осведомленных, плохо подготовленных, а то и просто невежественных людей к необычному и даже внеземному; к разного рода религиозным учениям и проповедям бесчисленных «духовных наставников» и проходимцев.

В Нью-Йорке, на одной из узких торговых улочек в районе Гринвич-виллидж, в небольшом уютном магазинчике с узкой стеклянной дверью и огромным окном, который я принял за книжную лавку, но где, как выяснилось, можно было приобрести все что угодно, мне предложили учебник то ли по хиромантии, то ли черной магии, иллюстрированные издания по астрологии и алхимии и изданное на меловой бумаге в три краски пособие по бытовому чародейству. На мой недоуменный вопрос: неужели подобного рода издания в наш просвещенный век пользуются каким-то спросом и приносят какой-то доход, хозяин магазинчика и его супруга в один голос заявили:

— О, сейчас это очень-очень ходовой товар...

Вскоре мы могли убедиться, что астрология, хиромантия, спиритизм, разного рода колдовские церемонии, гадания и заклинания здесь действительно распространены столь широко, что интерес к ним печать именует «массовым явлением». На английском, испанском, итальянском языках выходят десятки оккультных журналов, отлично напечатанных и богато иллюстрированных. И такого рода издания, как это ни странно, в первую очередь поглощает молодежь. Легко в этой связи понять, почему с таким всесветным «бумом» демонстрировались на западных экранах фильмы «Изгоняющий дьявола» У. Фридкина, а позднее и «Изгоняющий дьявола-2» Дж. Бурмана.

* * *

Буржуазные идеологи, столь решительно отвергающие величайшие достижения социалистической культуры, духовный прогресс реального социализма и одновременно выставляющие себя сторонниками передового искусства, меньше всего озабочены ограниченной и бесплодной духовной жизнью народных масс. Где же они пребывают, маститые философы, искусствоведы, критики?

Американский философ и социолог Герберт Маркузе, ныне покойный, но тем не менее весьма часто цитируемый западными социологами, не раз выступал как острый критик капитализма на его современной стадии. И все же в его ученых рассуждениях не это было главным. Главным же была критика марксистско-ленинской теории социалистической революции, негативное отношение, а точнее, беззастенчивое отрицание реальностей нового, социалистического мира, народных истоков его богатейшей культуры. Критика, в которой особенно давали о себе знать субъективизм воззрений и взглядов ученого.

Абсолютным неверием и отрицанием творческих сил и возможностей народных масс проникнуты суждения и другого не менее крупного буржуазного философа и социолога — Теодора Адорно, который также, хотя и критиковал капитализм с «левых» позиций, но одновременно, не останавливаясь перед грубейшими выпадами против социализма, явно себе противореча, заявлял, что американскому образу жизни «присущи черты миролюбия, благонравия и великодушия».

Что за этим скрывается в подлинной жизни трудящихся западных стран, было показано выше.

Творческая роль народных масс не принимается в расчет, исключается или предельно ограничивается. Духовные, интеллектуальные возможности и интересы тех, кто создает материальные ценности, сводятся к нулю. Главное предназначение «массовой культуры» — увести «низы» от жизни, от политики. Чем дальше от политики, от классовых интересов, идеологической борьбы, революционного действия, тем похвальнее и лучше. Никакой идейной пищи! Никакой организации. Все врозь, и каждый только для себя! Это и есть сфера, которая, по суждению Маркузе, «противостоит всякой политике и всякой программе». Побольше злачных мест и балаганного бума, побольше манящего и недозволенного, побольше сенсационных новостей, повергающих в шок, душещипательных зрелищ, одурманивающих сознание, заставляющих забыть о нужде, неустроенности, социальной приниженности, страхе перед завтрашним днем, что ждут тебя за пределами кинотеатра, цирка, стадиона, танцевального зала или шикарного кабака!

Таковы основные «принципы» весьма распространенного явления общественной жизни стран капитала, которое именуется «массовой культурой».

Нужны ли еще какие-нибудь доказательства того, что правящие круги этих стран, особенно же охваченные милитаристским угаром правящие круги стран НАТО, в своей культурной политике уделяют главное внимание не образованию, не просвещению, не приобщению населения, и прежде всего молодежи, к знаниям, к культуре и искусству, но всемерному распространению всего того, что превращает человека в потребляющую машину, в недумающий автомат.

Нельзя не замечать, не видеть, что этим кругам пока еще удается многое. Многие рабочие, крестьяне да и интеллигентные люди в странах капитала живут в плену ложных идей и представлений.

Не ощущая своей причастности к богатствам, которыми располагает страна — будучи готовым по любому поводу сказать: это не мое, это чужое,— человек в условиях капиталистического общества не знает и не видит ни своих творческих возможностей, ни тем более жизненных перспектив для себя и своих близких. Глубоко затаенный страх перед завтрашним днем очень часто подминает сознание личного достоинства.

Кто бывал в США, Англии, Франции, Италии, Бельгии, как и в некоторых латиноамериканских и африканских странах, имел полную возможность убедиться в том, что осознанию достоинства личности там не может помочь ни профессиональная компетентность — никто не заботится о том, чтобы сделать труд человека не только высокопроизводительным, но и содержательным, творческим, уважаемым,— ни общеобразовательный ценз. Безработные с высшим образованием, лишенные права на труд, встречаются на каждом шагу.

Советские люди с особым удовлетворением восприняли положение, содержащееся в документах XXVI съезда партии, которое гласит, что становление бесклассовой структуры общества в главном и основном произойдет в исторических рамках зрелого социализма. Это — наше будущее, определенная и ясная перспектива общественного развития, с которой советский человек связывает и собственную жизнь и будущее своих детей, внуков и правнуков. Что могут противопоставить этому апологеты капитализма, если перспектива, о которой они иной раз заводят речь, если даже завтрашний день скрыт от них в тумане времени!

Капитализм — это не только социальное и национальное угнетение, не только прямое физическое насилие над миллионами и миллионами людей труда. Это еще и духовное их угнетение, насилие над их сознанием и волей. Неграмотность миллионов, культурная сегрегация — прямое порождение капитализма.

ГОЛУБАЯ ВОДА ИССЫК-КУЛЯ

Лев ШЕРСТЕННИКОВ, специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

Думая о потомках

Еще в прошлом веке великий русский ученый В. В. Докучаев писал о необходимости изучения взаимосвязи между атмосферой, гидросферой, биосферой, литосферой в интересах развития народного хозяйства.

В длинной цепи природных процессов взаимосвязано все. И нельзя, подействовав на одно из звеньев, не заставить колебаться всю цепь. А следовательно, перед тем как воздействовать на природу, человек должен тщательно рассчитать, не вызовет ли это пагубного результата, скажем, на дальнем конце цепи. Увы, человеку известны не только положительные результаты своих «вторжений». И за примерами не всегда следует ходить далеко. В той же Киргизии на сыртах Кара-Сая с целью улучшения естественных пастбищ путем подсева трав распахали участки целинных земель. Поднялись на поверхность пески и, разносимые ветром, стали захватывать все новые и новые площади смежных, нераспаханных пастбищ. Прибыль обернулась потерями... И не для осуждения давней недальновидности привел я этот пример, а чтоб еще раз нам понять, что лишняя цифра в длинной череде наблюдений, лишний факт, отмеченный сегодня как чисто научный, завтра может обернуться основой в планировании дел чисто хозяйственных, которые помогут нам иметь и стол богаче, и природу целее, и здоровье наше с вами отменнее...

...Голубая чаша Иссык-Куля осталась позади.

Это только так говорится — голубая чаша. Чаши нет. Есть бесконечное пространство небесного цвета, разделенное на горизонте чуть заметной линией.

А вот и Кара-Баткак — сверкающая белизна света на темно-синем фоне небес. Приют богов? Увы, всего лишь крохотный полигон науки на довольно скромной высоте — где-то от трех с половиной до четырех тысяч метров.

Судьба Иссык-Куля уже не первое десятилетие волнует многих. Ученые озабочены уходом озера — воды становится меньше. Причалы оказываются на берегу, старые пляжи отодвигаются от воды, уловы падают. Гидрологи и гидробиологи отмечают изменения, которые тоже не назовешь положительными. Обеспокоена общественность: нет-нет да и прочтешь об Иссык-Куле строки, продиктованные тревогой за судьбу озера. Все это говорит об одном: стихийность в пользовании уникальным водоемом недопустима. Нужен расчет, ограничения, контроль... И первые, с кого спросится, это ученые.

Организованная тридцать пять лет назад Тянь-Шаньская физико-географическая станция — единственное в своем роде научное подразделение в Советском Союзе. Кратко ее деятельность можно охарактеризовать так: комплексное изучение природы Тянь-Шаня с целью определения современного состояния и прогнозов на будущее. А если заглянуть в более подробные планы, то обнаружишь здесь и гляциологические исследования и исследования русловых процессов рек и береговой линии озера в условиях понижения его уровня, изучения последствий движения лавин и исследования состояния тянь-шаньской ели, зоогеографические наблюдения... Труды станции известны не только у нас, но и в Соединенных Штатах, Италии, ГДР, Бельгии, Швеции, Англии... Очевидно, как и предполагает наука, польза от научного наблюдения, вывода шире тех чисто практических рекомендаций, которые могут быть применимы именно в этом регионе... Но и последнее дело не меньшей важности.

Если проделать путь с ледника в обратную сторону, к озеру, «перелистать» все природно-климатические пояса в обратном порядке, то вскоре окажешься во владениях ихтиологов — на Чолпон-Атинской биологической станции АН Киргизской ССР. Плещется голубая вода у борта исследовательского судна, черные мальки мечутся на отмели, а на фотографиях в коридорах станции прыгают рыбы — этакие поленья — пудовые, полуторапудовые форели. Правда, видеть мне их пришлось только на фотографиях. Может быть, сам виноват — приехал не в сезон: форель близко увидишь, когда она на нерест идет. А может, просто не повезло: не шла она к рыбакам в сети. Но тем не менее хоть на фотографии, а форель видел. И стоит упомянуть здесь ее не совсем обычную историю. Форель в Иссык-Куле новосел. Завезли, выпустили мальков, родина которых Севан, форель быстро пошла в рост, да в такой, которого и ожидать было трудно. У себя на родине рыбы достигают полутора—трех килограммов, а здесь под двадцать! Казалось бы, вот он, рай — расти рыбу да черпай. Черпается, правда, пока плохо. Но продолжим историю. Попав в рай, форель обрела небывалый аппетит: стала поедать чебачка. Все бы это ничего, если б не была в свое время, лет тридцать назад, допущена одна ошибка: в Иссык-Куль забросили судака. Пусть, мол, растет, все лучше, чем чебачок. И тут два хищника и навалились на мирную рыбку, да еще и друг на друга стали коситься. Словом, вместе тесно. Поскольку форель ценнее, человек решил отдать предпочтение ей, объявив судака вне закона. Бейте его, гоните, вылавливайте в любое время года и суток. Борьба идет, но судак пока не сдается. А страдает в первую очередь чебачок: он и форели к столу нужен, и судаку, да и человеку тоже. Все-таки основной продукт улова был он... Ученые взялись за расчеты. Прикинули возможности воспроизводства и роста чебачка, а это зависит от наличия корма для него в озере — рачков, червячков — зообентоса. На килограмм веса форели нужно семь килограммов корма — чебачка. Судак вне закона, хотя учитывается тоже. Раскидали варианты, сколько чего можно отлавливать, если делать ставку на тот или иной вид или на комбинацию видов. Получили шесть вариантов, просчитали, посоветовались с другими специалистами, проголосовали. Получилось — надо ориентироваться на форель. К тому же можно пустить в озеро карпа, сазана. Возможности есть, остается только реализовать. Только вот как скоро реализуем... Это уже сфера не ученых.

Видел еще одну рыбину. Уже не на фотографии, а в большой пробирке. Рыбка сантиметров тридцать, вес граммов триста, а за несколько месяцев до этого, перед тем как ее выпустили в водоем, она весила всего три грамма. Рыба эта необычная — ленский осетр, а вырос он в новом киргизском море — Токтогульском водохранилище. Ученые избрали ленского осетра как наиболее пластичного, легко приспосабливающегося к новым условиям. Запустили в Токтогул, и результаты превзошли ожидания: прыть в росте, которую показал осетр, ошеломила — за год он вырос на столько, на сколько он у себя на родине вырос бы за тридцать лет!

И вот тут хочется сказать: не только в природе, но и в человеческих отношениях все должно быть взаимосвязано. Должен ли ученый свои научные выводы внедрять в жизнь? Должен! Но всегда ли может? Не следует ли и хозяйственнику проявить немного радения, всмотреться в прогнозы, вникнуть в расчеты, «обкатать» вопрос экономически, да и сказать свое слово? Да не просто сказать, а дать наконец к столу рыбу. А то опять только наблюдать рыбьи портреты на фотографиях...

И дело не в одной только рыбе, хотя это явно не последняя статья. Проблема Иссык-Куля — она комплексная. Здесь сталкиваются интересы экологические и народнохозяйственные. Интересы Иссык-Куля — заповедника расходятся с интересами Иссык-Куля — здравницы. Без сельскохозяйственной зоны вокруг озеро немыслимо, но какой ей быть, чтоб не вредить озеру, не отравлять уникальный водоем, не лишать будущие поколения возможности любоваться тем, чем восторгаемся мы сегодня? Вокруг Иссык-Куля средоточие исторических памятников — наскальных рисунков, каменных изваяний. В условиях возрастающего притока отдыхающих они становятся крайне уязвимыми. Их тоже следует защитить. Положение не катастрофическое, но достаточно серьезное. Если не принять мер, не найти одного, и притом рачительного, хозяина, завтра можно многое утратить, и утратить навсегда. Иссык-Куль ждет помощи от человека и готов его отблагодарить.

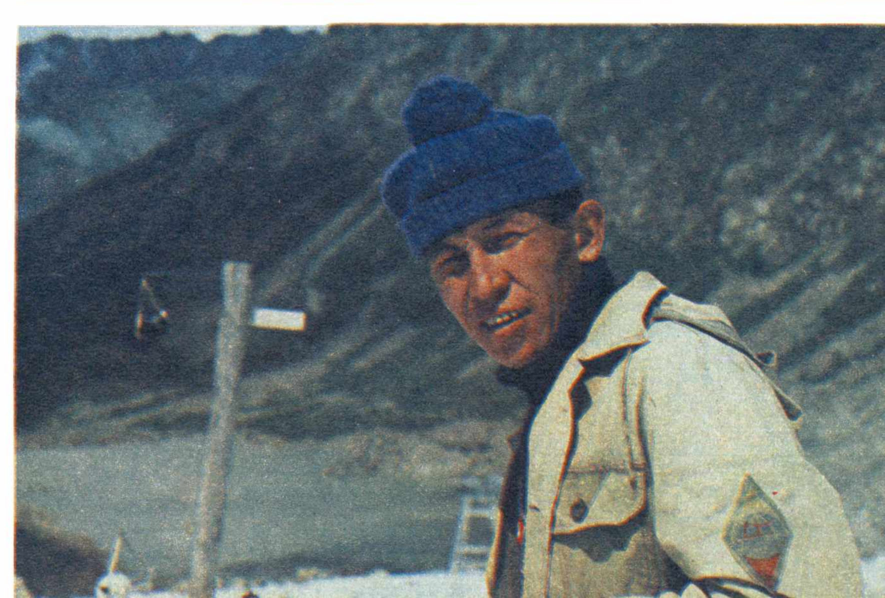
Дорога на Кара-Баткак * Ленский осетр — новосел Токтогульского водохранилища * Одному из первопроходцев здешних мест, П. П. Семенову-Тян-Шанскому, в Рыбачьем открыт памятник * В зоне отдыха Иссык-Куля * Начальник гляциологического стационара Кара-Баткак Нурбек Мусуралиев.

На развороте вкладки: Гидрологические исследования, ведущиеся со специального судна в различных точках и на разных глубинах, позволяют судить о «здоровье» озера * Наскальные рисунки — бесценные свидетельства прошлого * Взятие проб.

Н. ХРАБРОВА

ПОЛПРЕД ВЕКА

Восемьдесят два года Хендрику Аллику. Прожито почти все XX столетие — в пламени его пожаров, в блеске его салютов...

Да, уже восемьдесят два года! И все равно он такой, каким был всегда,— молодой, непримиримый, ироничный. И, пожалуй, ничего пожилого в нем совсем нет — ни внешне, ни внутренне.

ИЗ РАССКАЗОВ ХЕНДРИКА АЛЛИКА:

1. КАК ДЕРЖАТЬСЯ НА ПЛАВУ

— Знаете речку Халлисте? Была на ней в годы моего детства мельница и запруда. Все наши мальчишки купались в этой запруде. А я не умел плавать. Мне семь лет было, они постарше, их насмешки меня ранили. Дай, думаю, сделаю плетенку из тростника, авось, и научусь. Лег на плетенку, блаженствую в воде и в компании мальчишек. А они поднырнули под меня да плетенку и вытащили. Я сразу пошел на дно; с тем такое случалось, знает — чувство не из приятных. Я мгновенно проявил бурную деятельность, забил руками и ногами, даже не почувствовал, как всплыл, просто обнаружил себя плывущим. Когда ступил на землю, понял — люблю ее за то, что она твердая и не течет никуда. Мальчишки отнеслись ко мне вполне одобрительно. С тех пор я знаю: лучше всего держаться на плаву самому и не сдаваться.

2. КАК МНЕ ПРОРОЧИЛИ ТЮРЬМУ

— В детстве я работал пастухом у кулака. У него, естественно, были лошади, добрые в общем-то животные. Но одна была злая и норовила меня укусить. И однажды мне это надоело.

«Почему ты не запряг лошадь?» — спрашивает хозяин. Тоном, каким говорят «потому что я барон, а не конюх», я ответил с хорошей дикцией: «Потому что я пастух, а не конюх». «Так-так,— хозяин пригляделся ко мне, и его осенил дар предвидения,— вот что я тебе скажу. За такую манеру оттявкиваться ты непременно окажешься в кандалах».

...«Предсказание» сбылось через десять лет. За эти годы Хендрик Аллик был пастухом, батраком, подмастерьем на льнофабрике и в железнодорожной мастерской, рабочим на таллинской Балтийской мануфактуре, ее в народе называли «Красная ситцевая». Он стал редактором рабочей газеты, одним из организаторов эстонского комсомола, членом ЦК КП Эстонии, депутатом Эстонской государственной думы от большевиков. Большевизм он впитал не из теории, а от факта своего социального происхождения, от жизненной практики. Теория пришла потом. Он пережил все гонения буржуазии на партию рабочего класса. В 1920 году Компартия Эстонии была запрещена, принадлежность к ней каралась уголовно, один за другим шли политические процессы: «процесс тридцати пяти», «процесс пятидесяти», «ста пятнадцати», «ста сорока девяти» и так далее — всего с 1920 по 1938 год эстонская буржуазия провела 466 политических судебных процессов против рабочего класса.

«Процесс ста сорока девяти» был наиболее громким. Подсудимые так бесстрашно и насмешливо изобличали эстонскую буржуазию, что раз и навсегда подорвали среди рабочих даже тень ее плохонького авторитета. За такую подрывную деятельность многие из ста сорока девяти привлеченных к суду были осуждены на пожизненную каторгу, в том числе и Хендрик Аллик.

3. ИСТОРИЯ ДВУХ АРЕСТОВ

— 21 января 1924 года нас, участников будущего «процесса ста сорока девяти», арестовали в Рабочем подвале. Арестовывал один из главарей буржуазной политической полиции, Эйскоп; впоследствии он обэстонил свою немецкую фамилию на Эдесалу. Он защелкнул на наших запястьях тяжелые ржавые наручники и повел к пассажирскому автобусу. Я спросил: нам самим надо платить за проезд или уже за казенный счет поедем?

«Теперь будете не деньгами расплачиваться, а собственной шкурой»,— ответил жандарм. По-эстонски это звучит в рифму.

21 июня 1940 года, в день социалистической революции, мне было поручено арестовать политическую полицию. Пришлось защелкнуть наручники на запястьях Эйскопа.

«Помните, в какие ужасные ржавые браслеты вы меня заковывали?» — спросил я Эйскопа.

«Да, да, припоминаю, господин Аллик,— на сей раз жандарм был беспредельно любезен,— времена меняются...»

Были, были у Эйскопа-Эдесалу причины для любезности. Уж он-то прекрасно знал, как провел Аллик четырнадцать лет в тюрьме: учился, читал марксистскую литературу, по особым каналам проникавшую в тюрьму, постоянно «поддерживал на плаву» тех, кому было плохо; был одним из редакторов подпольной большевистской газеты «Тюремный луч» и членом руководящего органа политзаключенных — тюремного бюро КП Эстонии. После амнистии 1938 года, едва покинув ворота тюрьмы, тут же был избран членом нелегального Бюро КПЭ, а в июне 1940 года стал одним из руководителей социалистической революции в Эстонии.

4. ПЯТЬ СЛОВ СТАРОГО ПРИЯТЕЛЯ

— Ход социалистической революции хорошо известен не только по дням, но и по часам... Прежде чем она свершилась, эстонский рабочий класс прошел долгие испытания кризисами, безработицей, преследованием за образ мыслей. Запуганные сотнями политических процессов, рабочие в конце тридцатых годов находились в «состоянии безмолвия» — так называется это время в истории эстонского революционного движения. Под «безмолвием» зрел взрыв! В сельском хозяйстве произошло четкое расслоение: кулаки еще более разбогатели, а остальные две трети крестьянства — пролетарии, полупролетарии, разорившиеся середняки — окончательно обеднели. Земельная задолженность крестьян была огромной: в дальнейшем Советская власть аннулировала долги эстонского крестьянства за землю в размере 45 миллионов рублей золотом! Июньская революция 1940 года прошла без вооруженной борьбы, профашистское пятсовское правительство покорно уступило позиции трудящимся. Народу было совершенно ясно, за кем идти: в июле 1940 года на выборах в Государственное собрание за кандидатов Союза трудового народа Эстонии, которым руководила КПЭ, было подано 92,8 процента голосов. Уже 20 и 21 июня Компартия Эстонии легализовалась официально. В июньские и июльские дни руководство компартии подчас сутками не смыкало глаз. Под утро 21 июня я возвращался с одного заседания вместе со своими приятелями-пекарями, давними участниками рабочего движения. Впервые в жизни мы чувствовали себя по-настоящему свободными, уверенными в правоте своих решений и действий. Это было хорошее ощущение. Мы присели покурить на ступеньках уличной лестницы, на троих у нас было две папиросы. Вот тут-то мой приятель-пекарь и сказал пять слов: «Наконец мы увидели этот день».

...За этим днем шли тысячи и тысячи дней, и не было среди них ни одного пустопорожнего. Хендрик Аллик — нарком первого правительства после восстановления Советской власти; политработник Эстонского Стрелкового корпуса Советской Армии в годы войны; заместитель Председателя Совета Министров ЭССР; председатель Госплана ЭССР...

За годы послевоенных пятилеток Эстония стала одной из самых экономически развитых союзных республик. Известны такие цифры: за годы Советской власти объем промышленной продукции республики вырос в 46 раз, производство продукции сельского хозяйства увеличилось вдвое. Было бы опасно утверждать, что в этом есть немалая заслуга Хендрика Аллика: он человек, как уже было сказано, насмешливый, и слова «борзописец» и «трескотня» были бы самыми невинными по адресу каждого, кто стал бы утверждать подобное. Сказать «не щадил сил» — значит, получить в ответ разъяснение, что все в природе надо уметь расходовать разумно, в том числе и человеческие силы. Однако же зависимость экономических успехов любой союзной республики от деятельности, например, ее Госплана бесспорна... Но именно на этом месте нашей беседы Хендрик Хансович рассказал о том, как он узнал,

5. ЧТО ТАКОЕ ДРУЖБА НАРОДОВ

— В июле 1917 года, когда Ленину грозил арест, были закрыты «Правда» и таллинские большевистские газеты «Кийр» («Луч») и «Утро Правды». В Эстонии начались аресты коммунистов. В знак протеста прокатилась волна забастовок и митингов. На стороне реакции, как всегда, были эсеры, они обзывали эстонских комсомольцев «большевистскими щенками» и требовали, чтобы мы не вмешивались в политику, а занимались только культурной работой. Я не мог этого стерпеть, и на митинге на Петровской площади (теперь площадь Победы) ответил эсерам так, что они кинулись на меня. Думаю, что мне пришлось бы худо, если бы за меня не вступились русские матросы, крепкие парни, отнюдь не робкого десятка и не чета хлипким эсерам. Под их прикрытием эстонские комсомольцы тогда хорошо потеснили эсеров... Конечно, чувство интернационализма — категория высшего духовного порядка, я не хочу ее упрощать. Но для меня чувство интернационализма и дружбы народов началось тогда, на митингах 1917 года. Чем оно стало в судьбе советских народов — известно. Мы победили фашизм — плечом к плечу. Восстановили разрушенное — общими силами. Разоренные войной дотла, мы построили так много, что и сами подчас удивляемся делам своих рук. Эстонию не только эстонцы строят, но и остальные четырнадцать союзных республик. БАМ строят не только русские, но и посланцы других четырнадцати союзных республик. Сказать, что успехи любой нашей союзной республики — только ее успехи, неверно. И снова я особенно остро прочувствовал силу много раз проверенного чувства семьи единой — прочувствовал в Москве на встрече ветеранов с руководителями партии. Мне дорого это продолжение ленинской традиции — совместными усилиями решать наши общие важнейшие проблемы. Мои товарищи по партии из разных советских республик произвели на меня огромное впечатление своей неостывшей заботливостью о судьбе социалистического Отечества. Мне дорого и отношение ЦК КПСС к нашему опыту. Мои коллеги-ветераны внесли много конструктивных предложений. Со своей стороны, я хочу подчеркнуть необходимость строгого соблюдения трудовой дисциплины на всех уровнях — от рабочего до министра.

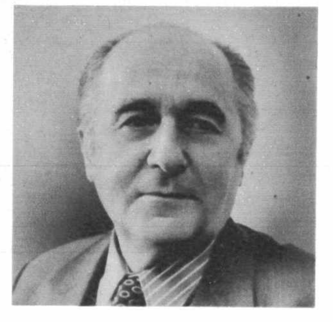
Социальный опыт нашей страны несет много поучительных примеров редкостного единодушия в трудовом ритме. Это работа первых пятилеток, самоотверженный труд тыла в годы войны, в годы восстановления, да и теперь, на общесоюзных стройках. Негоже нашему народу компрометировать этот опыт! Считаю также, что следует пересмотреть чрезмерно раздутые штаты некоторых наших учреждений и отмести бюрократизм. И еще, не откладывая этой задачи в долгий ящик, надо преодолеть снисходительное отношение к пьянству. Это ведь очень большая беда!

На встрече ветеранов много говорилось о воспитании молодежи. Она у нас хорошая, образованная, сейчас на многих участках берет в свои руки бразды правления. Мы должны понимать ее и помогать ей. Нас ведь много — миллионы пенсионеров в стране, у 220 тысяч из нас партийный стаж перевалил за полвека. Это большая сила, и каждый, кто здоров и активен, всегда готов помочь своему обществу.

...Сам Хендрик Хансович Аллик, став персональным пенсионером, по-прежнему работает неутомимо и ежедневно. Он член редколлегии журнала «Коммунист Эстонии» и член редколлегии Эстонской Советской Энциклопедии. Совет его нужен, и слово его весомо в любой отрасли народного хозяйства республики, потому что он подлинный полномочный представитель нашего века, его чести и совести.

◀ Хендрик Хансович Аллик с внуками.

Фото В. Сальмре.

Цезарь
СОЛОДАРЬ

НА ПРИОЗЕРНОЙ ВИЛЛЕ

Горьковатый запах гари еще стлался над поверженным Берлином. Были, однако, места, где гарь смиренно отступала перед властным натиском аромата сирени и яблоневого цвета.

В одно из таких мест — фешенебельный район Целендорф, где даже за обугленными и ранеными деревьями не всегда можно было рассмотреть виллы фашистской знати, мы с Александром Андреевым, военным корреспондентом «Комсомольской правды», попали 5 мая 1945 года после полудня.

Приехавшим из сплошь разрушенного, еще дымившегося центра Берлина, нам показалась диковинной серебристая гладь озера Шляхтензее, привлекательная даже на мрачном фоне жалких остатков сгоревших павильонов, вздыбленных воронок и искореженных орудийных лафетов.

Но сюда привлекло нас не озеро. Мы приехали посмотреть зеленые засады, откуда на наши танки и самоходные орудия обрушили огонь фауст-патронов так называемые «вервольфы» — фашистские оборотни в цивильной одежде. Нам повезло. Мы встретили автоматчиков, на чьих глазах сквозь фауст-патронный шквал прорвался танковый экипаж гвардии младшего лейтенанта Ш. Жулмагамбетова и проложил путь пехоте, наступавшей по сравнительно широкой Клейаллее и другим улицам района Целендорф.

Автоматчики рассказывали о подвиге танкистов очень красочно. И мы с Андреевым чуть не забыли, что к трем часам дня всем военным корреспондентам надо собраться у обгоревшего здания рейхстага — главного символа рухнувшей гитлеровской государственности. Групповой фотоснимок на фоне рейхстага должен был запечатлеть (сейчас этот снимок широко известен) большую группу писателей-фронтовиков, журналистов и фотокорреспондентов, встретивших праздничный для них День печати в столице разгромленного фашистского рейха.

Я пытался узнать у автоматчиков, в какой танковой части искать Жулмагамбетова. Но меня прервал Андреев:

— Слушай, мы опоздаем к рейхстагу! А Борис Горбатов сказал: должна собраться вся, целиком вся пишущая братия!

Не без сожаления распрощался я со своими собеседниками и поспешил за Андреевым к трофейной легковушке — потрепанному «опель-кадету».

Нас остановил возглас лейтенанта-связиста:

— Напрасно торопитесь, товарищи корреспонденты! Вам стоило бы кое-что здесь посмотреть.

— Другой такой фашистской конторы во всем Берлине не сыщете,— загадочно улыбнулась молоденькая связистка.

Оказалось, мы находились в нескольких десятках метров от здания, где размещался главный гестаповский центр подслушивания телефонных разговоров и радиосообщений.

Вслед за связистами мы торопливо повернули за угол улицы Вассеркёферштайг. Они повели нас за решетчатую ограду сада, ничем не отличавшегося от большинства других в Целендорфе. Ничего примечательного не было и в фасаде двухэтажного дома № 1. Выделялся только более внушительный, тоже двухэтажный бункер, чьи огромные размеры обнажила воронка от разорвавшейся неподалеку авиабомбы. Вначале бункер показался нам домашним бомбоубежищем богатого владельца виллы. Но стоило только взглянуть на причудливые переплетения проводов и кабелей, на хаотичное нагромождение замысловатой аппаратуры, как нетрудно было догадаться: перед нами мозг центра подслушивания.

Должен покаяться: бегло, весьма бегло мы с Андреевым ознакомились с этой действительно единственной в Берлине фашистской «конторой». Смущенно сказали связистам, что вскоре обязательно приедем сюда с фотокорреспондентами и основательно все осмотрим. Даже назначили день и записали у себя в блокнотах: 8 мая.

Но, как нетрудно догадаться, 8 мая нас ждало исторически знаменательное событие — подписание акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

Вскоре редакция газеты ВВС, чьим корреспондентом я был, вызвала меня в Москву.

Некоторое время спустя, встретив Андреева, я поинтересовался, удалось ли ему вторично навестить гитлеровский центр подслушивания. Виновато разведя руками, Александр заметил:

— Слушай, вчера мне показали схему размежевания Берлина на четыре оккупационных района. Целендорф отошел к американцам. Интересно, подо что приспособят идиллическую виллу с такой гнусной начинкой?

СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ

Приспособили.

Вот уже почти четыре десятка лет учреждение США находится на столь памятной мне целендорфской вилле. И в нескольких соседних тоже — учреждение, видите ли, расширяется. Так что у него сейчас два адреса: Вассеркёферштайг, 1, и Кляйаллее, 170.

Виллы с виду сейчас даже более идилличны, чем в дни окончания войны. Больше бросается в глаза ухоженность садов, обугленные деревья, конечно, исчезли. А слух поражает необычная тишина — в этом фешенебельном районе не услышишь грохота грузовика или автобуса.

Нежная, в общем, обстановка. Недаром офицеры американской военной администрации (их здесь принято называть «чарли») любят подчеркивать сугубо мирный облик облюбованных ими приозерных вилл и умиленно именуют их фермами.

Между тем необычные сии фермы охраняются гораздо тщательней, нежели приснопамятный гестаповский центр подслушивания. Стоило мне несколько замедлить шаг и попытаться хоть бегло разглядеть контуры скрытых щедрой зеленью домов, как я навлек на себя откровенное подозрение дежурившего у массивной калитки вооруженного охранника. А ведь происходило это в совсем еще светлые часы августовского предвечерья — и мне вспомнилось, как, по словам западноберлинцев, неимоверно усиливается здесь охрана вечерней и ночной порой, как вокруг зданий расхаживают специальные патрули.

Но и при солнечном свете не выключается электронная сигнализация. За оградой, сплошь оплетенной колючей проволокой, глухо рычат сторожевые собаки. Особенно тщательно охраняются скрытые добротно подстриженным газоном двухэтажные бункера — помните, я осматривал один из них в мае сорок пятого? А теперь даже испещренный многочисленными печатями и визами пропуск для входа на «фермы» не дает, однако, права спуститься в бункер.

Зачем такая экстремальная бдительность? Какие такие важнейшие государственные тайны Соединенных Штатов хранят западноберлинские виллы близ озера Шляхтензее? Может, здесь запрятаны колоссальные сокровища, бриллианты, золото? Почему американские власти из года в год увеличивают затраты на штат и охрану находящегося там учреждения? Действительно ли цели этого загадочного учреждения, официально подчиненного государственному департаменту США, носят сугубо дипломатический характер?

Чтобы ответить на все эти закономерные вопросы, надо прежде всего привести официальное название учреждения: «Центр документации».

Туманно, не правда ли?

Расшифровать хоть в какой-то мере туманное название нам, пожалуй, поможет перечисление хотя бы части того, что хранится на «виллах-фермах»:

10 700 000 личных дел, составляющих главный архив НСДАП (национал-социалистской партии) [1];

600 000 личных дел офицеров СС — охранные отряды, сначала возведенные приказом фюрера «в ранг самостоятельной организации в рамках национал-социалистской партии», а затем превращенные в самые отборные фашистские войска, куда входили «особые отряды» и карательные подразделения «Мертвая голова»;

400 000 личных дел участников СА — штурмовых отрядов, важнейшей составной части террористического аппарата гитлеровского рейха [2];

1 500 000 украшенных паучьей свастикой аккуратнейших папок с документами, отражающими партийную и служебную деятельность наиболее значительных нацистских бонз.

Приведенные четыре цифры сообщены в декабре 1982 года директором ЦД (условимся, читатель, так в дальнейшем именовать американский центр документации в Западном Берлине) майором в отставке Даниэлем Саймоном, гражданином США, сионистскому журналисту Б. Грэну, гражданину Израиля. Редкая честь, замечу: ни одному западноберлинскому журналисту, не говоря уже об иностранных, мистер Даниэль (израильский корреспондент дружески именует его Даном) таких цифр не сообщал.

Что ж, воспользуемся редкой удачей, выпавшей на долю сионистского журналиста, и произведем нехитрую арифметическую операцию элементарного сложения чисел: $10\,700\,000 + 600\,000 + 400\,000 + 1\,500\,000$. Итого 13 200 000 (тринадцать миллионов двести тысяч) комплектов документов из самых сокровенных нацистских архивов хранятся (еще придется поразмышлять над тем, можно ли говорить «хранятся»!) в американском ЦД. Не так ли?

Нет, не так.

Почему? Разве я неправильно переписал из тель-авивских газет цифры, приведенные в очерке Б. Грэна? Или ошибся, подсчитывая итоговую?

---

[1] Об этой запрятанной в массивных шкафах времен «тысячелетнего рейха» части архива руководитель центра документации (о нем речь пойдет ниже) не без гордости сказал: «Здесь зарегистрированы 95 процентов членов нацистской партии, включая заявления о приеме в партию». Однако, как читатель сможет убедиться, и остальные 5 процентов нацистов (имеются в виду вступившие в НСДАП в «неразберихе войны» — с конца 1944-го до апреля 1945 года) тоже не обойдены вниманием архивов американского «центра».

[2] Явное приуменьшение: в гитлеровском рейхе число штурмовиков СА, щедро поставлявших кадры подразделениям СС, СД и гестапо, в разные годы колебалось от 1 700 000 до 1 200 000. Откуда же вдруг число, составляющее меньше одной трети!

Причина вовсе в ином. Ведь тот же самый Саймон в задушевной беседе с корреспондентом из Тель-Авива (да и в предельно сжатом интервью корреспонденту западноберлинской газеты «Цитти» Ульфу Бюрфелеру) признал, что общее число собранных в ЦД личных дел нацистов, а также «различных административных документов и директивных указаний Гитлера и его ближайших сподвижников» составляет «приблизительно 25—30 миллионов». Хороша приблизительность с разрывом в... пять миллионов документов!

Оказывается, за 38 лет со дня захвата американцами важнейших нацистских архивов руководители ЦД (кстати, Саймон директорствует там уже более десяти лет) не удосужились хотя бы подсчитать количество спрятанных документов. **Документов, доступ к которым парализовал бы возможность почти любому нацистскому преступнику укрыться от справедливого возмездия!** Документов, необычайно ценных для следственных и судебных органов, каким по их прямому назначению полагалось бы детально раскрыть и справедливо осудить разбойничьи деяния всех нацистских преступников.

Учтем все-таки приблизительность подсчетов мистера Саймона (кстати, весьма не типичную для американцев) и примем на веру среднеарифметическое число — не 30 000 000 и не 25 000 000, а 27 500 000 документов. Но ведь Саймон назвал сионистскому журналисту «номенклатуру» всего лишь 13 200 000 (тринадцать миллионов двухсот тысяч) документов. К каким же категориям фашистской иерархии следует отнести не названные господином директором «приблизительно» пятнадцать — шестнадцать миллионов комплектов важных для определения вины гитлеризма перед человечеством документов из секретнейших нацистских архивов! Гитлеровцы неспроста предназначали эти архивы к сожжению, но не смогли уничтожить «по вине» советских войск: столица фашистского рейха была захвачена нашими доблестными воинами раньше, чем могли предполагать защитники главного фашистского логова.

ПОГРЕБЕННЫЕ УЛИКИ ПРОТИВ КЛАУСОВ БАРБЬЕ

Есть возможность, правда, не исчерпывающая, несколько расширить перечень мистера Саймона. Господин директор «забыл»:

7 000 000 личных дел сотрудников СД — гитлеровской службы безопасности;

4 000 000 личных дел гестаповцев — чинов тайной полиции;

300 000 анкетных карточек нацистов, ставших членами НСДАП в роковую для гитлеризма пору с конца 1944-го по апрель 1945 года, когда, по небезосновательному замечанию мистера Саймона, у нацистских руководителей были более неотложные задачи, чем оформление личных дел новоиспеченных нацистов;

60 000 характеристик и анкетных карточек работников служб пропаганды, чье назначение на идеологические посты проводилось, как установлено, на самом высшем нацистском уровне;

140 000 личных дел офицерских чинов полиции, непосредственно входивших в террористический аппарат гитлеризма и по этой причине подбиравшихся и утверждавшихся Гиммлером и лицами из его ближайшего окружения;

300 000 документов платных функционеров (от блоклейтеров до гаулейтеров), составлявших так называемый «резерв фюрера», осуществлявших по его замыслу надзор над рядовыми членами нацистской партии;

7 000 личных дел сотрудников следственного и судебного аппарата «фольксгерихтсхофа» — чрезвычайных судов (по официальной нацистской номенклатуре — «народных трибуналов») для расправы с истинными и мнимыми противниками фашистского режима [1];

9000 папок с документами чиновников управлений концлагерей и главных палачей этих застенков. Кадры для выполнения одной из самых главных и самых варварских задач нацизма — геноцида в отношении «недочеловеков» — подбирались с особенной бдительностью, причем она удваивалась и утроилась при подборе убийц для лагерей смерти в оккупированных странах и на временно захваченных советских территориях (Освенцим, Майданек, Маутхаузен, Гросс-Розен, Натцвейлер, Берген-Бельзен, Бобруйск, Киев — скорбный список может быть продолжен);

700 000 папок с обвинительным и, главное, агентурным материалом судебных дел, возбужденных против немецких граждан за сопротивление нацизму (эти дела дают возможность установить личности провокаторов и секретных агентов, по чьим доносам были схвачены противники нацизма).

Итак, названа номенклатура еще по крайней мере полутора миллионов нацистских документов, собранных американцами в бункерах ЦД.

Число это — даже только по указанным категориям документов,— несомненно, должно быть увеличено, причем в отдельных случаях весьма значительно.

В ЦД, совершенно очевидно, запрятано гораздо больше, чем девять тысяч папок с личными делами тех, кому гитлеровская верхушка доверила практическое свершение геноцида. Хотя Гиммлер называл этих непосредственных исполнителей людоедской программы истребления «низших рас» всего лишь «чернорабочими истории, обязанными, стиснув зубы, делать свое дело», они при назначении на свои человеконенавистнические должности подвергались особенно тщательной проверке с арийских расовых позиций. И такая проверка, такой подбор палаческих кадров, несомненно, отражены в захваченных американцами нацистских архивах.

В обоих перечнях совершенно не упоминаются сотрудники РСХА — главного имперского управления безопасности. Трудно себе представить, что в нацистских архивах не представлен личный состав этого — высшего по фашистской иерархии — командного органа, координировавшего террористическую, шпионскую и диверсионную деятельность нацистов. Напомним попутно сионистским заправилам, что именно один из департаментов РСХА — четвертый, которым руководил Адольф Эйхман, осуществлял все операции по истреблению евреев, что девизом эйхмановского департамента стала установка фюрера: в живых должен остаться только один еврей в качестве редчайшего экспоната. Не хочется, однако, сионистам вспоминать о 4-м департаменте РСХА — это неизбежно напомнило бы о его тесных контактах с берлинским «Палестинским офисом», которым руководил сионистский лидер Леви Эшкол, впоследствии премьер Израиля.

[1] Некоторые нацисты убежденно именовали чрезвычайные суды трибуналами по охране незапятнанности имени фюрера. Закономерность подобного наименования подтверждает такой, например, «политический» процесс в «фольксгерихтсхофе» района Кёпеник в Берлине. Некий мелкий банковский чиновник, опасливо оглядываясь по сторонам, осведомился у родной сестры, лавочницы, не слышала ли она толков о том, что самоубийство любимой племянницы фюрера Ангелики Раубаль вызвано совсем не родственной ее близостью с дядюшкой. Бдительной лавочнице сразу же подумалось: а не провоцирует ли ее братец, не замыслил ли хитрец завладеть ее лавочкой? Она поспешно донесла кому следует об антифюрерских мыслях брата — и «народный трибунал» приговорил «государственного изменника» к тюремному заключению. А так как Гиммлер дал указание своему аппарату не засорять арийскую среду бывшими политическими заключенными, верноподданная лавочница так больше и не увидела «проштрафившегося» брата.

Неизвестно еще и число личных дел руководителей и функционеров гитлерюгенда, призванных фюрером ускорить приближение часа, когда «центр арийской расы-созидателя» — фашистская Германия подчинит себе, по замыслу Гитлера, весь земной шар. «Мы должны будем перейти к такой системе воспитания,— поучал своих питомцев Бальдур фон Ширах, наместник фюрера по руководству гитлерюгендом,— которая сделала бы нашу молодежь способной осуществлять господство над миром... Наше дело — руководство миром». И на каждого, кому доверялось выполнение этой бредовой задачи, заводилось, как признали многие разоблаченные нацисты, личное дело, не менее обстоятельное, чем дело партийного функционера.

Следовательно, и второй перечень, которым здесь дополнены цифры сионистского журналиста, записанные со слов Даниэля Саймона, совсем не исчерпывает все разновидности собранных в ЦД нацистских документов. В обоих перечнях перечислены далеко не все категории и номенклатуры кадров многочисленных служб и ответвлений нацистской партии, террористического аппарата гитлеровского рейха и огромной пропагандистской машины немецкого фашизма, о которых могли бы рассказать подлинные нацистские документы из бункеров ЦД.

И все же, читатель, приплюсуем явно приуменьшенную цифру — 1 500 000 к перечисленным израильским корреспондентом 13 200 000. Как еще далек полученный итог — 14 700 000 — от гигантских чисел, названных самим директором американского ЦД, от двадцати пяти — тридцати миллионов!

Вывод один: остальные миллионы бумаг относятся преимущественно к тем, которые директор ЦД в своих интервью отнес к числу административных документов и директивных указаний Гитлера и его ближайших сподвижников. Иными словами, речь может идти о подлинных документах, проливающих свет на злодеяния, совершенные тем или иным нацистом по непосредственному заданию фашистских бонз. Какую огромную, неоценимую роль могли сыграть эти материалы, когда проводилась денацификация в ФРГ (номинально!) и ГДР (фактически).

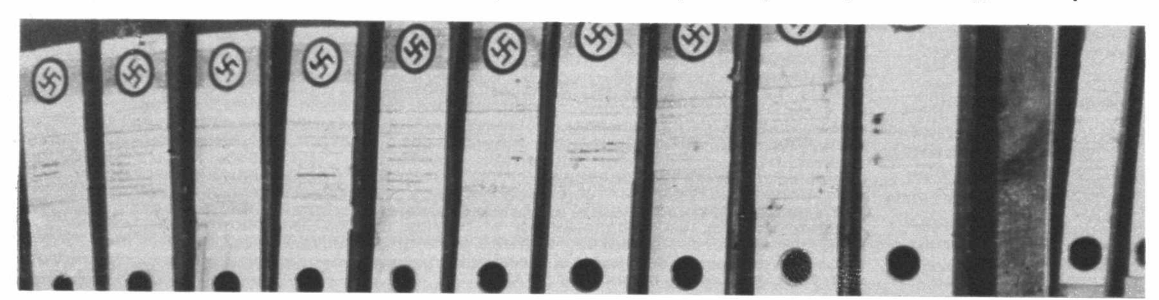
Да, в ГДР, где конституционно закреплены принципы антифашизма, и без помощи архивов ЦД с мая 1945 по 1969 год были осуждены 12 820 нацистских преступников, а в ФРГ за весь послевоенный период — всего лишь 6456 (уголовные дела были возбуждены, правда, против 87 500 бывших нацистов, но более восьмидесяти тысяч из них сумели «доказать» свою невиновность).

Сравнение приведенных цифр становится еще более красноречивым, если учесть, что после разгрома фашистского рейха эсэсовцы, гестаповцы, концлагерные палачи да и все активные нацисты постарались бежать на запад Германии — туда, где они могли укрыться от советских войск и нашей военной администрации. Еще до окончания войны приближенные Гитлера, информированные об антикоммунистических настроениях политических кругов США и Великобритании, дали указание своим подопечным укрываться в западных зонах Германии. Борман, например, так прямо и сказал: «Наше спасение — на Западе». Следовательно, большинство клаусов барбье нашло прибежище на территории ФРГ, откуда американские доброжелатели многих переправили за океан.

Этих преступников уже давным-давно можно было бы обнаружить, разоблачить и предать суду на основании документов, погребенных в бункерах целендорфских вилл. Неоспоримых документов!

Продолжение следует.

Полки с личными делами членов нацистской партии, хранящимися в американском Центре документации в Западном Берлине.

НА СЕВЕРНОМ ФЛОТЕ

Имя Александра Алексеевича ЖАРОВА хорошо известно любителям поэзии. Один из плеяды комсомольских поэтов двадцатых годов, он создатель вошедшей в золотой фонд отечественной литературы поэмы «Гармонь», автор многих стихов и песен, одна из которых, «Взвейтесь кострами, синие ночи», стала пионерским гимном.

А. Жаров, комсомолец с 1918 года, был делегатом III съезда РКСМ, на котором с исторической речью выступил В. И. Ленин.

В годы Великой Отечественной войны Александр Жаров находился в действующих частях Военно-Морского Флота, пером поэта помогая победе над врагом. Ему принадлежат многие боевые стихи, подписи под плакатами.

А. Жаров был участником встречи в ЦК КПСС с ветеранами партии. Говоря о своих впечатлениях от выступления товарища Ю. В. Андропова, он замечает: «Распоряжаясь опытом ветеранов, партия подчеркивает особое значение задачи деятельного участия в воспитании молодежи, в том числе военно-патриотическом.

Ветеран, напутствуя юнцов,
Говорит:
Для подвигов мужайте,
Славу и традиции отцов
Уважайте
И приумножайте!»

Мы публикуем стихи, написанные А. Жаровым на Северном флоте в годы войны.

Александр ЖАРОВ

ИЗ ПОЭМЫ «БОРИС САФОНОВ»

...На заливе туман.
И у берега тьма поднялась,
Снеговыми зарядами
Так над землей заиграла,
Что к Сафонову в часть
Третьи сутки не могут попасть
Делегаты с заводов Урала.

Кстати, не позабыть бы,
Какое сегодня число...
День от ночи
Поди отличи без привычки...
— Дорогие мои,
Да куда ж это нас занесло,
Неужели к чертям на кулички?

Как чувствительно бьет
Каждый вздох океанской груди,—
Закачается даже полярник бывалый...
Тут с врагом управляться
Бойцам тяжеленько, поди,
А с природой не легче, пожалуй.
. . . .
Но в любую погоду,
Пока полыхает война,
Не должна быть
Фашистам в расплате отсрочка!
Тут пустынна земля,
Неприветлива малость она,
Но земля эта — наша. И точка!

ХОРОШИЙ ОБЫЧАЙ

Подлодка «N» к врагу строга.
Отважные бойцы подлодки
Четыре транспорта врага
На дно пустили в срок короткий.
У них на северной земле
Такой обычай установлен:
Пришли на базу — на столе
Героям ужин приготовлен.
Какой? Я вам скажу сейчас:
Румяный кок глядит папашей.
— Сынки! Зажарены для вас
Четыре поросенка с кашей.
Победы ваши подсчитал —
И отмечаю аккуратно.
— Так что же — с корабля на бал?
А с бала на корабль обратно!
Врагу сумеем дать урок
Везде, где будет обнаружен.
До скорого свиданья, кок! —
Готовь другой такой же ужин.

С ДЕСАНТОМ В ТЫЛ ВРАГА

Кораблю дана команда: к бою!
В первый бой такой я шел, друзья...
Нас на мостике стояло трое:
Командир, слывущий за героя,
Рулевой, слывущий за героя,
И, слывущий стихотворцем, я.

По ночным волнам хлестал упрямо
Пулеметный град с прибрежных скал,
Залетал, свистя, на мостик к нам он...
Командир стоял все время прямо,
Рулевой стоял все время прямо,
Только я... немного приседал.

Наши пушки, отвечая, дали
Выстрелов немалое число.
Скалы тараторить перестали,
Краснофлотцы выгружаться стали.
Словом, все своим порядком шло...

Командир десантного отряда,
Обходя притихший вражий пост,
Пробасил: «Мы тут не для парада!
За скалой присядем, если надо,
На камнях заляжем, если надо...
А пока — за мною, в полный рост!»

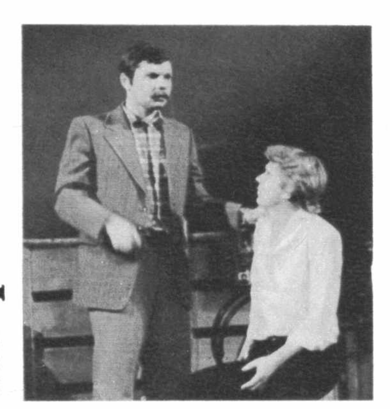
Мы под утро возвращались в базу.
Я не спал. Писал в свою тетрадь
По словечку, да и то не сразу
Эту заключительную фразу:
«В жаркой схватке только по приказу
Моряки способны приседать».

СЕВЕРОМОРЦЫ-МОСКВИЧИ

Присмирело море Баренца,
Ночь над берегом тиха.
За скалой в сторонке варится
Краснофлотская уха.
Вымыт пол водою пресною,
Придан кубрику уют...
Моряки землянку тесную
Тоже кубриком зовут.
До московских улиц близко ли
От арктической воды?
Спиридоновка, Никитская,
Патриаршие пруды...
К огоньку придвинув столики,
Вспоминать друзья пошли —
Кто Полянку, кто Сокольники,
Кто Таганку, кто Фили.
Вспомнил все москвич в волнении,
Только дома не назвал,
Где он сердце на хранение,
Расставаясь, оставлял.
Разглашать не полагается
Тут секрет сердечный свой.
Если в бой идешь — сливается
Этот дом со всей Москвой.
Не спеши его отыскивать,
Замела война следы...
Спиридоновка, Никитская,
Патриаршие пруды.

театр

ПРО ТАТЬЯНУ...

Сцена из спектакля.

Что и говорить, во всем Татьяна преуспела! Спектакль о ней так и называется: «Про Татьяну»,— пьеса З. Тоболкина идет на сцене Нового драматического театра в Москве.

Сыгранная Н. Беспаловой героиня — депутат районного Совета — активна и авторитетна во всех сферах деятельности, притом остается скромной труженицей, к которой заслуженно приходит всеобщее признание. Ей даже посвящена радиопередача «Современная женщина».

Подруги ей завидуют, говорят: «У тебя есть все!» Но не правы подружки. Опустел дом, распалась у Татьяны семья, ускользнуло счастье. «Вот и мужа нет и сына нет»,— горестно размышляет наша современница. Одиноко и неуютно ей в опустевшем, холодном доме; горько звучит ее признание в разговоре с директором животноводческого комплекса Игошевым (Ю. Платонов): «Счастья! Простого бабьего счастья хочу...»

Сбудется ли?

Тему соотношения общественного и личного не назовешь новой.

Многие деловые женщины уверенно шагнули сегодня на подмостки театров, вышли на киноэкраны... Как правило, это натуры сильные, бунтующие против обыденности. Порой их называют даже странными, хотя ничего странного тут нет. Зигзаги эмансипации присутствуют сегодня в жизни почти каждой семьи.

В спектакле «Про Татьяну» режиссер В. Ланской решает эту проблему по-своему. Нет, совсем не странной кажется нам Татьяна, увлеченная любимым делом! Драматург и театр не просто констатируют увлеченность Татьяны, Для них важнее ее духовная суть, прозрение. Осознание ее личной ответственности за жизнь вокруг.

Но что же все-таки случилось в этой семье? В чем причина семейных неурядиц? И так ли уж во всем Татьяна виновата?..

Муж Татьяны Петр (В. Донцов) на первый взгляд всем хорош: любит жену и сына, помогает больному брату. Петр талантлив — сочиняет песни... Но далек он и от своей семьи и от окружающих людей; они-то хотят, понятно, чтобы Петр занимался настоящим крестьянским трудом, не бродяжничал в поисках легкого заработка, а был поближе к своей земле, к своему очагу, и чтобы был он под стать своей жене, скромной и трудолюбивой Татьяне...

Петр удивительно пассивен. Он даже не противится, не восстает, когда сочиненные им песни присваивает себе некий композитор районного масштаба! Гневно осуждает спектакль позицию, которую занял Петр: она не только ему вредна, но и семье, обществу...

Ну, а что же сын, что же Юрий (А. Курманов)?.. Он всерьез сердится на мать: «Ты уже забыла, когда себе суп варила. И что можешь дать ты мне вместо благословения: информацию о привесах на своей свиноферме? А мне бы лучше колыбельную послушать...» Мать безмолвно признает свою вину. Но ведь и Юрий тоже ничего не делает для родного дома. Не старается хоть чем-то облегчить жизнь матери, помочь ей. Он тоже стремится уйти, вырваться...

Нет, не о личной жизни Татьяны ведет театр свой интересный, человечный разговор. Но о таких важных нравственных вопросах, как чувство долга перед людьми и родной землей. О ценностях бытия. О гармонической связи личного и общественного...

М. ДМИТРИЕВА

А. СОКОЛОВ, народный художник РСФСР

В ПРОСТОРЕ ВСЕЛЕННОЙ

Сегодня художник вновь, и часто совсем нетрадиционно, открывает для себя природу. Он задумывается над тем, каково ныне отношение к ней человека и каково отношение человека к той все более значительной части природы, которая преобразована его разумом и руками.

Достижения науки, осваиваемые сейчас художником, имеют очень широкий диапазон — от микромира до необъятных космических просторов Вселенной. За этим стоит важное событие: выход в космос. Он явился своеобразным скачком в нашем сознании. Человек, как будто бы давно освоивший и более или менее успешно преобразующий природу, привыкший к своему всемогуществу, вдруг обнаружил, что каждый новый шаг в неведомое требует от него во взаимоотношениях с природой гораздо большей, чем ранее, мудрости и связанного с этим мужества. Современный человек как бы почувствовал себя нашим далеким пращуром, выходящим из уютной пещеры в опасный и незнакомый мир.

Человек в космосе — это принципиально новое качество мышления, видения, чувствования, во многом новая психология. Сместились многие привычные понятия. Земля оказалась очень небольшой, космонавты облетают ее за полтора часа. Горизонт, который мы, стоя на ее поверхности, видим на расстоянии нескольких километров, для космонавтов выгнулся дугой и отпрыгнул более чем на две тысячи километров. Впервые не на карте, а воочию стали видны очертания материков, проступили сквозь водную толщу очертания подводных хребтов... А сопровождающие космонавта стартовая перегрузка, вибрации, невесомость? Или еще некая таинственная сила, неотвратимо увлекающая космонавта через открытый люк из шлюза в космос (а это всего лишь газ, который в условиях глубокого вакуума выделяется из материалов конструкций шлюза и стремительно выходит через открытый люк).

Все эти факторы, как и многие другие, активно воздействуют на психику человека в космосе. И все-таки первое, что замечает человек на орбите,— это удивительные красоты нашей планеты. Не случайно первыми словами Юрия Алексеевича Гагарина при взгляде на Землю из космоса были: «Красота-то какая!»

Невозможно подобрать земные аналоги космическим пейзажам, настолько ярче, контрастнее, красочнее сочетания цветов, наблюдаемые из космоса. И, конечно, не случайно любимой работой да и просто любимым занятием в редкие минуты досуга для космонавтов являются визуальные наблюдения Земли.

Практически у всех, особенно у летавших продолжительное время, космонавтов есть свои любимые «уголки» земного пейзажа (размеры этих «уголков», конечно, космические, их протяженность — сотни километров). Это может быть бассейн Карибского моря, где на светло-бирюзовом фоне мелководья четко выделяются темно-синие пятна глубоких впадин, может быть жемчужина нашей планеты — озеро Байкал. Иногда это темные массивы гор с их ледниками и снежными вершинами, особенно если их наблюдать в районе терминатора — границы дня и ночи, когда долины уже утонули в темноте и на их фоне ярко сияют причудливо изломанные цепи заснеженных горных хребтов, а дальше, уже в совсем глубоком сумраке позднего вечера, почти ночи, светятся красно-оранжевыми угольками несколько особенно высоких вершин.

С высоты космического полета можно охватить взглядом грозные циклоны, отчетливо увидеть «глаз циклона», заметить, как отдельные высокие горные вершины рассекают облачность, оставляя на ней расходящиеся волны, подобные волнам от корабля на воде. Непрерывно следует за орбитальной станцией солнечный блик — не только по водной поверхности, но и по влажному весеннему снегу, по богатой водоемами земной поверхности, пробиваясь даже сквозь дремучие джунгли в бассейне Амазонки.

Все как один космонавты восхищаются закатами и восходами, в сравнении с которыми ярчайшие из «наземных» зорь — лишь бледная тень.

Волнуют созвездия ночных городов, опутанных светящейся паутиной магистралей. Наполняют гордостью узнаваемые с орбиты рукотворные моря-водохранилища, хорошо различаемые клетки полей (особенно на территории нашей страны, в Целинном крае).

Возможность взглянуть с орбиты на этот прекрасный и незнакомый мир, безусловно, должен иметь каждый человек. Многое в нем нам уже знакомо по фотографиям, кинофильмам и телевизионным передачам. И все-таки то, что мы видим, лишь в небольшой степени приближается к натуре. Глаз человека по контрастности различает детали в двадцать раз лучше, чем кинокамера, в двести раз лучше, чем телекамера, не говоря уже о цветопередаче. Но главное не в этом.

Только человек способен осмыслить и прочувствовать увиденное. Только художник способен в достаточной степени полно и наглядно передать свои впечатления, поскольку он видит, чувствует и творит в образно-эмоциональной форме. Именно поэтому я считаю одной из самых значительных вех космического искусства выход в открытый космос Алексея Леонова. Впервые взглянул на Землю со стороны не просто человек и летчик-космонавт, взглянул художник. Только художник мог сравнить огни ночных городов, видимые из космоса, с огнями потухающих костров, мог, например, уловить разницу в цветовой тональности облаков, подсвеченных ночными городами, и облаков, освещенных лунным светом, сравнить с кокошником солнечную корону и т. д.

Итак, художник и космос, космическая тема в современном изобразительном искусстве. В чем же ее содержание?

Думается, что в космической теме найдут место практически все жанры изобразительного искусства. Первое и почетное место занимает символическое решение темы, родившееся еще в далекое утро человечества и по сию пору неизбывное в искусстве, как вечна и неизбывна самая дерзновенная мечта человека — мечта о звездах. Достаточно полно представлен и портрет — образами мужественных первопроходцев космоса. Но в этом направлении предстоит еще много сделать, ведь достижения космонавтики — дело не только космонавтов, но и еще многих и многих людей самых разных профессий: ученых, испытателей, рабочих-энтузиастов, отдающих себя без остатка делу освоения космоса.

В этих двух жанрах космической темы ее претворение может полностью исчерпываться традиционным, веками отработанным методом.

Но есть другие жанры искусства о космосе, далеко не всегда совместимые с традиционным взглядом на натуру. Если можно представить себе, хотя и с некоторой натяжкой, написанные с натуры этапы подготовки космонавтов, моменты работы в монтажно-испытательном корпусе, то старт может быть написан лишь по памяти. И уж совсем нетрадиционными методами придется пользоваться, если поставить перед собой задачу изобразить, скажем, «будничную» работу на орбите.

Художнику, поставившему перед собой задачу отобразить величественную картину освоения космического пейзажа, понадобятся знания специфических особенностей работы людей на различных объектах в условиях открытого космоса, знание основ космической технологии. Полем научно-технической деятельности человека будет не только околоземное пространство. В обозримом будущем объектом непосредственного, «контактного» изучения станут планеты, астероиды, кометы. Чтобы наглядно представить себе контрастный, почти исключительно черно-белый мир Луны, сумрачно-оранжевую раскаленную Венеру, холодный, кирпичного цвета Марс с его ослепительно голубыми утренними зорями, зазубренно-угловатые астероиды, испускающие струи газа головы комет, бурный газовый океан атмосферы Юпитера, грандиозные и в то же время изящные кольца Сатурна, помимо изучения существующих на эту тему изданий, безусловно, необходимы консультации ученых-планетологов, инженеров и конструкторов.

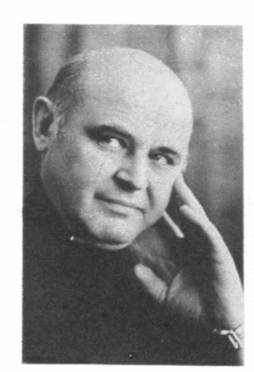
И по этим далеким мирам современная наука в той или иной мере располагает объективными данными, так что художник и здесь может опираться на научные данные, правда, лишь отчасти. Например, если пытаться изобразить планету системы двойной звезды, некоторую информацию о такой паре звезд, скажем, красном гиганте и голубом карлике, наука может дать. По их планетам же данных нет никаких, неизвестно даже, существуют ли они вообще в данной системе, и тут дело целиком зависит от фантазии художника, как он сможет представить себе и изобразить этот мир.

Владимир ЕРЕМЕНКО

РАССКАЗ

Рисунки А. ЛУРЬЕ

ФРОНТОВИКИ

I

Так случилось, что девятого мая я оказался в старинном городке Боровске. Меня и раньше поражал этот удивительно русский город, который, кажется, совсем не тронуло время, а в это солнечное и праздничное утро он не только окончательно покорил, но и взволновал глубоко и надолго.

Зеленые улочки были запружены нарядными колоннами. Горел кумач флагов и транспарантов, играла музыка, цвели букеты первых весенних цветов, то там, то здесь вспыхивали песни, и все это яркое и веселое шествие текло к центру города, где гремели динамики:

Этот День Победы —
Порохом пропах.

Моя машина, зажатая ликующими горожанами, сначала двигалась в колонне, а потом была вытеснена на обочину, под палисадники, к одноэтажным домам. Не пытаясь вырваться из людского плена, я стал смотреть на эту шумную, говорливую реку. Она текла к центральной площади, где был памятник победителям, отдавшим свои жизни более сорока лет назад за этот русский город, и где теперь в их честь и память горит Вечный огонь.

Всматриваюсь в веселые лица молодых, слышу беззаботный щебет и гул, который идет от колонн школьников, и мне становится как-то по-особенному тревожно и радостно, будто я в том далеком мае сорок пятого.

Как хорошо, что в нашей стране существует эта славная традиция: в День Победы всенародно идти к памятникам воинам, к Вечному огню с цветами и кумачом, музыкой и улыбками молодых, с радостью сегодняшнего мирного дня и грустью утрат, которые и по прошествии стольких лет не забываются. Веселая колонна школьников уже проходила мимо меня, а я все еще смотрел ей вслед, как вдруг меня будто кто повернул, и я, пораженный, вздрогнул. На перекресток из другой улицы выходила еще одна колонна, и впереди нее колыхался нестройный лес бархатных знамен.

— Фронтовики...— затаенно вздохнула стоявшая рядом женщина. И сразу отовсюду отозвалось:

— Фронтовики! Ветераны! Фронтовики!

Знаменосцев было человек восемнадцать—двадцать. Они шли тяжело, стараясь выдержать ряды. Тяжелые бархатные знамена с кистями и блестящими на солнце бронзовыми ромбами наконечников покачивали их, но фронтовики все равно пытались идти строевым шагом, и в этом была особая трогательность и какая-то непонятная мне боль.

Несмотря на разгорающийся теплый день, все в темных костюмах, с медалями и орденами на груди. Я всматриваюсь в лица фронтовиков. Каждому из них перевалило за шестьдесят. Были здесь и семидесятилетние, и именно они вызывали ту особую щемящую трогательность и необъяснимое сочувствие. Наверное, это чувство рождалось во мне не только оттого, что я прямо физически ощущал напряженность, с которой шли ветераны, но и оттого, что меня одолевали грустные мысли. Видно, многие в последний раз шагают во главе колонны. Уходят от нас ветераны войны, и скоро мы их будем считать, как старых большевиков...

Колонна знаменосцев свернула в ту улицу, откуда из динамиков гремело:

Это праздник —
С сединою на висках.

А я еще долго смотрел ей вслед и думал, как быстротечна и коротка жизнь. Кажется, совсем недавно было 9 мая 1945 года и я, семнадцатилетний, накануне этого дня бросил свой колесный ХТЗ в поле, приехал на велосипеде поздно вечером домой. Надо было помыться и сменить белье. Мама долго возилась с моей изорвавшейся рабочей робой: стирала, сушила ее утюгом и штопала, а мы с младшим братишкой Сергеем затеяли возню, которая у нас называлась «мериться силами». Четырнадцатилетний Сергей оканчивал седьмой класс, и мы уже договорились, что он идет в нашу тракторную бригаду прицепщиком и будет учиться на тракториста. Весной сорок третьего я таким уже работал на тракторе.

Сергей уснул, а мы с матерью все говорили и говорили про нашу жизнь, про войну, которая и после взятия Берлина никак не кончается, про отца, который где-то под Кенигсбергом лежит в госпитале, про старшего брата Виктора, от которого со времени страшных харьковских боев сорок второго года нет никаких известий...

Мы уснули перед самым рассветом, и нас разбудил инвалид Егорыч. Он лупил своим костылем в ставни и истошно кричал:

— Вставайте! Война кончилась! Кончилась! Кон-чи-и-ла-а-сь!

Почти все два часа пути от Боровска до Москвы я вспоминал то время, и до непонятного самообмана оно было рядом. В мельчайших деталях и подробностях я помнил душный августовский вечер, когда встречали отца. А потом почти через год объявился и Виктор. У

него был самый трагический — 1923 год рождения. С войны его сверстники возвращались лишь трое из ста. Через пять дней после ее окончания этому счастливцу исполнилось двадцать два года. Но он себя таковым не чувствовал, так же как не чувствовали себя и мы, пережившие Сталинград. Слишком много было утрат и потерь...

Отец умер по теперешним временам молодым — на шестьдесят втором году. Но он был стариком. Израсходовав силы и здоровье на трех войнах — империалистической, гражданской и Отечественной, он сгорел, как свеча, до конца, и я после смерти относил на завод его первый и последний бюллетень. Других никогда не помнил я в его жизни...

Через пять дней Виктору будет шестьдесят...

Я ехал и думал о нелегкой доле фронтовиков, своих родных и близких, тех, кто не вернулся с войны: о маминых двух братьях и брате отца; и о тех, кто дожил до Победы, а потом их догнала война, как это случилось с отцом и моим младшим братом. Он был мальчишкой контужен в Сталинграде и умер от этой контузии через тридцать пять лет. Я думал обо всех фронтовиках сразу, каких я знал и кого я знаю сейчас...

О некоторых я уже рассказывал в своих книгах, но в моей памяти, в тех письмах, которые присылают мне фронтовики, такие удивительные судьбы, что я все время чувствую свою вину перед ними. Виденное сегодня в Боровске остро всколыхнуло во мне эту вину, и захотелось сразу же, как только приеду домой, сесть к письменному столу.

Однако выполнить это желание удалось только через несколько месяцев. И теперь к уже рассказанным историям о фронтовиках я прибавляю и эти.

II

Порог они переступили шумно, с наигранной смелостью, и видно было, что эта неестественность поведения двух пожилых людей, которым за шестьдесят,— продолжение их застенчивости и робости.

— Я тут со своим товарищем-фронтовичком... На сорокалетие в Волгоград едем...— Певучий выговор Ивана Порфирьевича Русаковича я узнал раньше, чем самого моего белорусского друга. Округлые, как голыши, слова перекатывались в щербатом рту Ивана Порфирьевича, а я растроганно смотрел на его почерневшее и исхудавшее лицо, высохшую и уменьшившуюся, как у подростка, фигуру и чувствовал, что во мне поднимается боль. Как же быстро состарился этот человек, как неудержимо стареют и уходят от нас его сверстники-фронтовики!

Мою тревогу, видно, замечает и сам Иван Порфирьевич, и, когда проходят первые суетные минуты встречи и знакомства с его «товарищем-фронтовичком», бывшим учителем, директором школы, заведующим роно Николаем Иосифовичем Толпеко, человеком степенным, сдержанным и, кажется, ни в чем не похожим на Русаковича, когда мы уже сидим за столом и поднимаем по первой рюмке за их поездку в мой родной Сталинград, Иван Порфирьевич все так же шумно говорит:

— А чего ты хочешь? (Это его «ты» относится не ко мне, не к его товарищу, а к кому-то невидимому, кто не знает того, что знаем мы.) Нас, фронтовиков, скоро будут на этом свете с фонарями разыскивать. Через десяток лет по пальцам считать будут...

Впалые щеки Русаковича чуть порозовели, глаза зажглись, и сейчас, как и пять лет назад, в нашу первую встречу, после долгой переписки, когда мы с Иваном Порфирьевичем выясняли подробности и детали боев осенью и зимой сорок второго и сорок третьего годов, я могу опять угадать в этом состарившемся человеке того бравого двадцатитрехлетнего кадрового командира Красной Армии с двумя кубарями в петлицах, который уже до Сталинграда был дважды ранен, а здесь, в боях на Мамаевом кургане, в Банном овраге, на метизном заводе и в других горячих точках города, командовал ротой, состав которой, как говорит сам Русакович, «постоянно опускался ниже нулевой отметки». А это означало, что в роте оставалось людей меньше, чем должно быть в отделении.

Через сорок лет едут эти люди в свою молодость, обожженную, кровавую, где столько утрачено, но в молодость свою неповторимую, остающуюся навсегда молодостью, какой бы она ни была.

Оба они не приезжали на Волгу с той далекой холодной и вьюжной зимы сорок третьего, когда уже не существовало города, не виднелись над ним дымы, которые висели здесь почти полгода, потому что уже нечему было гореть, и только поднимались рыжие столбы от последних взрывов в его центре, на Мамаевом кургане, в районе заводов и других местах, где наши войска добивали окруженную немецкую армию.

Ивана Порфирьевича тяжело ранило в траншейном бою 19 января близ Мамаева кургана. Рядом разорвалась граната, которую бросил в него гитлеровец...

Это не последнее его ранение, были еще и контузии, но то уже после Сталинграда...

Николая Иосифовича раньше переправили через Волгу. Его ранили в центральной части Сталинграда, и тоже тяжело, везли без сознания...

Так завершили «свою войну» в моем родном городе эти два человека, которые едут сейчас туда из Белоруссии. Они не видели довоенного Сталинграда, громадного по тем временам города, где жило почти полмиллиона жителей, крупного промышленного центра с заводами-гигантами в его северной части: тракторным, металлургическим «Красным Октябрем», «Баррикадами». Они прибыли сюда, когда город уже пылал и бился с рвущейся к Волге армией Паулюса. Не видели и не слышали они оглохшего и умолкшего Сталинграда после второго февраля сорок третьего, когда прогремел последний выстрел и из-под заснеженных руин потекли черные ручейки закутанных в тряпье уцелевших гитлеровцев...

— Разрыва своего снаряда не слышал. Сильный удар в спину, режущая боль в лопатке, и я лечу куда-то долго-долго,— говорит Толпеко.— Очнулся в Уральске. Лежу на животе в белой пустыне, задыхаюсь...

По интонации в голосе понимаю, что Николай Иосифович впервые рассказывает Русаковичу об этом эпизоде.

— Мы же вас, артиллерийских разведчиков, берегли пуще чем глаза свои,— отвечает тот.— Как с писаными торбами носились. Лучший окоп, лучший блиндаж — вам.

— Лучший был там, на левом берегу, где наши гаубицы стояли,— растягивая слова, говорит Николай Иосифович.— Да и то гибли ребята. Небо до наступления было за ними...

Фронтовики ведут разговор, а я продолжаю думать о том, чего не пришлось им видеть в моем городе.

В нашем рабочем поселке почти в каждом доме эвакуированные с Украины, Кубани, даже из Баку (еще зимой прибыли эшелоны с людьми и оборудованием завода нефтеаппаратуры), но больше всего у нас в Сталинграде ростовчан, у них дом рядом. Да и другие беженцы неохотно переправляются за Волгу. Вот уже больше месяца гремит канонада «на дальних подступах», а над городом все чаще вспыхивают воздушные бои.

По ночам остервенело бьют и тявкают зенитки. В сводках Информбюро говорится, что бои идут все еще в большой излучине Дона, а в наших домах уже дрожат и сыплются стекла...

По городу расклеены плакаты «Отстоим родной город!», «Сталинград не будет сдан!». Промышленные предприятия почти не эвакуируются. Работают тракторный, «Красный Октябрь», «Баррикады»...

Всего этого не видели мои собеседники. Отлежав в госпиталях — один на Урале, другой под Москвой,— они в маршевых ротах спешили к нашему городу. Но прибыли сюда уже после «черного дня» Сталинграда — 23 августа, когда сотни фашистских самолетов, сделав более двух тысяч вылетов, зажгли его со всех сторон и он уже в течение многих месяцев горел и рушился...

Не видели эти два человека и белого, припорошенного снегом безмолвия Сталинграда, когда в огромных братских могилах — котлованах, какие роют под фундаменты зданий, красноармейцы-победители хоронили своих павших товарищей, лежавших в знаменитых приволжских оврагах, балках и лесополосах еще с лета и осени сорок второго. Эту печальную работу воинам помогали делать мы, немногие мирные жители города, которые выжили в почти полугодовом аду боев за Сталинград.

А нас до второго февраля сорок третьего действительно дожило очень немного. Во всей центральной части города прибывшие из-за Волги местные власти зарегистрировали только 751 человека.

Мой рассказ о том, чего им не довелось видеть в нашем городе, гости лишь изредка прерывают осторожными вопросами, уточняя то дату, то место событий.

— Это было у тех белых домов?— спрашивает Николай Иосифович.— А рядом стояло разрушенное здание школы. Перед атаками фашисты накапливались в нем. Я корректировал огонь здесь.

— Я говорил, как мы берегли вашего брата артиллериста. А почему?— вмешивается Русакович.— Когда в батальоне остается два десятка человек, надежда одна — на гаубицы и «катюши», которые стояли за Волгой.

— Берегли...— наигранно сердито отмечает Николай Иосифович.— А не уберегли.— Он умолкает, но тут же примирительно добавляет: — Хотя три месяца в том переплете тоже невероятное дело... Помню, как только за один день, когда выбивали немцев с Мамаева кургана и уничтожали прорвавшихся к самой Волге, в нашей дивизии погибло несколько тысяч человек.

— Это были моряки? — спрашиваю я.

— Да, в основном они...

— Хоронили мы их. Еще и после второго февраля много их было...— Мне говорить трудно, но я говорю.— Под гимнастерками у всех тельняшки, а за поясом и в рюкзаках бескозырки... Они лежали в складках Мамаева кургана и на его подступах...

Беседа наша, будто натолкнувшись на непреодолимое препятствие, обрывается, и, чтобы не молчать, я спрашиваю у Николая Иосифовича:

— А как началась у вас война?

Этот вопрос я задаю почти всем фронтовикам и по тому, как они отвечают на него, определяю, какой она была для них потом.

— Я был уже студентом пятого курса Белорусского университета,— оживившись, отвечает Толпеко.— Готовился быть географом. Университет собирался отметить свое двадцатилетие. Девятнадцатого июня наш курс приехал в Минск с практики. Шла подготовка к торжествам, а рано утром в воскресенье — война...

Собрал нас, студентов, преподаватель военной кафедры полковник Данилин в истребительный батальон, и через несколько дней мы уже вели под Колодичами бой с фашистским десантом. Мы все в штатской одежде, а немцы в нашей красноармейской форме. Тогда немало таких десантов враг забрасывал к нам в прифронтовые тылы.

— Но еще больше,— вмешивается в разговор Русакович,— было панических разговоров об этих десантах.

— Да, было и такое,— соглашается Толпеко.— Но мы воевали против настоящих диверсантов. У убитых фашистов в вещмешках было немецкое обмундирование...

От сотен фронтовиков мне доводилось слышать рассказы о том, как они встретили войну, и никем она в те первые дни не воспринималась таким страшным бедствием и всенародной трагедией, какой оказалась потом. Даже те, кто в первый день попал под вражеские бомбы и снаряды, кто пережил смерть родных и близких, не могли предположить, что война затянется на бесконечные четыре года и унесет десятки миллионов жизней. Не могли предположить и мои собеседники, что в их республике погибнет каждый четвертый и население их родной Белоруссии достигнет довоенного уровня только через тридцать лет после этой страшной войны.

Семья родного маминого брата Николая Четверикова на рассвете 22 июня была разбужена взрывами снарядов и бомб в Белостоке. Дядя Коля успел впихнуть жену в эшелон, подал в окно дочурок, а сам пристал к воинской части, которая отходила из горящего Белостока. Так он рассказывал осенью сорок третьего, когда после госпиталя заезжал к нам в разоренный Сталинград. И даже через два года после начала войны, как мне сейчас кажется, он не мог предположить тех неисчислимых жертв, которые еще предстояло перенести.

— Еще одно такое побоище, и Гитлер не выдержит,— говорил дядя Коля, рассказывая

про бои на Курской дуге, где он был ранен.— К Новому году, а самое долгое — к весне война закончится...

Однако старший лейтенант, командир противотанковой батареи Николай Четвериков ошибся. Не окончилась она ни к Новому году, ни к весне, когда он был еще раз ранен, теперь уже в третий раз. Шла она еще полгода и после того, как он был убит 30 ноября 1944 года, уже майором, командиром противотанкового дивизиона, в Прибалтике при ликвидации вражеской группировки.

— Человек не может согласиться со смертью,— словно что-то припоминая, говорит Русакович,— вот и отпихивает ее от себя.

— Да, все мы ошибались в сроках...— соглашается Толпеко.— Если бы мне тогда кто сказал, что она продлится четыре года и погибнет столько народу, я бы плюнул ему в глаза. Хотя уже было видно, что и не на территории противника и не малой кровью обойдется нам война... Мы ликвидировали десант под Колодичами, а сами оказались в окружении. На всех главных дорогах немцы, а нам оставались только проселки...

Я слушаю его рассказ, а сам вспоминаю слова дяди Коли Четверикова: «От самого Белостока и до Смоленска они по дорогам, а мы за дорогами».

— Мы все еще в гражданской одежде,— продолжает Николай Иосифович.— Наш командир полковник Данилин приказывает зайти в универмаг, взять велосипеды, рюкзаки, загрузиться продуктами и по три—пять человек выходить из окружения. Мы так и сделали. Помню, в магазине отрезал от глыбы большой кусок сливочного масла... Уговор у всех один: если что — возвращаемся с практики домой. Это было правдой, мы ведь еще находились на практике. В одном месте напоролись на немецкий патруль. Нам поверили и отпустили. Переправились вплавь через Березину — и прямо в руки к своим. Обрадовались, со слезами на глазах рассказываем про наши мытарства, а нам не верят.

— Лазутчики вы с того берега, признавайтесь, зачем шли? Все равно расстреляем!

И, наверное, расстреляли бы. Тогда время жестокое было, все напуганы этими лазутчиками и десантниками... Но спас случай. Увидели мы среди артиллеристов-гаубичников нашего студента и бросились к нему, как к отцу родному. Он всех назвал, сказал, что вместе были на военных сборах, и нас оставили в части.

Так я стал артиллеристом. Недели две мы здесь воевали, а я все еще в гражданской одежде. Не могу с убитого на себя форму надеть... Потом уже, когда к Днепру отступали, раздобыл себе офицерское обмундирование и воевал в нем.

Днепр перешли у Рогачева и здесь держались стойко. Недели три вели ожесточеннейшие бои. Немцы, видно, без хорошей разведки навели переправу. Они тогда перли нахально. А у наших пушкарей это место было заранее пристреляно, и, когда они пошли, мы накрыли их точными залпами. Что творилось!.. Много мне до конца войны пришлось видеть всякого месива, но даже в Сталинграде не припомню такого...

Немцы — вояки расчетливые, все взвешивают и выверяют, а тут, видно, головы у них от легких побед закружились. Валили валом. Ну, и поплатились...

А потом мы опять оказались в окружении и прорывались к нашим с боями под Рославлем, Сухиничами... Пробились где-то уже под Смоленском. Бои за Ельню, потом Бородинское поле... Когда едешь по Минскому шоссе, в этом районе есть памятник. На нем написаны оглушающие, как взрыв, слова: «Их было десять тысяч...» Вот там шли страшные бои. Они тогда, эти десятки и сотни тысяч, спасали Москву...

А в ноябре — мое первое ранение. Не тяжелое, в руку. Но до февраля я в госпитале, в Москве, в Боткинской больнице... А оттуда — в седьмой воздушно-десантный корпус. В июле нас спешно перебрасывают под Сталинград. Везут сначала за Волгу, в Энгельс Саратовской области, а в конце августа я в разведке артполка в Ленинске. Это уже ваша область, и оттуда через Волгу в горящий Сталинград...

— Переправлялись, видно, одновременно,— замечает Русакович после того, как из разговора выясняется, что детали переправы совпадают.— Вот же,— сокрушается он,— земляки, деревни рядом, воюем вместе, а не встретились.

— В одних развалинах хоронились и по одним дорожкам бегали и ползали на брюхе,— улыбается Толпеко, и его лицо расправляется от морщин и становится таким, какое бывает у пожилых людей при воспоминаниях о своей молодости.

Война у Николая Иосифовича была тяжелая. Пять ранений и контузий. После боев в Сталинграде и выздоровления он участвовал в боях за освобождение Ростова, Ворошиловграда, Енакиева... Здесь старший сержант Толпеко был ранен в третий раз, а после госпиталя бои за Днепр, Никополь, Кривой Рог... Затем Ясcы — Кишинев...

Николай Иосифович уже младший лейтенант, командир взвода. Бои в Румынии, Болгарии, Венгрии, Австрии... Конец войны — в Праге.

— Жесточайшие бои были за Будапешт и в районе Балатона... Столько там наших ребят полегло, тех «старичков», кто начал войну с первых дней, был в Сталинграде, выжил на Курской дуге и при форсировании Днепра... А здесь сложили свои головы.—И сразу опять, оборвав рассказ о войне, каким-то другим голосом продолжает:

— Вернулся на свой пятый курс, семья... Сейчас трое детей. Они по моим стопам пошли, тоже учителя... Профессия наша с Иваном Порфирьевичем самая нужная на земле... С ребятами и стареть некогда. Жизнь колесом. Вот и в Сталинград только через сорок лет смогли вырваться.

— А как же вы едете? По приглашению? Ведь туда на сорокалетие со всей страны...— говорю я.

Иван Порфирьевич, хитро сощурив глаза, улыбается.

— Так мы же сталинградцы. Чего нас приглашать? Это генералы и маршалы по приглашению.— Он выжидательно смотрит на меня, а потом добавляет: — Та разве ж мы не найдем там приюту?— И без всякого перехода продолжает: — А знаете, я ведь Зайцева по вашему адресу разыскал. Прислал мне письмо. Все вспомнил. И теперь надеюсь повидать его. Он тоже обещал приехать в Волгоград...

III

Чтобы понятен был наш дальнейший разговор, надо объяснить, кто такой Зайцев. Василий Григорьевич Зайцев — знаменитый сталинградский снайпер, Герой Советского Союза, воевавший в одной части с Иваном Порфирьевичем Русаковичем на Мамаевом кургане и в районе заводов.

Несколько эпизодов из их боевых действий мною описаны в рассказах. Главным смыслом этих публикаций был поиск семьи фронтового друга Зайцева и однополчанина Русаковича — Александра Грязева, погибшего на Мамаевом кургане. В залитом кровью комсомольском билете снайпера Грязева нашли письмо-завещание сыну, в котором можно было разобрать только несколько предложений. Вот они:

«Не тот патриот, кто много говорит о Родине, а тот, кто готов отдать жизнь за нее. Во имя Родины и твоей, сын, жизни я готов на все. Расти, дорогой мой малыш, учись. Советскую Родину люби не словами — трудом люби».

Через много лет это письмо нашло адресата, когда сын Грязева, Владимир, был уже взрослым. Он вырос достойным погибшего отца. В семье Владимира родился сын. Его назвали в честь деда-комсомольца Александром. Владимир Грязев был военным, служил на Дальнем Востоке и во время пограничного инцидента погиб.

Двенадцатилетний внук сталинградского снайпера Грязева писал тогда Василию Григорьевичу Зайцеву:

«Дедушка Вася, Вы знаете, что мой дедушка погиб на Мамаевом кургане в Сталинграде, а папа — на Дальнем Востоке. Скажите, что мне делать, чтобы враги не лезли на наши границы?»

Однако получилось так, что переписка Зайцева с внуком друга оборвалась, и мы решили разыскивать его через печать. Но пока этот поиск не дал результатов.

Вот коротко те события, которые могут прояснить наш разговор с Русаковичем.

— В первом письме Василий Григорьевич ничего не говорит о Саше Грязеве,— продолжает свой рассказ Русакович. Он достает из кармана конверт и протягивает мне.— Письмо давнее...— добавляет он.— Но теперь с Зайцевым мы уже должны сами встретиться...

«Письмо к боевому командиру-однополчанину, Ивану Порфирьевичу Русаковичу.

Здравствуй, Иван Порфирьевич!

Сегодня 8 декабря 1981 года. Я получил твое письмо. Во-первых, я все помню, помню тебя по боевым делам и в минуты затишья. Разве можно забыть встречу нового, 1943 года в твоем уютном блиндаже. В те предновогодние дни мы уже чувствовали себя крепко, уверенно и фашистских атак не боялись. Минометчики всегда считались зажиточными, домовитыми, гостеприимными. Вы имели в своем загашнике и закуску и выпивку. Вот нас, снайперов, как магнитом и тянуло к вам.

Моряки любят остро пошутить, но тогда, в тот новогодний вечер, вы, минометчики, неправильно поняли шутку и, мне кажется, чуточку обиделись на снайперов.

Я помню тебя, Иван Порфирьевич, как выдержанного, скромного человека. Да и все знают Русаковича как смелого и сильного характером человека. Помнишь ли ты командира минометной роты Бездитько? Он живет на Украине, кажется, в Сумской области. Тебя ранило 19 января, на Мамаевом кургане, а меня 20 января...

Сперва отправили на лечение в город Ленинск, а потом переправили в больницу, в Москву.

После выздоровления уехал в свою армию и уже был командиром зенитно-пулеметной роты.

Освобождал Украину, был ранен. Дрался за деревню Пугачень, это уже в Молдавии. На реке Днестр был опять тяжело ранен. В армию вернулся на Сандомирский плацдарм в Польше. Командовал отдельной зенитно-пулеметной ротой. В общем, войну закончил на Одере.

Четверть века работал в Киеве. Был директором завода, председателем райисполкома, директором фабрики, директором техникума, и вот болезнь вышибла меня из трудового седла, и я бросил работать, сейчас на пенсии.

А как у тебя сложилась жизнь после войны?

В 1983 году буду на открытии в Волгограде нового музея обороны и панорамы. Приезжай, встретимся, все вспомним. Был ли ты в Сталинграде после войны?

В летние месяцы мы с женой живем на даче. За корреспонденцией следить некому, и, наверное, первое твое письмо пропало на почте.

Уважаемый Иван Порфирьевич! Прими наши поздравления и наилучшие пожелания в связи с наступающим новым, 1982 годом.

Пиши! Мой адрес: 252070, Киев-70, ул. Волошская, д. 42, кв. 16. Обнимаю. Зайцев.

8.12.1981 г. гор. Киев».

— Вот должны встретиться.— Влажнеют глаза у Русаковича.— В письмах разве все расскажешь...— Голос, прерываясь, вздрагивает, и он, отвернув лицо, смотрит в окно на заснеженные крыши домов.

— А я про себя знаю,— помогает земляку справиться с волнением Николай Иосифович.— Не удержусь и буду там, в Волгограде, плакать. Знаю... Не удержусь... Я ведь все помню... Хоть и сорок лет...

Толпеко поднялся из-за стола, подошел к окну и тоже стал смотреть туда же, на заснеженные крыши Москвы.

Мы прощаемся.

— А то давайте,— говорит Николай Иосифович, и его горячо поддерживает Русакович.

— Ей-богу, решайтесь. Сядем в поезд, и завтра утром там, на вашей родине.

— Продуктов у нас хватит,— подхватывает Толпеко.— У меня сало копченое, домашнее, и еще кое-что... Так бы славно до самой Волги и проговорили.

— Нет... Благодарю. На родину едут без суеты. Я отправлюсь летом...

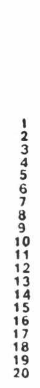
Фронтовики уезжают в мой родной город, и с ними уезжает моя юность.

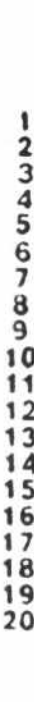
Провожаю гостей, а на душе неспокойно. Что-то я делаю не то. Не то ответил этим людям, не то рассказывал им о дофронтовом Сталинграде, где из нашего 8-го класса, выпуска сорок второго, осталось только семь человек... Не то...

Окончание следует.

А. Цурин. ДЕВЯТОЕ МАЯ.

Выставка дипломных работ выпускников Художественного института им. В. И. Сурикова

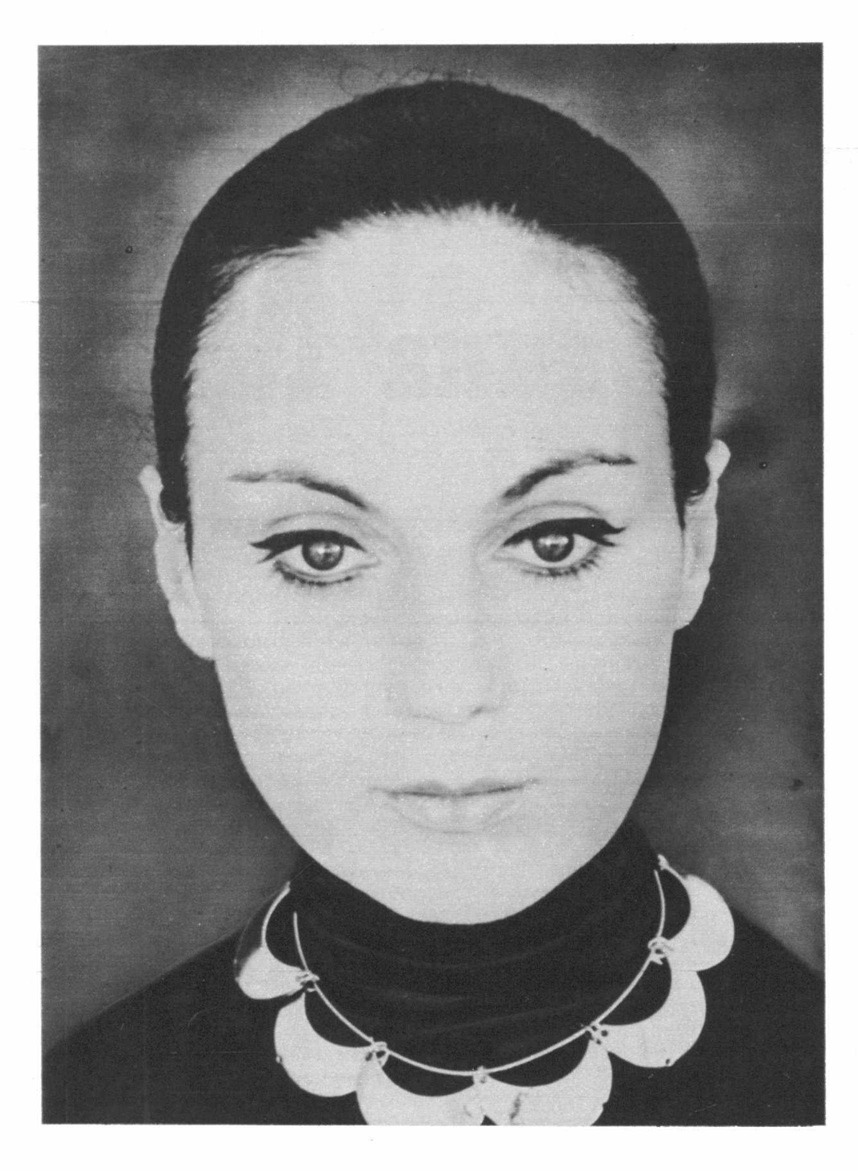

Е. Ткачева. СВАДЬБА.

Выставка дипломных работ выпускников Художественного института им. В. И. Сурикова

Сергей **МАРКОВ**

о богатстве дарования

Грузинская фреска

К сожалению, мне не посчастливилось видеть Латавру на сцене. Она не выступает. Возможно, совсем не вернется к профессиональному танцу...

Она так горячо убеждала в этом и друзей своих и меня — и особенно себя,— что в конце концов можно было даже усомниться. И когда я простился, улетел из Тбилиси, мне казалось: я видел Латавру Почиани на сцене: все в ней — имя, голос, улыбка — заполнено чудесной грузинской музыкой, духовным артистизмом.

— Исполняя народные танцы,— говорил композитор О. Тактакишвили, министр культуры Грузии,— Латавра как художник-творец создает психологический портрет грузинской женщины, гордой и прекрасной, озорной и преданной, смелой и находчивой. Всегда разная, как природа Грузии, она демонстрирует не только совершенство пластики, но и лепит характер, строит сюжет, в основе которого мечта об идеале.

— Ее рисовали многие,— говорит К. Санадзе, народный художник Грузии.— Ей посвящали стихи, песни. Называли ее фреской. Цветком. Музой танца...

Мы сидим на балконе пятнадцатого этажа гостиницы «Иверия» и пьем домашнее вино отца Латавры — старого винодела. Внизу вдоль бурлящей темно-коричневой Куры тянутся гирлянды фонарей, заплетенные в лиловые ветви деревьев. Луну, похожую на апельсин, иногда затягивают легкие дымные облака, мягко мерцают звезды.

Латавра вспоминает, как, окончив Тбилисский медицинский институт, поехала по распределению в село Манави. Первым ее пациентом была девяностолетняя тетушка Манано; в ее доме Латавра жила в детстве. Манано в ту пору грозилась заболеть, когда Латавра станет доктором.

— Тетушка Манано, вы же абсолютно здоровы!— сказала Латавра, отложив фонендоскоп.

— Послушай, послушай! Вот здесь еще послушай!..

— Ничего плохого не слышу. И сердце у вас хорошее, и давление, и...

— А-а! — рассмеялась наконец Манано.— Не зря, девочка, тебя учили! Я специально пришла проверить, какой ты доктор. Теперь вижу: справишься!.. У нас хоть и здоровые все, да много в селе народу — иным и за сто уже перевалило...

Три года Латавра работала сельским врачом, лечила виноградарей. Они любили ее за чуткость, искреннюю доброту. За то, что по-настоящему любит свою работу: это для людей самое главное в жизни.

Однажды во время конференции сельской интеллигенции в Тбилиси коллеги попросили ее выступить в концерте художественной самодеятельности: Латавра с детства занималась в кружке грузинских танцев. Ансамбль имени Ленинского комсомола, где она была солисткой, стал лауреатом VI и VII Всемирных фестивалей молодежи и студентов, получил диплом первой степени.

Латавра, заведующая сельской амбулаторией, танцевала «Картули», не зная, что в зале сидит знаменитая танцовщица Нино Рамишвили. После выступления подошла Нино к Латавре и пригласила ее в Государственный академический ансамбль народного танца Грузии, собиравшийся в то время на гастроли в Париж. Латавра отказалась. И вернулась в село Манави. К тетушке Манано, к своим больным.

Чувство долга, ответственность, трудолюбие — именно они определяют необычную жизнь Латавры Почиани, народной артистки Грузии и кандидата медицинских наук. И, конечно, талант.

Через три года она все-таки переехала в Тбилиси и стала профессиональной танцовщицей — солисткой Государственного академического ансамбля... Танец стал ее работой.

...Англия, Швеция, Италия, Мексика. На пяти континентах, более чем в семидесяти странах побывал ансамбль. Искусство его называют «восьмым чудом света».

— Я всегда боялась одинаковости, штампов,— говорит Латавра.— Вообще люблю во всем разнообразие — красок, звуков, запахов... Тбилиси наш очень разный... Родилась я в горах, но люблю море, потому что оно никогда не повторяет себя. Муж уверяет, что и цвет глаз моих меняется в зависимости от моря... Люблю Айвазовского, Тернера, Микеланджело. Люблю Чайковского, потому что музыка его, кажется, написана специально для тебя! Ее каждый раз слышишь по-новому и по-новому ею восхищаешься...

— За рубежом я поняла,— говорит Латавра,— что язык танца интернационален. Возвышенная поэма о любви «Картули», жанровые сценки «Старого Тбилиси», танец Нестан-Дареджан из хореографической миниатюры по «Витязю в тигровой шкуре», танцы моей Сванетии понятны всем. Думаю, что глубоко национальное всегда интернационально. Людям всего мира понятно стремление к любви, красоте, добру...

Но — вот удивительно! — при всем том она скучала по медицине.

— У медицины и искусства много общего!.. Медицина лечит от физических недугов, искусство исцеляет духовно. Возвышая нравственность, утверждает личность... Мне говорили, что задуманное мною невозможно,— улыбается Латавра.— Но я с детства привыкла ставить перед собой трудные задачи. И пошла работать в отдел медицинской кибернетики Института экспериментальной и клинической хирургии и гематологии. С утра до часу дня — в Институте, с двух дня до ночи — на репетициях. Правда, не ездила на гастроли — выступала только в Тбилиси или в недалеких районах. А когда занялась диссертацией, на четыре года совсем ушла из ансамбля...

Кандидатская диссертация Латавры Почиани называется так: «Экспериментальное исследование фазовой структуры систолы при асфиксии, кровопотере и пролонгированной гипотензии». Смысл ее заключается в том, чтобы выработать методы и критерии для оценки сердечной деятельности при шоке, потере крови и длительном низком давлении. Многочисленные опыты на кроликах породы шиншилла показали, что если при тяжелой кровопотере вернуть организму кровь, выявятся скрытые нарушения. Тщательное исследование с помощью электронно-вычислительной машины дает возможность ранней диагностики сердечной недостаточности, возможность ближайшего прогноза. А значит, более эффективного лечения больных, потерявших много крови.

Научный руководитель Латавры профессор В. Бочоришвили говорит, что танец ее есть удивительная гармония мыслей и чувства. Синтез интеллекта и таланта...

И он с удивлением продолжает:

— Мне непонятно, как эта хрупкая женщина смогла принести в искусство столько мыслей, а в науку — столько искусства. Именно в науку! Потому что я с ней познакомился как с отличным медиком. Диссертацию Латавра — народная артистка Грузии — защитила с блеском...

...Мы еще сидим на балконе «Иверии», но уже смолкла музыка. Внизу бурлит совсем уже черная Кура.

Латавра говорит, что это был последний творческий ее вечер, где она танцевала с лучшими ансамблями Грузии. Говорит, что не вернется к профессиональному танцу. Будет теперь работать в детской клинике, а это требует от человека всего времени. Талант не только для самого искусства, но и для того, чтобы вовремя уйти из него...

— А как же Майя Плисецкая, Алисия Алонсо? Как же Нино Рамишвили, которая танцевала до шестидесяти пяти лет?..

— Нет,— улыбается Латавра.— Моя мама врач. Мне было семь лет, когда я проходила мимо окон Дворца пионеров и увидела танцующих мальчиков и девочек, и мама разрешила мне записаться в кружок. Только с условием, что танцы не помешают стать хорошим врачом. Я обещала... Нет, я не вернусь больше на сцену. Я думаю о докторской диссертации по медицине.

Фото А. Саакова

Обстоятельства смерти господина N

Леонид МЛЕЧИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Пробравшись на свое место в хвосте самолета, Фил Хоукс рассмеялся. Молодой японец спал, укутав голову пледом и положив на грудь стандартную гостиничную табличку с надписью «Прошу не беспокоить», которую любители поспать вешают на ручку двери своего номера в отеле. Самого Хоукса тоже клонило ко сну, но уснуть по-настоящему в самолете он не мог. Нацепив радионаушники, он коротал время между трапезами — кормили в самолете обильно и вкусно.

Пока что он был доволен поручением, данным ему Клинтоном. Его, правда, беспокоило дальнейшее: как все-таки он сумеет отыскать в Бангкоке Нэда Олдмонта, который должен получить немалую сумму по страховому полису своей покойной жены? Странный, должно быть, человек этот Олдмонт. Уехал из Америки, из дома, оставив только адрес почтового агентства в Бангкоке, куда ему пересылают корреспонденцию... Зачем? От кого он бежал? От семьи? От привычной жизни?

Хоукс предполагал, прилетев, дать объявления в газетах, обратиться в полицию. На худой конец, решил он, можно попробовать подкараулить Олдмонта в почтовом агентстве, куда приходят письма до востребования.

Хоукс вез с собой все необходимые документы. Олдмонту не придется лететь за наследством в Америку, достаточно просто подписать бланки, уложенные в чемоданчик Хоукса вместе со свидетельством о смерти, копией завещания и даже фотографиями, сделанными полицейскими экспертами на месте, где автомобиль Лилиан Олдмонт столкнулся с грузовиком.

За три дня до отлета Хоукса в Бангкок Уилсон и Дэвис все еще продолжали ломать голову над тем, что им делать с Олдмонтом.

Компьютер сообщил: младший брат Нэда Олдмонта, Линн Олдмонт, лейтенант военно-воздушных сил, погиб при выполнении боевого задания. Похоронен на Арлингтонском кладбище.

— Похоже, из-за братца он немного свихнулся, а?— пробормотал Уилсон.— Смотри-ка, после смерти брата попросил длительный отпуск. А потом и вовсе перевелся на должность с понижением. А что его жена?

Вместо ответа Билл Дэвис показал ему какую-то бумагу. Уилсон изумленно посмотрел на него.

— А Олдмонт-то знает об этом?

— Нет. Ему это даже в голову не приходило. Я только что в этом убедился.

Уилсон погрузился в размышления. Потом взял лист чистой бумаги и стал быстро писать. Перечитал написанное. Показал листок Дэвису. Тот пожал плечами.

— Своего рода «медовая ловушка». Только навыворот, и слишком много «если». На мой взгляд, чересчур сложно. И где гарантия?

«Медовой ловушкой» в мире секретных служб называлась западня, которую устраивали противнику с помощью женщины-агента.

Уилсон нетерпеливо прервал его:

— Ты по-прежнему не понимаешь, с кем имеешь дело. Как ты думаешь, зачем он улетел в Таиланд?.. Вовсе не для того, чтобы шляться по массажным салонам. Его тянет на место смерти брата. Тебе нужно выяснить, при каких обстоятельствах погиб младший Олдмонт. Если там что-то было нечисто, значит, сейчас Нэд Олдмонт пытается раскопать это дело. Следовательно, он в полной боевой готовности. Втравливать ребят из бангкокской резидентуры не хочется. Посылать «охотника за черепами»? Для этого потребуется санкция начальства. Так что остается только одно...

Уилсон постучал пальцем по листку бумаги, наполовину исписанному его четким почерком...

Заполнив регистрационную карточку отеля «Амбасадор», Фил Хоукс тут же поменял доллары на баты, небрежно засунул толстую пачку красно-коричневых стобатовых купюр во внутренний карман светло-серого пиджака и поднялся на пятый этаж, где на него с ленивым интересом воззрилась полусонная коридорная, которая дремала за пустым столом, придвинутым вплотную к большому, во всю стену зеркалу.

Первым делом Хоукс пошел в ванную, свет в которой включался одновременно с оглушительно гудевшим вытяжным вентилятором. Хоукс тихо вздохнул: в такой невероятно отсталой стране, какой ему представлялся Таиланд, на лучшее нечего и рассчитывать. Вытирая мохнатым полотенцем мокрые волосы, он в одних шлепанцах пошел к телефону. Номер посольского коммутатора он отыскал в справочнике, на котором покоился уже треснувший аппарат.

— Развлекайтесь,— посоветовал ему сотрудник консульства, с которым Хоукса соединил дежурный.— Такой экзотики вы нигде не увидите. Только будьте осмотрительны. Нас предупредили о вашем приезде. Завтра утром я зайду к вам. Меня зовут Дуайт Хенкинс.

Положив трубку, Хоукс задумчиво посмотрел в окно. Ночь по-южному, без сумерек, опустилась на землю. Он надел голубую рубашку с короткими рукавами, брюки из легкой, почти невесомой ткани, спустился вниз. Автоматически раздвинувшиеся при его приближении двери выпустили его в душный бангкокский вечер. Фонарей не было. Освещение составляли рекламное разноцветье и свет автомобильных фар — уличное движение нисколько не уменьшилось.

Он спустился по ступенькам на тротуар и пошел вдоль ярко освещенной витрины магазина одежды, где не только обещали одеть с ног до головы по последней моде, но и, если понадобится, в двадцать четыре часа сшить любой костюм. Таких магазинов-ателье, отметил потом Хоукс, было много на улицах, прилегавших к крупным отелям.

В узком переулке, куда выходил фасад «Амбасадора», стояло несколько машин с потушенными огнями и толпилось довольно много людей. Они сидели на стульях, оставленных уличными торговцами едой, которые уже разошлись; иные, поджав под себя ноги, располагались прямо на тротуаре, какой-то парень улегся на кузов автомобиля. Хоукс недоумевал: что они здесь делают? Он не видел ни бутылок, ни карт, и эти люди не были похожи на бездельников, рассказывающих друг другу одни и те же байки.

Когда Хоукс свернул в переулок, с тротуара поднялся человек и побежал ему навстречу. Он призывно махал рукой и улыбался Хоуксу, словно тот был его братом, с которым он не виделся десять лет. Подбежав к Хоуксу, он радостно выпалил:

— Массаж! Хорошие девочки! Недорого! Здесь рядом!

В правой руке он держал замусоленные цветные фотографии местных красоток.

Коротышка, как и все эти люди, заполонившие переулок, был зазывалой так называемых массажных салонов. Эти заведения начали процветать в шестидесятых годах, когда в Таиланд прибыли американские солдаты. Накануне отправки во Вьетнам они искали утешения в этих самых салонах, которые возникали в Бангкоке с неимоверной быстротой.

В Бангкоке была глухая ночь, когда Биллу Дэвису, только что появившемуся в своем кабинете в Лэнгли, принесли телеграмму, подписанную Говардом О'Брайеном. Дэвис прочитал ее, удовлетворенно хмыкнул и пошел к Уилсону. «Все идет по плану, все идет по плану»,— бормотал Дэвис.

Ночью человек не властен над собой. Днем заботы и дела отвлекали его от тягостных мыслей. Ночью он не мог справиться с собой: прошлое не отпускало его. Засиживаясь допоздна с книжкой в руках, он затягивал время отхода ко сну, надеясь, что усталость возьмет свое. Но едва выключал свет, как сон словно рукой снимало.

Сколько лет было бы сейчас Линну, если бы он сумел тогда вызволить его отсюда, добиться его перевода на любую из сотен американских баз, раскиданных по всему миру? Прошло полтора десятка лет. Сейчас Линн был бы уже зрелым мужчиной. У него были бы дети. Почему-то Олдмонт не мог представить себе лицо взрослого Линна. Тягостными бессонными ночами перед ним неотступно стоял веселый, добродушный юноша, каким был его младший брат еще до поступления в училище ВВС. А почему он, собственно, выбрал военную карьеру? Всему виной военные фотографии и медаль Нэда, которые Линн хранил у себя в комнате. Рассказывая о пережитом в годы второй мировой войны, Нэд невольно старался опускать тягостные, страшные подробности: ему и самому не хотелось обо всем этом вспоминать. Должно быть, Линну война казалась приятным приключением, собственно говоря, не ему одному...

Нэд был в Австралии, когда Линн решил стать летчиком. На пятом континенте монтировались первые установки, которые потом стали ядром гигантской системы прослушивания.

В австралийской глуши, рядом с небольшим городком Алис-Спрингс, они построили огромную базу Пайн-Гэп. Там работало пятьсот человек, из них половина австралийцев, ведь официально базой распоряжаются совместно Вашингтон и Канберра, но австралийцам сотрудники Агентства национальной безопасности доверяли только техническую работу и никогда не делились полученной информацией.

Кто-то назвал Пайн-Гэп гигантским пылесосом, который улавливает все радио- и телефонные переговоры, все телексы в районе Тихого океана. Значение базы — Олдмонт был одним из тех, кто предложил руководству построить ее именно в этом месте,— заключалось в ее многоцелевом потенциале и в огромном диапазоне перехвата. База находится в районе очень стабильных геологических формаций, свободном от электронных помех, и здесь наименьшая облачность в мире.

Строительство Пайн-Гэп было победой Нэда, он вернулся в Штаты в хорошем настроении и благожелательно встретил сообщение о том, что Линн решил стать военным. Возможно, в другой ситуации он был бы более благоразумен.

За окном было совсем тихо, в комнате едва слышно шипел кондиционер, но к нему Олдмонт уже привык. В тумбочке у кровати вместе с лекарствами он хранил снотворное. Когда ему становилось совсем уж невмоготу, он глотал сразу две пилюли и забывался. Но наутро он чувствовал себя, как после наркоза — он знал, что это такое: во время второй мировой войны его дважды ранили, и дважды он засыпал на операционном столе, не зная, проснется ли. Снотворное отключало в голове что-то очень важное, пилюли делали его равнодушным, а жизнь бесцельной — и из такой

Продолжение. См. «Огонек» № 39.

жизни ему хотелось уйти. Впадать в подобное состояние было опасно — кое-что он еще должен сделать на этом свете.

Линна прошили двумя автоматными очередями. Какой-то капитан из морских пехотинцев проводил Нэда в заднюю комнату при лазарете и приподнял брезент. Стреляли с близкого расстояния — форма была разорвана в клочья. Лицо Линна было спокойным. «По крайней мере он умер сразу и не страдал»,— подумал Нэд.

Он прилетел на американскую базу в Удоне в северо-восточном Таиланде, сказав послу, что сам повезет труп Олдмонта-младшего на родину. Базой в Удоне тогда пользовались самолеты компании «Эйр Америка», их перегнали туда с Тайваня. От Удона было всего десять минут лета до Лаоса и полчаса до Южного Вьетнама и Камбоджи.

В самолете, который вез Линна в обратный путь, было много цинковых гробов — погибших во Вьетнаме возвращали семьям.

Об обстоятельствах смерти брата ему рассказали скороговоркой. Линн посадил самолет на территории, занятой противником, чтобы забрать разведгруппу. Пока шла погрузка, он вроде бы забрел в джунгли, и там его подстрелил вьетконговец. Все в этом рассказе выглядело странным: зачем Линну понадобилось уходить далеко от самолета? Почему говорили о какой-то погрузке, если предстояло всего-навсего забрать несколько человек, которые уже собрались у взлетной площадки? И откуда появился стрелок? Если вьетконговцы знали о посадке самолета, они уничтожили бы и его и весь экипаж.

Но все эти вопросы Нэд Олдмонт начал задавать себе много позже, а тогда он сидел в жестком кресле военно-транспортного самолета полубольной, с воспаленными глазами. За весь перелет он ни с кем не перемолвился словом.

Рано утром к девушке, дежурившей в холле отеля «Амбасадор», подошел ее недавний знакомый Прасет, с которым она танцевала в дискотеке. Молодой парень поразил ее широтой, с которой вытаскивал из кармана стобатовые купюры. Видно, деньги у него водились. Он сложил руки в приветствии и улыбнулся. Девушка тоже улыбнулась ему. Прасет попросил проверить, в каком номере остановился приехавший вчера молодой человек из Соединенных Штатов, высокий, светловолосый, с голубыми глазами. Немного удивленная, девушка перечислила ему четверых постояльцев отеля, которые, по ее мнению, отвечали этому описанию. Прасет одинаково внимательно выслушал прочитанные по регистрационным карточкам сведения обо всех четырех и, поблагодарив, попрощался. Он узнал то, что ему было нужно. Человек, которого он искал, должен был остановиться на пятом этаже. Он несколько раз повторил его имя, чтобы не забыть: Фил Хоукс.

Дуайт Хенкинс позвонил в дверь, когда Хоукс уже позавтракал ломтиками ананаса и папайи — из-за разницы во времени он плохо спал, у него не было аппетита.

В номер вошел стройный, подтянутый — ни грамма лишнего веса — человек лет тридцати пяти, в темных очках, он держал под мышкой тонкую папку.

— Как идет акклиматизация? — осведомился он.— Вы готовы? Я заехал за вами, чтобы отвезти в консульство.

По дороге Фил рассказал ему, как вынужден был прервать вчерашнюю прогулку, устав от хватавших его за руку зазывал массажных салонов.

— С этими мелкими заведениями вам, конечно, связываться не следует, это опасно,— усмехнулся Дуайт,— но сходить в хороший салон я бы вам посоветовал. Пойдите в «Шери» или «Версаль». Эти салоны поставлены на широкую ногу. Вы увидите, что это совсем неплохо: после хорошей турецкой бани вами займутся две-три очаровательные массажистки, а среди таек, можете мне поверить, много по-настоящему красивых женщин.

— Две-три? — удивился Хоукс.

— Сколько хотите. Они сидят при входе. Берите хоть десяток. Массаж в Таиланде имеет одну особенность — в качестве инструмента используются не только руки, но и все тело массажистки...

— И сколько же все это стоит?

— Зависит от продолжительности массажа и престижа заведения. Обычный массаж стоит недорого, сто двадцать — сто пятьдесят батов за час. А вот когда массажируют всем телом, то берут батов четыреста. А в салоне «Мона Лиза» — восемьсот.

Дуайт оказался деятельным человеком. Он сам обзвонил редакции всех выходящих на английском языке газет и от имени Хоукса попросил дать объявления о розыске Нэда Олдмонта. Потом он выяснил адрес почтового агентства, куда Олдмонту пересылали корреспонденцию из Соединенных Штатов, записал название улицы на бумажке и объяснил Хоуксу, сколько будет стоить поездка туда на такси.

— Запомните раз и навсегда,— поучал он Фила,— о плате надо договариваться перед тем, как вы сели в машину. В бангкокских такси есть счетчики, но никто не помнит, когда они включались в последний раз. Не условитесь сразу, водитель потом сдерет с вас втрое больше.

Посещение почтового агентства было практически безрезультатным. Хоуксу объяснили, что адрес они у клиентов не спрашивают, а просто хранят корреспонденцию до тех пор, пока получатель не придет за ней. «Когда у них появится Олдмонт?» Они не знают. «На его имя сейчас пришла какая-нибудь корреспонденция?» На подобные вопросы они не отвечают. Единственное, что оставалось сделать Хоуксу, написать короткую записку Олдмонту — им необходимо встретиться — и попросить служащих агентства передать ее клиенту.

Через час он опять оказался в своем номере в смятенном состоянии духа. Что еще можно сделать, он не представлял. А главное, он совершенно не знал, чем ему заняться. Выходить из номера, превращенного кондиционером в оазис, не хотелось. Он включил телевизор.

Тираут уже минут пятнадцать прогуливался по магазинчику сувениров на первом этаже

«Амбасадора». Время от времени он недовольно посматривал на часы: сегодня пятница, и на стадионе Лумпини в шесть часов начнется матч по тайскому боксу. Бокс в Лумпини можно увидеть три раза в неделю — по вторникам и пятницам в шесть вечера и по субботам с часу дня. Тирают смотрел по телевизору международные соревнования боксеров, транслируемые из Америки или Европы, но тайский бокс казался ему интереснее и опаснее. Спортсменам разрешалось наносить удары локтями, коленями, ногами, схватка — если только боксеры не жульничали, сговорившись,— превращалась в волнующее зрелище.

Тирают жадно глотал пиво, наблюдая за почти молитвенным ритуалом выхода боксеров на ринг. Под ритмичную мелодию они исполняли особый танец в честь своих учителей. Эта устаревшая церемония раздражала Тираюта, он ждал, когда же начнется бой и боксеры пустят в ход и руки и ноги. Ему особенно нравились спортсмены, умевшие почти одновременно наносить удары локтем и коленом в ближнем бою. Если боксеру удавалось пригнуть голову противника к земле, то за этим немедленно следовал удар коленом в живот. Тирают восхищался этой молниеносной схваткой, после которой одного из соперников зачастую уносили с ринга. Ведь удар локтем — один из самых опасных, его можно сравнить с ударом ножа. Не очень разборчивые молодые парни, начинающие свой путь на ринге, локтем глубоко рассекали бровь противника. Хорошие удары ногой удавалось увидеть нечасто: опытный боксер бил ногой только в исключительно благоприятной для себя ситуации, иначе соперник, перехватив ногу, легко бросал его на ринг.

Тирают вздохнул и, в последний раз взглянув на часы, пошел к лифту. Пора. В лифте он поднялся с двумя пожилыми белокурыми женщинами европейского типа на седьмой этаж и только потом, оставшись один, спустился на пятый.

В коридоре было пусто. Его коренастая расплывшаяся фигура отразилась в большом зеркале. Придав лицу приятное выражение, он негромко постучал в дверь 507-го номера.

Поиски продолжались долго. В этом не было ничего удивительного. Прошло столько лет, кое-кто уже отправился в мир иной, другие уехали, и их невозможно отыскать, третьи просто не желают вспоминать. Но счастье улыбнулось Олдмонту дважды. Первый раз, когда его приютил пожилой американец, врач, с которым они были знакомы лишь шапочно. Во второй раз, когда выяснилось, что среди пациентов доктора оказался человек, который назвал две фамилии. Одного из них уже не было в живых. Второго Олдмонт собирался навестить. Его звали Тирают.

Олдмонт устало опустился в кресло. С этим человеком ему нужно встретиться. Что совсем небезопасно, Олдмонт хорошо знал людей такого типа. Но выхода нет. Тирают, видимо, единственный, кто может ему помочь. Олдмонт отпер центральный ящик стола, вытащил толстую пачку денег — доллары помогут им договориться. Он засунул деньги в потайной карман, пришитый к внутренней стороне рубашки,— на улицах полно мелких воришек, не успеешь заметить, как вытащат.

О'Брайен лениво перелистывал доставленные вечерней почтой свежие номера журналов, пока не наткнулся на большую статью о процессе над молодой француженкой, приговоренной в Малайзии к смертной казни за перевозку героина. Дверь его кабинета неуверенно приоткрылась, О'Брайен приглашающе кивнул Дуайту Хенкинсу.

— Вы уже видели? — О'Брайен показал на статью, украшенную цветными фотографиями француженки, которая пыталась провезти из Таиланда через Малайзию на Запад пятьсот тридцать четыре грамма героина.

— Угу,— вяло отреагировал Дуайт.— Полкило очищенного героина — верных миллиона полтора долларов потянет. Но в Малайзии законы крутые: за провоз ста граммов — пожизненное заключение или смертная казнь. В последнее время в Куала-Лумпуре предпочитают выносить смертные приговоры.

— У вас устаревшие сведения, Дуайт. Теперь можно расстаться с жизнью за провоз двадцати пяти граммов.

Хенкинс изумленно приподнял брови:

— Всерьез взялись за дело.

— А вы думали, они шутят? За полгода арестовали сорок пять иностранцев. Из них десять австралийцев, восемнадцать таиландцев, восемь сингапурцев. В Куала-Лумпуре считают, что наркотики ввозятся на грузовиках, которые совершают рейсы между Сонгкхла в южной части Таиланда и пограничным штатом Малайзии Кедах.

— Так что же, они теперь все грузовики будут обыскивать? Это невозможно.

О'Брайен пожал плечами.

— Вы у меня спрашиваете? Из статьи я выяснил, что малайзийская полиция знает и о тайных тропах, проложенных контрабандистами в джунглях на границе между Таиландом и Малайзией. Словом, полиция делает успехи.

Оба замолчали.

Первым заговорил О'Брайен:

— Ладно, будем заниматься своими делами.

Хенкинс поднялся.

— Как ребята? — поинтересовался О'Брайен.— Развлекаются? Ходят по девочкам?

— В разумных пределах.

О'Брайен поморщился.

— Не позволяйте им употреблять много спиртного.

Хенкинс многозначительно развел руками.

— Не очень-то они меня слушаются.

— Да, это хуже всего. Воздействовать на них мы не можем. А случись что, вину возложат на нас, дескать, недосмотрели.

Хенкинс был уже у двери, когда О'Брайен остановил его вопросом, который хотел задать с самого начала беседы:

— Курьер... не приехал?

Хенкинс отрицательно качнул головой. Он немного помедлил, выжидая, не спросят ли его еще о чем-нибудь, но О'Брайен молчал, и Хенкинс вышел.

— По-видимому, вы просто плохо понимаете по-английски,— зло произнес Фил.— Я вам еще раз повторяю, что вы ошиблись, и я не тот человек, за которого вы меня принимаете.

Он встал, показывая, что разговор окончен, но неприятный таиландец с совиными глазами без ресниц продолжал сидеть, закинув ногу на ногу.

Потеряв терпение, Хоукс направился к телефону.

— Мне придется связаться с полицией,— пригрозил он,— чтобы вас вывели отсюда.

Когда он снял трубку, таиландец сухо произнес:

— Полиция уже пришла к вам.

Он поднялся с кресла, чтобы продемонстрировать Хоуксу удостоверение сотрудника полиции, выданное на имя Тираюта.

— Так что же вам угодно? — Хоукс был совершенно сбит с толку.

— Я надеялся, что мы сумеем договориться, так сказать, полюбовно: вы бы помогли мне, я вам,— сказал Тирают.— Но теперь я вижу, что вы не склонны сотрудничать с нами. В таком случае вам придется поехать со мной.

— В полицию?

Вместо ответа Тирают усмехнулся. Он открыл дверь и выжидающе посмотрел на Хоукса.

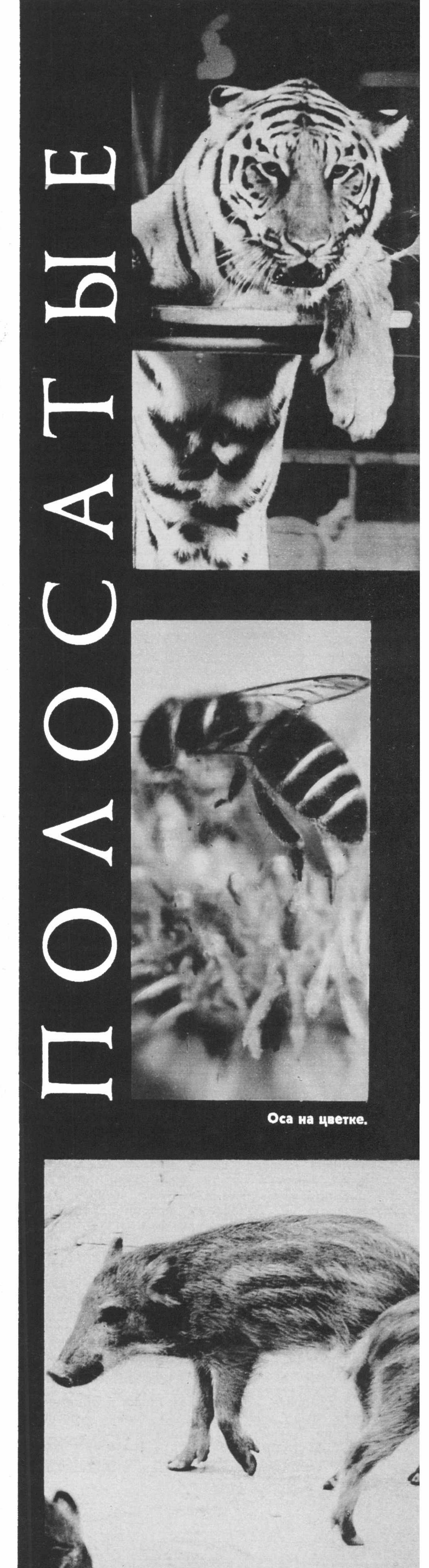
— Я должен связаться с консульством,— неуверенно проговорил Фил.

— Вы это сделаете из полиции. Пойдемте, и не привлекайте внимания.

Они спустились на первый этаж. Тирают пропустил Хоукса вперед. Они вышли из гостиницы и сели в старый, потрепанный «ниссан» без кондиционера. Хоукс немедленно стал задыхаться. Он нервно ощупывал свой американский паспорт и жалел, что не позвонил сразу Дуайту Хенкинсу и не проконсультировался, должен ли он ехать в полицию.

Он ничего не понял из разговора с этим странным таиландцем: какие-то смутные намеки, предложения. Хоукс был твердо убежден, что таиландская полиция, в его представлении не отличающаяся особой компетентностью, спутала его с другим человеком. Эта мысль его успокоила.

Продолжение следует.

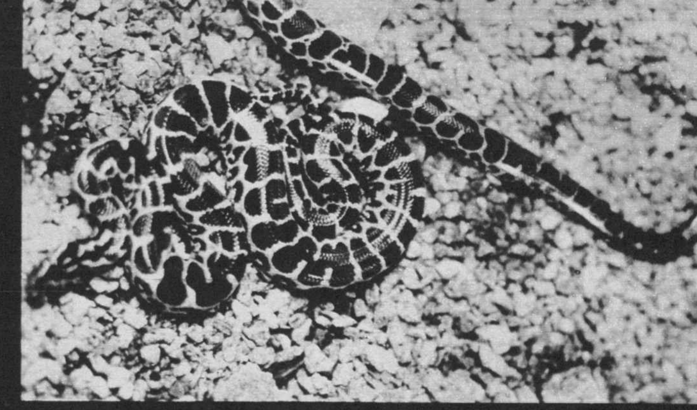
Оса на цветке.

Тигры из цирка шапито.

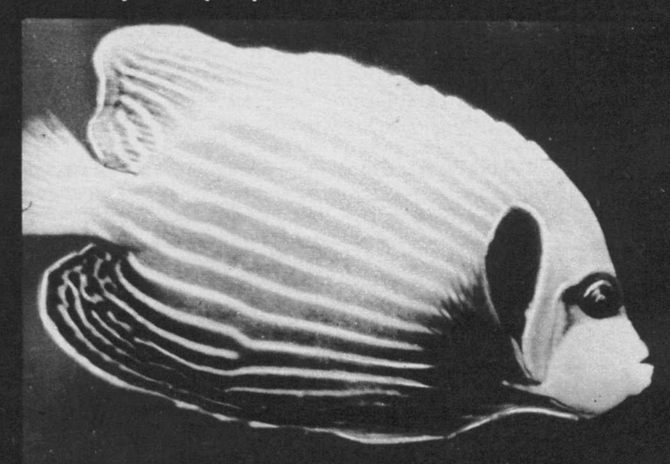
Полосатая ритмика... Она меня заинтересовала и некоторым образом увлекла. Не сфотографировать трех важных, уверенных в себе тигров было бы непростительно. В океанарии Московского зоопарка на меня смотрели его полосатые обитатели. Что-то бурча про себя, ходили полосатые маленькие кабанята. А как прекрасны своей полосатостью зебры, змеи и осы, птица удод... Кажется, все это какой-то особый, отделившийся мир. Но знаешь и другое: в природе все слитно, нераздельно.

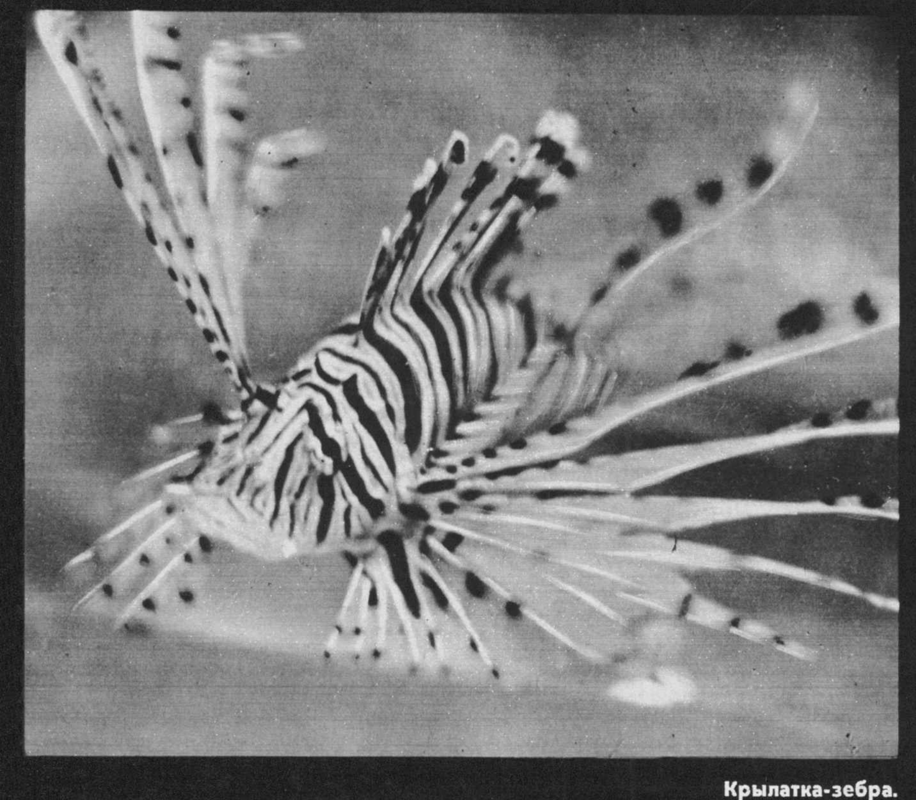
Сергей ЖАБИН,
фото автора

Парагвайская анаконда.

Помакантус император.

Крылатка-зебра.

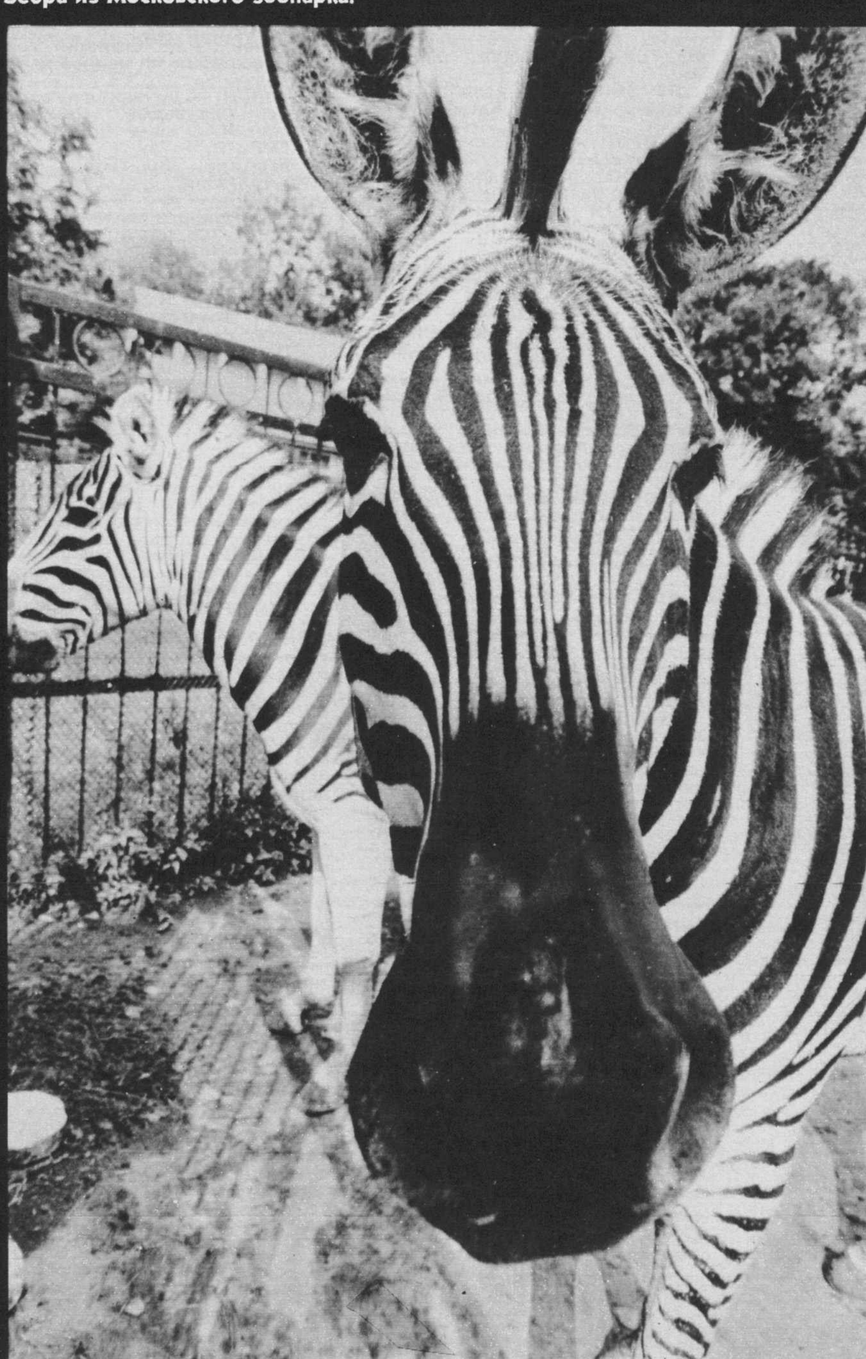
Кабанята.

Удод.

Зебра из Московского зоопарка.

МУЖСКАЯ ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ

Ш. ЧКАДУА

СЦЕНКА

Действуют: Первый — посетитель.

Второй — хозяин служебного кабинета.

В служебный кабинет, широко улыбаясь, входит Первый.

ПЕРВЫЙ (почтительно и с той же широкой улыбкой): — Здравствуйте, Адамыр Мыдгович!

ВТОРОЙ (сухо): — Если не ошибаюсь, директор совхоза «Мимоза» Мсыс Лакуанурович?

ПЕРВЫЙ (улыбка на его устах мгновенно погасла): — Да... Это, собственно, я!

ВТОРОЙ: — Вижу, что это ты. А чему ты так, собственно, радуешься? У тебя что, с планом полный порядок, да? Потому ты и улыбаешься, как красное солнышко, да?

ПЕРВЫЙ: — План я... то есть мы... то есть наш совхоз выполнил, Адамыр Мыдгович!

ВТОРОЙ: — Подумаешь, они выполнили план! Это ваша обязанность. А ты так об этом поешь, словно ты только что земной шарик перевернул! По всем показателям выполнили план? По чаю, по тангу, по фруктам, по овощам, по зерну?..

ПЕРВЫЙ: — По всем показателям выполнили, Адамыр Мыдгович!

ВТОРОЙ: — Ну и радуйся. Хлопай в ладоши, танцуй! «Я план выполнил! Я порадовал своих старших товарищей. Ура! Ура!»

ПЕРВЫЙ (в смущении): — Извините, если что не так, Адамыр Мыдгович!

ВТОРОЙ: — Послушай, ты не обижайся на меня. Ты мне скажи положа руку на сердце: прав я или не прав?

ПЕРВЫЙ: — Вы всегда правы, Адамыр Мыдгович! Вы наш старший товарищ!

ВТОРОЙ: — Ты меня пойми: входишь с победоносной улыбкой в кабинет...

ПЕРВЫЙ: — Признаю свою ошибку, Адамыр Мыдгович! Улыбка моя была несвоевременной.

ВТОРОЙ: — То-то!.. А почему ты вообще здесь появился в рабочее время?

ПЕРВЫЙ: — Мне передали, что меня вызывают, вот я и приехал.

ВТОРОЙ: — Ну, раз уж приехал, садись.

ПЕРВЫЙ: — Если меня не вызывали, я тогда лучше пойду. Извините еще раз меня, Адамыр Мыдгович, если что не так!.. (Направляется к выходу.)

ВТОРОЙ: — Обожди! Иди сюда!.. Посмотри на меня внимательно! Смело смотри! Не так, как курица, которой сейчас голову оттяпают!.. (Вдруг на Второго нападает приступ смеха. Он долго, заразительно, громко смеется. Первый чувствует себя крайне неловко: он не знает, как ему реагировать на этот неожиданный шквал начальственного смеха: мнется, продолжая стоять у дверей. Потом принимается слабо подхихикивать начальству.)

ВТОРОЙ: — Ой, Мсыс, Мсыс!.. Чудак человек! Чего ты смеешься? Ты бы лучше спросил сначала меня, почему я смеюсь!..

ПЕРВЫЙ: — Наверное, так надо, Адамыр Мыдгович. Если бы не надо было смеяться, вы бы не смеялись!

ВТОРОЙ: — Какая глубокая мысль!.. Ну, ладно, иди сюда, садись. (Первый садится в кресло подле стола.) Слушай, Мсыс, объясни мне, пожалуйста, что ты за человек? Планы у тебя действительно не только выполнены, но и перевыполнены. В районе ваш совхоз вышел в передовики. Я же тут просто пошутил с тобой. Понимаешь: по-шу-тил! Мы старшие товарищи, но мы же люди... живые люди, нас тоже тянет на шутку. Иногда! Но ты мне ответь, почему ты не заступился сам за себя? Даже не попытался как-то оправдаться? Не возмутился, черт возьми, ведь я же задел твое самолюбие руководителя? Почему ты на меня не накричал? Чего ты боялся?!

ПЕРВЫЙ: — Я не боялся, Адамыр Мыдгович, я думал, что вы... не в настроении.

ВТОРОЙ: — Слушай, а почему ты ко мне обращаешься на «вы», когда я тебе «тыкаю»? Мы же ровесники, однокашники, учились в одной школе, в одном классе, за одной партой сидели! Нас, помнишь, так и звали: «Эти дружки-неразлучники Мсыс и Адамыр».

ПЕРВЫЙ: — Да, но сейчас вы... мой... наш старший товарищ. Мне как-то неудобно вас «тыкать».

ВТОРОЙ: — Друзья всегда остаются друзьями. По-моему, так!

ПЕРВЫЙ: — Так-то оно так, но все-таки... Вы теперь старший товарищ!

ВТОРОЙ: — Ах, Мсыс, а ты все-таки удивительный человек. Оставим это!.. Поздравляю тебя с выполнением плановых заданий. Ты и человек хороший и руководитель хороший.

ПЕРВЫЙ: — Я благодарю вас, Адамыр Мыдгович, за высокую оценку моих скромных трудов.

ВТОРОЙ: — Да, да, ты хороший человек, Мсыс Лакуанурович, но у тебя есть одна слабость, даже не слабость, а недостаток. Ты не умеешь себя оборонить, когда это необходимо. Если ты прав — говори громко: я прав! Всем говори — старшим товарищам, младшим, средним,— всем. И докажи, что ты прав. Не унижай себя и не трусь!

ПЕРВЫЙ: — Вы правы, Адамыр Мыдгович, я был неправ.

ВТОРОЙ: — Запомни это, крепко запомни! Я не уважаю тех, кто не может за себя постоять. У мужчин нашего с тобой возраста должна быть мужская принципиальность. Во всем: в мелочах и в крупном... Ну-с, а теперь я должен сообщить тебе главное. Тебя вызвали затем, чтобы сообщить, что с сегодняшнего дня ты являешься директором объединения. Я тебя поздравляю с этим высоким назначением!

ПЕРВЫЙ: — Ой, не надо, Адамыр Мыдгович. Лучше я останусь в совхозе, с меня и этого достаточно!..

ВТОРОЙ: — Дорогой Мсыс Лакуанурович, я ценю твою скромность, но вопрос решен. Там, где нужно, все взвесили, все «за» и все «против». Там знают, что ты не карьерист и не ловчила.

ПЕРВЫЙ: — Ой, не надо меня выдвигать... Пожалуйста!..

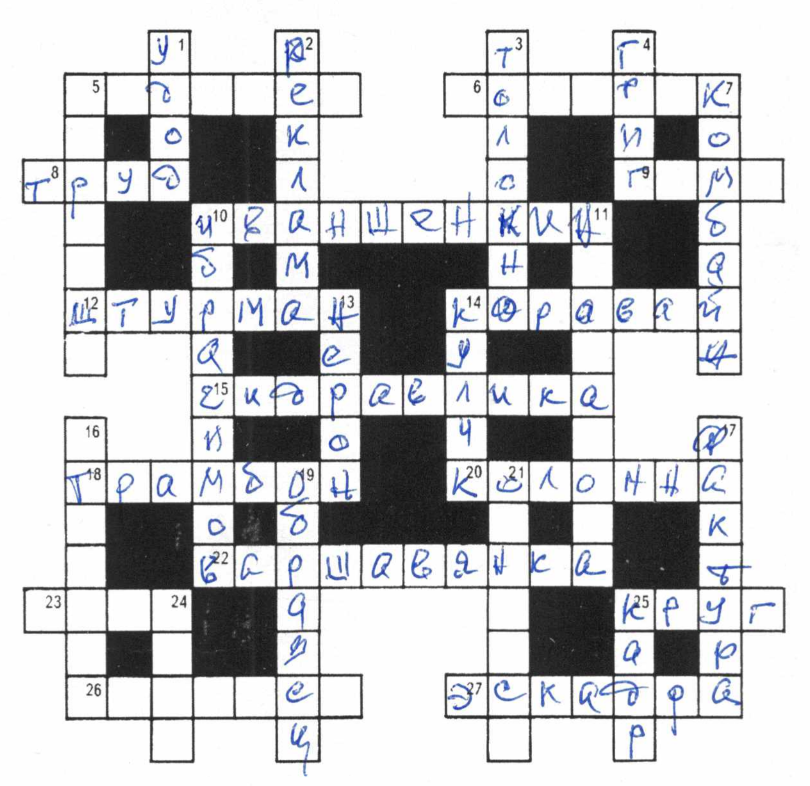
ВТОРОЙ: — Довольно об этом, Мсыс! И помни всегда о своей мужской принципиальности. Давай руку, старый товарищ. (Крепкое мужское рукопожатие.)

Перевел с абхазского
Леонид ЛЕНЧ.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Приток Ангары. 6. Украинский советский драматург. 8. Центральная газета, орган ВЦСПС. 9. Нижняя часть шахтной плавильной печи. 10. Советский летчик-космонавт. 12. Специалист по вождению кораблей, самолетов. 14. Большой круглый хлеб. 15. Наука о законах движения и равновесия жидкостей. 18. Духовой музыкальный инструмент. 20. Часть архитектурного сооружения, опора здания. 22. Революционный гимн польского и русского пролетариата. 23. Спутник Сатурна. 25. Часть плоскости, ограниченная замкнутой кривой. 26. Создатель и первый директор Музея изящных искусств в Москве. 27. Крупное соединение военных кораблей.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Птица с пестрым оперением и веерообразным хохолком. 2. Информация о свойствах товаров и видах услуг. 3. Овсяная мука. 4. Норвежский композитор, пианист, дирижер. 5. Дикорастущий лук. 7. Несколько машин, работающих в комплексе. 10. Народный писатель Азербайджана. 11. Город в Венгрии. 13. Опера А. Г. Рубинштейна. 14. Небольшая болотная птица. 16. Первый чемпион мира по шахматам. 17. Характер поверхности произведения в изобразительном искусстве. 19. Показательное изделие. 21. Город в Калужской области. 24. Оптическое излучение. 25. Снимок на кинопленке.

КРОССВОРД

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Кошевой. 6. Фуганок. 8. Архангельск. 10. Темп. 11. Осип. 12. Кассета. 15. Суфлер. 16. Кунцит. 17. Шаланда. 20. Фонтан. 21. Овидий. 22. Атласов. 25. Литр. 26. Узел. 27. Антиквариат. 30. Вторник. 31. Автокар.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Фетр. 2. «Собака». 3. Куплет. 4. Галс. 5. Кожедуб. 7. Кулибин. 8. Аппликатура. 9. Коннектикут. 12. Крушина. 13. Суматра. 14. Аксаков. 18. Борисов. 19. Нивелир. 23. Тритий. 24. Оправа. 28. Нара. 29. Атом.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Кандидат медицинских наук микрохирург Рамази Датиашвили, медсестра Галина Косыгина и Раса.
(См. в номере материал «Ночь и день девочки Расы»).

Фото А. Награльяна.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: А. Леонов, А. Соколов. «На стыковку».

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

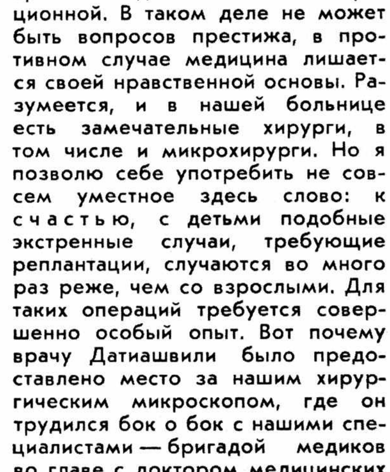
Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-80; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 12.09.83. Подписано к печати 27.09.83. А 00726. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр-отт. 18,20. Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2424. Заказ № 1295.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

НОЧЬ И ДЕНЬ ДЕВОЧКИ РАСЫ

См. 2-ю обложку.

Через час с небольшим самолет ТУ-134Б с Расой на борту приземлился в Шереметьеве. Девочку уже ждали...

ли. С ним нас познакомил руководитель отдела микрохирургии доктор медицинских наук, профессор В. С. Крылов. Виктор Соломонович консультировал Рамази Отаровича накануне операции, когда Раса была еще в дороге.

Рамази Датиашвили рассказывает:

Когда в больницу, где я работаю, позвонил из Литвы доктор Виткус, вопрос «куда везти» решился в пользу Филатовки. Во-первых, это прекрасная больница, там есть все необходимое оборудование для реплантаций. Нужно было подумать и о послеоперационном периоде, то есть где ребенку будет лучше лечиться. Но первое, о чем лично я подумал,— кто даст наркоз? Наркоз — состояние далеко не безобидное, и там, где взрослый еще с ним справляется, организм ребенка может не выдержать. Для предстоящей операции, — ее предполагалось вести примерно двенадцать часов, — нужны были только детские анестезиологи, причем самого высокого класса. «Конечно, в Филатовку!» — подумал тогда я. И не ошибся. Анестезиологи Ю. Назаров и В. Бурдасов великолепно дали наркоз и провели Расу через всю операцию.

Чтобы получить разрешение навестить Расу, мы зашли к главному врачу больницы имени Н. Ф. Филатова доктору медицинских наук Я. М. Луцкому.

— Ян Михайлович, как вы относитесь к тому, что в вашей больнице оперировали «взрослые» хирурги из другого учреждения?

— Речь шла о жизни ребенка, для спасения Расы были брошены все имеющиеся силы, и никто не думал о том, «свои» или «чужие» врачи находятся в нашей операционной. В таком деле не может быть вопросов престижа, в противном случае медицина лишается своей нравственной основы. Разумеется, и в нашей больнице есть замечательные хирурги, в том числе и микрохирурги. Но я позволю себе употребить не совсем уместное здесь слово: к с ч а с т ь ю, с детьми подобные экстренные случаи, требующие реплантации, случаются во много раз реже, чем со взрослыми. Для таких операций требуется совершенно особый опыт. Вот почему врачу Датиашвили было предоставлено место за нашим хирургическим микроскопом, где он трудился бок о бок с нашими специалистами — бригадой медиков во главе с доктором медицинских наук, микрохирургом Игорем Витальевичем Бурковым.

Операция длилась девять часов. Рисковали ли врачи, решившись на приживление, реплантацию? Ведь в ампутированных конечностях сразу же начинаются окислительные процессы, продукты которых губительны для живого организма. Бороться с этим явлением врачи научились. И все же, хотя методика, как мы уже говорили, разработана, все же зловещий фактор времени остается, против врачей и пациента работает каждый час, да что там час — каждая минута!

С момента травмы до начала операции прошло двенадцать с половиной часов. Много это или мало? Врач скажет: «Довольно много». Но если вспомнить, как далеко от Филатовки случилось несчастье с ребенком, то возникает вопрос: «Как успели?» Тогда мы решили еще раз пройти путь маленькой Расы, чтобы встретиться с теми людьми, которые обеспечили ее спасение.

И вот мы стоим с председателем колхоза В. В. Блотнисом на самом краю луга, у дороги, где произошло несчастье. Видно, что недавно снова здесь косили траву. Небольшой участочек площадью примерно два-три квадратных метра, на котором лежала Раса, отличался цветом, словно земля выжжена...

Рассказывает главный медик колхоза, фельдшер первой категории Элена Болеславовна Кривицкине:

— Поздно вечером я услышала, что в деревню въехал трактор и остановился у моего дома. Через несколько минут я и председатель колхоза уже сидели в машине «Нива». С нами ехал Аудрюс Янелюнас — молодой парень, студент сельскохозяйственного техникума, он гостил у председателя.

Девочка лежала на кровати, ножки выше колен были перевязаны поясом от халата. Я взглянула на раны, они были рваные, кровь свернулась.

Есть инструкция Министерства здравоохранения СССР о том, как хранить ампутированные части тела для последующего приживления. Мы сразу решили, что возьмем с собой отрезанные ступни девочки. Когда отец нес их в платке с поля, к нему подошел сосед и сказал: «Витаут, зачем несешь беду в дом? Возьми лопату и похорони их». Но тот молча обошел его. Аудрюс и я обработали ступни, положили в целлофановый пакет, лед взяли из холодильника. Ввели противошоковый препарат девочке. Председатель сел опять за руль — любой раллист мог бы позавидовать ему, так он вел машину в темноте по нашей дороге. В больнице в Радвилишкисе нас встретил Раймундас Аганаускас — молодой и очень хороший врач. Это он поднял среди ночи своим звонком в Вильнюс многих людей сразу в трех республиках. А сам с дежурной медсестрой Бируте Минкявичюте доставил девочку в Москву.

— Я дежурила в приемном покое,— принимает эстафету рассказа Бируте.— Когда принесли Расу, мне стало страшно. Конечно, я быстро справилась с собой, но это была самая ужасная травма, которую мне приходилось видеть. «Вы поедете с нами»,— сказал мне доктор. Я тогда не подумала, что до самой Москвы. Мы не взяли ничего, даже денег, я поехала как была, в тапочках, в халате.

— Бируте, вы верили в успех операции?

— Я знала, что у нас в Вильнюсе, в центре, где работает Виткус, проведено больше двухсот удачных реплантаций. Но такая обширная травма... Я не знала, что думать, но ведь нас, медиков, учат, что за жизнь и здоровье борются до конца, пока есть минимальная надежда... Летчики, — минутку помолчав, продолжает Бируте,— и военные на аэродроме были очень внимательны к маленькой Расе. Кажется, второй пилот, он говорил по-литовски, все время спрашивал, чем можно помочь — мы ведь капельницу всю дорогу над головой держали, по очереди.

А теперь слово летчикам.

Рассказывает командующий Военно-воздушными силами Прибалтийского военного округа генерал-лейтенант Петр Николаевич Масалитин:

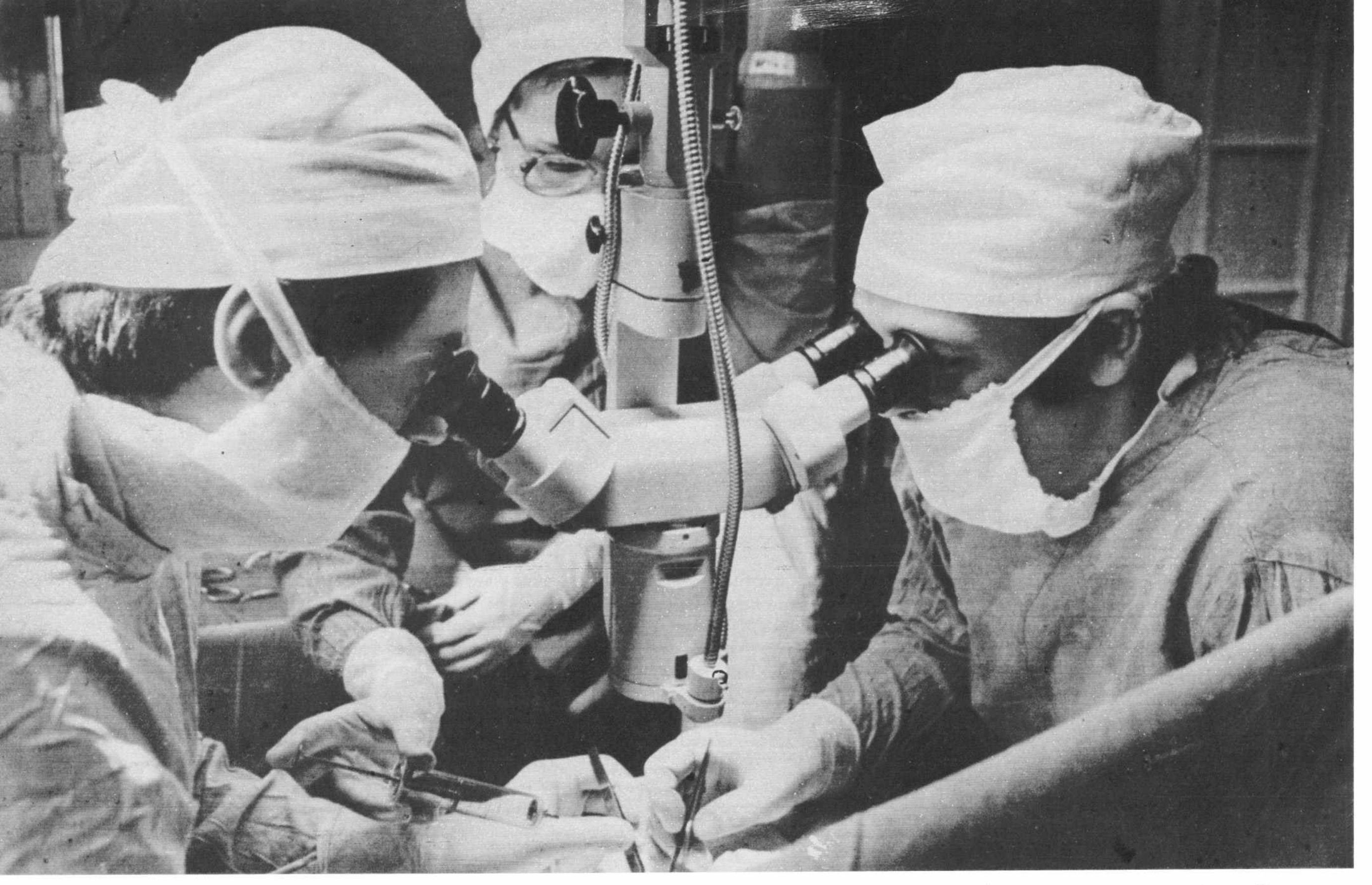
— Мне позвонил командующий округом генерал-полковник Станислав Иванович Постников, сообщил, что на одном из наших аэродромов находится девочка, которую нужно срочно доставить в Москву. Мы связались с начальником Латвийского управления гражданской авиации В. Г. Бизюковым, предложили свой самолет. Но Владимир Георгиевич сказал: «Ее ждут в аэропорту Шереметьево, а этот тип самолетов там не принимают. Просим разрешить посадку нашего самолета у вас, заберем девочку». Мы немедленно дали команду в воинскую часть — обеспечить все необходимое для доставки девочки в Москву.

Владимир Георгиевич Бизюков продолжает разговор.

— В наш аэропорт позвонил доктор Виткус из Вильнюса. В их республиканском центре микро-

Экипаж Юрия Петровича Сурикова, совершивший этот необычный рейс. Второй пилот А. К. Лобачев, бортмеханик Г. М. Зинуров и командир (слева направо).

В столичной клинической больнице № 51 очередную операцию проводит бригада, спасавшая Расу. Кандидат медицинских наук, младший научный сотрудник отделения экстренной микрохирургии Р. О. Датиашвили, ассистент, врач отделения Я. Б. Бранд и операционная сестра Е. Антонюк.

Московская «Скорая»! Она всегда приходит на помощь.

Раса выздоравливает. Все эти месяцы рядом с ней в московской больнице имени Филатова была мать.

хирургии все три микроскопа были заняты на операциях. Виткус говорил с диспетчером Иваном Филипповичем Василенко, меня этот звонок не застал, я только что выехал домой из аэропорта. Это было в районе часа ночи, а девочку ждали в Москве не позже шести утра.

На подготовку вылета требуется один час. Бортмеханик Г. М. Зинуров управился быстрее. У экипажа не возникло сомнения лететь или не лететь, хотя погода была нелетная. Через двадцать минут ТУ-134Б без единого пассажира на борту оторвался от посадочной полосы. Через несколько минут самолет приземлился на военном аэродроме, сделал разворот и, не выключая двигателя, принял на борт врача, медсестру и Расу с матерью.

Заметим, что «Скорая» с девочкой прибыла в воинскую часть, когда еще не поступало никаких распоряжений от командующего ВВС. Машину встретил дежурный по стоянке лейтенант Сергей Николаевич Саяпин. А дежурным командного пункта в ту ночь был летчик гвардии майор Сергей Федорович Малый. Он сказал Саяпину: «Делайте все так, лейтенант, словно это ваша дочь».

В аэропорту «Рига» мы застали экипаж накануне очередного рабочего вылета. Не было только штурмана Э. В. Кайтукова.

— Вылетая из Риги, мы знали лишь, что выполняем санитарный рейс,— рассказывает командир воздушного судна Юрий Петрович Суриков,— а с кем приключилась беда, даже спросить не успели. Решили, что с кем-то из военных, а поскольку большой совершенно пустой самолет выделен, решили: генерал, не меньше, а подошли к трапу, видим: на огромных носилках лежит девочка, маленькая, как куколка, и длинные русые волосы разметались (в больнице Расу постригли.— **Ю. С.**). В полете несколько раз подходили узнать, может, что-нибудь нужно. При взлете и посадке носилки держали на руках, в Шереметьеве тормозили, не включая реверс, чтоб не тряхнуло.

Ну а как же она сейчас, наша маленькая литовская девочка Раса? Она отдыхает в санатории, недалеко от Вильнюса. Сейчас это подвижная, жизнерадостная, капельку избалованная повышенным вниманием девочка. В больнице она научилась говорить по-русски, стала общительна, насколько мы можем судить, сравнив ее с сестрой-близняткой Аушрой. Раса обожает своего спасителя Рамази Датиашвили, с ним ей еще предстоит встреча в Москве.

Девочка, разумеется, еще не ходит. Возможно, ее ожидает еще одна операция. Пока ее выписали на две-три недели: по мнению врачей, ребенок обязательно должен отдохнуть от больницы, встретиться с братом, сестренкой.

От самой Расы и ее родителей еще зависит очень многое. Ей потребуется немало мужества, чтобы преодолеть боль, научиться заново ходить. И родители девочки ответственны за то, чтобы не пропали усилия людей, спасших девочку. Ей шлют письма, присылают подарки, зовут в гости, она родная для всех, маленькая дочь своей большой страны.

Командующий ВВС Прибалтийского военного округа генерал-лейтенант Петр Николаевич Масалитин.

Медсестра Бируте Минкявичюте на улице родного Радвилишкиса. Вместе с врачом Р. Аганаускасом она сопровождала Расу до Москвы, непрерывно оказывая девочке медицинскую помощь.

Военный летчик гвардии майор С. Ф. Малый с детьми Ирой и Юрой. В ту ночь он был дежурным командного пункта.

Барокамера в Филатовской больнице, здесь Раса прошла курс лечения.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663